

Г. П. Нецименко

**Языковая
ситуация
в
славянских
странах**

«НАУКА»

**Памяти
нашего дорогого Алеши,
Попова Алексея
Николаевича,
посвящается**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИИ
МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Г. П. Нещименко

**Языковая
ситуация
в
славянских
странах**

**Опыт описания
Анализ концепций**

МОСКВА «НАУКА» 2003

УДК 811.16
ББК 81.2
Н59

Ответственный редактор
доктор филологических наук *А.Ф. Журавлев*

Рецензенты
доктор филологических наук *Е.Ф. Тарасов*,
доктор филологических наук *Г.Г. Тяпко*

Нещименко Г.П.

Языковая ситуация в славянских странах: Опыт описания.
Анализ концепций / Г.П. Нещименко; Ин-т славяноведения. – М.:
Наука, 2003. – 279 с.

ISBN 5-02-032663-1

Монография освещает широкий спектр актуальных, остродискуссионных социолингвистических вопросов, имеющих большое теоретическое и прикладное значение, в частности для определения стратегии и тактики в сфере культурной и языковой политики, для установления приоритетов в области языкового воспитания индивидуума. Предложена новая концепция членения этнического языка – коммуникативная, существенно отличающаяся от концепций описания языковой ситуации, используемых в современной социолингвистике, в частности концепции стратификационной.

Для специалистов по социолингвистике, психолингвистике, лингвокультурологии, истории литературного языка, культуре речи и т.д., а также для студентов и преподавателей вузов.

ТП-2003-П-№ 145

ISBN 5-02-032663-1

© Российская академия наук, 2003
© Издательство “Наука”, оформление, 2003

ОТ АВТОРА

Данная книга представляет собой попытку рассмотрения фундаментальной социолингвистической проблемы языковой ситуации через призму коммуникативной модели строения этнического языка. Лежащая в основе этой модели теоретическая концепция сформировалась в ходе проводившегося нами на протяжении ряда лет социолингвистического изучения славянских языков.

Анализируя имеющиеся в научной литературе социолингвистические описания тех или иных языков (в этом отношении для нас было весьма полезным участие в коллективной монографии “Функциональная стратификация языка”, вышедшей в 1985 г. под редакцией М.М. Гухман), мы имели возможность сравнить выводы исследователей с нашими собственными наблюдениями над современным речевым узусом, прежде всего русским и чешским. Рассмотрение обширного корпуса языковых фактов, включающего также и материалы нашей собственной картотеки, привело нас к мысли о необходимости корректировки традиционно, стратификационного подхода к решению исследуемой проблемы путем введения коммуникативного ракурса, последовательного соединения при анализе и синтезе языкового материала дедуктивного и индуктивного методов. Особое значение мы придавали сопоставительному изучению, как синхронному, так и диахронному, различных этнических языковых ситуаций.

Предлагаемая концепция, по нашему мнению, позволяет снять очевидные противоречия между реальным состоянием вербального узуса и лингвистической теорией, дает возможность увидеть этническую языковую ситуацию в динамике, с учетом специфики речевого поведения индивидуумов. В ходе исследований, проводившихся нами в течение восьмидесятых и девяностых годов, мы имели возможность не только апробировать на конкретном языковом материале некоторые, первоначально эвристические предположения, но и уточнить ключевые позиции и понятийно-терминологический аппарат теоретической концепции.

Результаты проведенных исследований нами докладывались на различных научных форумах. Впервые, по любезному предложению проф. Я. Хлоупека, это состоялось в 1985 г. на заседании Лингвистического объединения ЧСАН в Брно (см. тезисы этого выступления: Nešćimenková 1986). Суть используемой нами концепции излагалась в докладе на X международном съезде славистов в Софии в 1988 г. (Нещименко 1988). В последующие годы ее обсуждение проходило в научных коллективах Института чешского языка ЧСАН, Института болгарского языка БАН, а также на различных международных конференциях, в частности, в Праге в 1992 (Нещименко 1994) и 1998 гг. (Nešćimenko 1998), в Остраве в 1994 г. (Nešćimenko 1994), в Москве в 1995 (Нещименко 1995), 1996 (Нещименко 1996) и 1998 гг. (Нещименко 1998).

Осуществлению исследования во многом способствовала финансовая поддержка, оказанная Фондом Дж. Сороса (RESEARCH SUPPORT SCHEME: Институт Открытое общество, контракт 240/94). После завершения работы в 1995 г., а также проведения научной экспертизы полученных результатов в Бюллетене фонда было помещено развернутое резюме монографии (см.: Neshimenko 1996).

К сожалению, рукопись книги “Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков)”, полностью подготовленная к печати еще в начале 1996 г., по не зависящим от нас обстоятельствам не могла быть издана в России. В связи с этим мы чрезвычайно признательны немецким славистам и прежде всего профессору Герду Фрейдгофу, сделавшему все возможное для скорейшей публикации работы в издательстве “Отто Загнер” в Мюнхене. Сделано это было в рекордные, по нашим меркам (практически три месяца), сроки. Пользуясь случаем, хотелось бы также поблагодарить за оказанную помощь коллегу Хольгера Куссе.

За короткий срок, прошедший со времени выхода монографии, она нашла своего читателя, некоторые ее результаты вошли в научный обиход, на нее имеется пять рецензий (см.: Татаринов 2000; Krčmová 2000; Sgall 2000; Тяпко 2001; Николова 2002). Содержащаяся в ней концепция рассматривается в Энциклопедическом словаре чешского языка, вышедшем в Праге в 2002 г. (Encyklopedický slovník češtiny, словарная статья “Jazyk národní”, авторы: М. Крчмова, Я. Хлоупек), используется она “как наиболее соответствующая современной чешской (и, очевидно, не только чешской) языковой ситуации” в коллективной монографии “Tváře češtiny” (Tváře češtiny 2000: 12) и т.д.

Вместе с тем в результате ухудшения дистрибуции книжной продукции монография стала трудно доступной для специалистов из славянских стран, изучающих “живое языковое развитие в непосредственном контакте с реальностью” (ср.: Krčmová 2000: 194). Отсутствие книги в большинстве библиотек (известные нам случаи ксерокопирования ее текста не могут решить проблему) затрудняло и ее использование в практике преподавания в высших учебных заведениях, в чем мы могли убедиться на своем собственном опыте.

Учитывая интерес, проявляемый к книге специалистами ряда стран, прежде всего славянских, мы сочли целесообразным подготовить ее новое издание, на этот раз уже в России, причем издание расширенное, учитывающее не только пожелания и замечания рецензентов, но и доступную нам новейшую литературу вопроса, появившуюся уже после завершения исследования (напомним, что между публикацией книги и завершением исследовательской работы имеется довольно большой временной разрыв). Разумеется, речь идет о внесении в текст лишь некоторых коррективов и дополнений, а отнюдь не о кардинальном изменении существа теоретической концепции, которая, как мы смеем надеяться, отражает реальные процессы, протекающие в вербальной коммуникации этноса.

Заключая, мы хотели бы сказать, что поиск научной истины всегда не прост, зачастую он просто изнурителен. Не стала исключением и эта книга. При ее написании мы встречали разных людей. К счастью, в большинстве своем это были люди замечательные, доброжелательные, высоко профессиональные специалисты. Некоторые из них стали впоследствии нашими добрыми друзьями. К сожалению, нам пришлось испытать на себе и горечь мучительных утрат, оставивших после себя незаживающие раны.

Мы считаем своим долгом отдать дань светлой памяти выдающемуся советскому социолингвисту Л.Б. Никольскому, выступившему в качестве ответственного редактора издания 1999 г. Именно Л.Б. Никольский, ознакомившись с текстом доклада на Софийском съезде славистов в 1988 г., убеждал нас в необходимости написания монографии. Именно Л.Б. Никольский, рекомендуя работу в печать, оценил ряд ее положений как социолингвистические универсалии. Касалось это, в частности, и выдвинутого нами принципа симметричности бинарного членения коммуникативного и языкового пространства. По мнению ученого, данная закономерность характерна не только для славянских и шире – европейских,

но и афроазиатских языков (см. по этому поводу также: Никольский 2000: 202).

Мы глубоко благодарны ученым, заметившим нашу книгу и откликнувшимся на нее рецензиями или же использующим те или иные ее положения в своей работе. Большое спасибо и рецензентам, рекомендовавшим монографию к переизданию – Г.Г. Тяпко и Е.Ф. Тарасову, а также А.Ф. Журавлеву, давшему согласие выступить в качестве ответственного редактора книги.

Слова признательности хочется адресовать и одному из первых благожелательных читателей рукописи книги – Л. Добровскому, бывшему тогда Чрезвычайным и полномочным послом Чешской республики в России. Его профессиональная оценка и моральная поддержка были для меня чрезвычайно важны.

Огромный труд в подготовку макета книги вложила М.И. Леньшина, всегда поддерживавшая меня на многотрудном научном пути своей сердечностью и добротой.

И, наконец, эта книга не могла бы состояться без поддержки и долготерпения моих сыновей, Алексея и Бориса. Они были не только сочувствующими свидетелями моих творческих метаний, но и первыми строгими и вместе с тем доброжелательными критиками, советчиками, с радостью расширявшими мои познания в области молодежного и профессионального сленга. Спасибо им, моим дорогим соавторам, за все.

ВВЕДЕНИЕ

В монографии рассматривается широкий спектр актуальных социолингвистических вопросов. Центральное место в их ряду занимает комплексная проблема языковой ситуации, включающая в себя другую немаловажную проблему – функциональной дифференциации этнического языка. Уточним, что в работе мы предпочитаем использовать термин-понятие “этнический язык” как семантически более емкий: он может быть применен к любому периоду в жизни социума, т.е. как к донациональному, так и к национальному. Термин “национальный язык” в тексте исследования, как правило, встречается лишь тогда, когда именно он был употреблен авторами анализируемых работ.

Конкретная исследовательская задача, которую мы пытались решить, работая над данной монографией, в самом общем виде формулируется как макро моделирование строения этнического языка, т.е. установление общей конфигурации его модели, а также организующих ее принципов.

Несмотря на кажущуюся умозрительность поставленной задачи, она имеет принципиальное значение не только для теории социолингвистики, но и для выработки научно обоснованных рекомендаций в сфере культурной и языковой политики, ее стратегии и тактики.

Проблема функциональной дифференциации этнического языка привлекает к себе внимание ученых, принадлежащих к различным научным школам и направлениям. Не будет преувеличением сказать, что ни одна национальная социолингвистическая школа не осталась в стороне от ее обсуждения. Это во многом отразилось на специфике видения проблемы, а также на характере используемых методических приемов. Нельзя, однако, не отметить, что обычно эта проблема решается не как самостоятельная научная задача, а в ряду других исследовательских целей, например при совокупном изучении проблематики языковой ситуации либо при рассмотрении отдельных ее фрагментов, чаще всего литературного языка. Выбор того или иного ракурса,

как правило, предопределяет известную заданность позиции исследователя, высвечивая пучок вполне конкретных задач.

Обращает на себя внимание и тот факт, что обсуждение названной проблематики зачастую носит характер весьма острой полемики, которая то угасает на многие годы, то вспыхивает с новой силой, как это было, например, в чешской лингвистике. Так, после дискуссии начала 60-х годов эту тему, по сути дела, обходили молчанием вплоть до начала 80-х годов, хотя на практике она никогда не выпадала из поля зрения ученых, присутствуя в явном или же скрытом виде как своеобразная “сверхзадача” социолингвистического описания. В середине 90-х годов главный редактор лингвистического журнала “Jazykovědné aktuality” (1996, № 1–2) Я. Корженский предложил открыть дискуссию по теме “Чешский язык сегодня и завтра”. Обращаясь к читателям, он пишет: “Произошедшие в нашей стране огромные экономические, политические и общественные изменения не дают никому права на спокойствие и бездействие, ни отдельному человеку, ни какой бы то ни было социальной группе внутри нашей национальной и государственной общности. Эти изменения, затрагивающие все наши ценности, наше отношение к ним, с самого начала коснулись языка, характера, способностей и возможностей общения. Распространяются они и на наше отношение к национальному языку, к другим языкам, особенно международным. Не удивительно поэтому, что уже в начале девяностых годов вновь началась стихийная дискуссия о чешском языке сегодняшнего и завтрашнего дня, дискуссия незапланированная, неорганизованная, в которой участвовали не только профессионалы. В этой широкой дискуссии прозвучали и голоса некоторых лингвистов, а также публицистов, призывающих к аристократизации литературного чешского языка. Они вновь нам напомнили о наличии некоей нестабильности, нечеткости, разнородности устного официального, публичного коллоквиального чешского языка (мы намеренно сохраняем терминологию автора. – Г.Н.) ... Борьба, развернувшаяся недавно в сфере орфографии, в сущности, сводилась к требованию ... архаизации нашей орфографии, т.е. интеллектуальной аристократизации” (Kořenský (a)1996: 36).

Все эти эмоциональные “всполохи” наглядно подтверждают, что речь идет о вопросах, жизненно важных для определения приоритетов в области национально-языковой и культурной политики, для лингвистического прогнозирования и прежде всего для культивирования литературного языка. Именно отношение к ключевому языковому идиому – литературному языку, являюще-

муся “святая святых” этнической культуры, во многом и составляет квинтэссенцию рассматриваемой проблемы, что, разумеется, не может не усиливать эмоциональный накал, сопутствующий ее обсуждению.

В нашем обращении к теме моделирования строения этнического языка решающую роль сыграло то, что, невзирая на, казалось бы, всеобщее осознание значимости этой остроактуальной проблемы, ее оптимальное или же, во всяком случае, непротиворечивое решение пока что еще не найдено. Данное утверждение может показаться парадоксальным, поскольку в основе большинства имеющихся социолингвистических описаний славянских, да и не только славянских, языков, как правило, находится вполне сформировавшаяся и во многом ставшая уже общепринятой теоретическая концепция. Вместе с тем нельзя не заметить, что практическая апробация этих исходных теоретических посылок на конкретном языковом материале, особенно современном, выявляет в них немало уязвимых мест. Достаточно сказать, что классические языковые идиомы, которыми обычно оперируют исследователи, в своем первоизданном виде, т. е. как гомогенные и целостные структуры, в речевом узусе обычно не используются. Чаще всего они функционируют в дисперсном виде, их границы взаимопроницаемы. Не получают подтверждения и некоторые лингвистические прогнозы, вступающие в противоречие с процессами, развивающимися в сфере вербальной коммуникации в этносе.

В силу вышесказанного необходимость корректировки теоретической концепции, отказа от некоторых привычных стереотипов мышления становится все более очевидной. Речь идет при этом отнюдь не о каких-то самоцельных теоретических новациях, а об устранении важных расхождений между сущностью концепции и современным состоянием вербальной коммуникации в социуме.

Продолжение поиска решения проблемы дифференциации этнического языка представляется чрезвычайно важным и потому, что это позволит более адекватно отразить многообразие языковой картины, увидеть в новом свете происходящие в современной языковой ситуации изменения, касающиеся, в частности, значимости литературного языка в системе коммуникации, характера его нормы, состава его носителей и пользователей. Обращают на себя внимание и такие факты, как существенная динамика норм современного речевого поведения и, соответственно, правил речевой эстетики, возрастание публичной вербальной ак-

тивности членов социума с различным уровнем языковой компетенции, интенсивные процессы социальной и языковой интеграции и т.п.

Теоретическая концепция, лежащая в основе большинства описаний языковой ситуации, может быть определена как **стра-тификационная**, или же онтолого-таксономическая. По своей сути она является “литературно-центристской”, так как базируется на теории литературного языка, причем в том ее виде, в каком последняя сложилась к середине XX в. В соответствии с этой концепцией литературному языку а priori приписывается максимально высокий социолингвистический статус в модели этнического языка. Одновременно это сопровождается завышенной, по нашему мнению, оценкой литературного языка как **универсального** идиома, способного обслуживать весь спектр этнической коммуникации. На деле это зачастую приводит к занижению роли “нелитературных”, т.е. разговорных, идиомов. Не случайно поэтому любые попытки “приподнять” их коммуникативную значимость нередко воспринимаются как “посягательство” на статус литературного языка, наталкиваются на сложившиеся стереотипы функционального распределения форм существования этнического языка.

Вопрос о статусе литературного языка и, в частности, о его превосходстве над другими языковыми идиомами имеет, помимо теоретического, важный практический аспект. От его решения во многом зависит направленность языковой политики, что особенно сильно проявляется в переломные периоды жизни социума, к числу которых, несомненно, относится современный этап в развитии некогда полиэтничных государственных общностей, характеризующийся усилением тенденций этнокультурной и этноязыковой дифференциации и автохтонизации. Нередко это сопровождается усилением пуризма, а также сознательным завышением социолингвистического статуса языковых идиомов, не имеющих для этого необходимых структурных и функциональных предпосылок. Так, например, литературный статус скоропалительно приписывается языковым идиомам, используемым лишь для внутрисемейного бытового общения, т.е. не имеющим ни разработанной нормы, ни устойчивой терминологии, ни сколько-нибудь развернутого функционального спектра. И дело здесь не только в неадекватной оценке статуса того или иного языкового феномена. Важнее другое: это влечет за собой поспешное наращивание функционального диапазона соответствующего идиома, введение его в систему образования в качестве

языка обучения (а не предмета изучения). Отсутствие необходимой терминологической номенклатуры в этом случае восполняется новообразованиями, создаваемыми нередко “впопыхах”, в нарушение внутренних закономерностей данного языка. Все это впоследствии может пагубно сказаться на культурном развитии социума, на его включении в общий цивилизационный процесс.

Проведенное нами исследование показало, что решение проблемы дифференциации этнического языка целесообразно искать в русле не столько стратификационного, сколько **коммуникативного** подхода. Заметим, что оба подхода существенно отличаются друг от друга как принципами структурирования языкового пространства, так и оценкой значимости языковых феноменов.

Введение коммуникативной координаты дает возможность увидеть языковое пространство в новом ракурсе, как бы извне, через призму взаимоотношений языковой системы с другой, сопряженной с ней, системой – коммуникативной, т.е. через призму коммуникативных потребностей личности и социума в целом. Соответственно это влечет за собой иное “прочтение” проблемы языковой ситуации, а именно как языкового обеспечения коммуникации в этносе, что, в свою очередь, позволяет существенно расширить исследовательское поле за счет включения в него, помимо аспекта внутреннего членения этнического языка, также и аспекта динамики языкового обеспечения, эволюции речевого этикета и пр.

Комплексный и междисциплинарный характер рассматриваемой проблемы делает необходимым привлечение для ее решения, помимо специальных методических приемов, используемых в языкознании, а также сопредельных с ним наук (социолингвистике, психолингвистике, социологии и пр.), и универсальных научных методов. В этой связи следует особо выделить системно-функциональный и сопоставительный методы.

Исследование функциональной дифференциации этнического языка в монографии осуществляется в общем контексте этнической вербальной коммуникации, при учете развивающихся в ней динамических тенденций. Анализ большого фактического материала, привлекавшегося к исследованию, в том числе данных различных славянских языков, позволяет по-новому взглянуть на современное состояние и развитие языковой ситуации, определить отношение к существующим приоритетам в сфере языковой и культурной политики.

В связи с тем, что рассматриваемая проблема входит в качестве составной части в комплексную и многоаспектную пробле-

матику языковой ситуации, считаем целесообразным более подробно остановиться на этом вопросе.

Как и многие фундаментальные научные понятия, понятие “языковая ситуация” не имеет строгой дефиниции. Чаще всего оно расшифровывается в виде перечня-спецификации конкретных исследовательских задач. Так, по мнению чешского ученого А. Едлички, языковая ситуация – это то, “как данная языковая (или же коммуникативная) общность, расчлененная по социальному, региональному, возрастному признаку, употребляет формы существования национального языка: литературный язык, общий обиходно-разговорный язык (obecný běžně mluvený jazyk), диалект в различных коммуникативных сферах (обиходно-разговорной, специальной, публицистической, художественной и т.д.). Ее характеристика включает также установление интерференции средств отдельных форм существования в высказываниях, а также столкновение и взаимовлияние норм” (Jedlička 1979, Aktuální otázky...: 18).

Приведем для сравнения другие определения языковой ситуации:

– “Взаимодействие разных языковых образований (языков или же форм их существования, или и тех и других) в обслуживании нужд данного народа во всех средах или сферах общественной жизни на определенном уровне социального развития” (Авrorин 1975: 6).

– “Модель социально-функционального распределения и иерархии социально-коммуникативных систем и подсистем, сосуществующих и взаимодействующих в пределах данного политико-административного объединения и культурного ареала в тот или иной период, а также социальных установок, которых придерживаются в отношении этих систем и подсистем члены соответствующих языковых и речевых коллективов” (Швейцер 1977: 133).

– “Языковой ситуацией мы называем совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и в этнической общности” (Никольский 1976: 79–80). Ср. его же итоговое определение языковой ситуации: “Таким образом, *языковая ситуация* есть **архисистема языковых систем или система подсистем** (в оригинале автором используется разрядка. – Г.Н.), распределенных по этническим, социальным или социально-территориальным общностям, входящим, однако, в одно общество. Другими словами, языковая ситуация – система языковых систем и подсистем, каждая из которых принадлежит к определенному функциональному типу” (Там же: 80).

Как мы видим, во всех этих определениях присутствуют два аспекта: с одной стороны, это **внутренняя** дифференциация одного и того же этнического языка (“система подсистем”); с другой – **взаимодействие** между собой языков (“языковые системы”), обслуживающих один и тот же социум (административно-территориальное объединение или же этническую общность). При этом в зависимости от того, о каком социуме идет речь, т.е. является ли он моно- или же полиэтническим, на первый план может выдвигаться либо тот, либо другой аспект.

На соотношении именно этих двух аспектов основывается и типология языковых ситуаций, предложенная Л.Б. Никольским. Мы имеем в виду разграничение экзогlossных и эндогlossных языковых ситуаций: “В первую группу входят совокупности отдельных языков, во вторую – совокупности подязыков и функциональных стилей. Экзогlossные и эндогlossные ситуации, в свою очередь, могут быть поделены на две подгруппы: 1) сбалансированные языковые ситуации, если составляющие их языки или языковые подсистемы в функциональном отношении равнозначны; 2) несбалансированные языковые ситуации, если их компоненты распределены по сферам общения и социальным группам. Таким образом, теоретически возможны следующие типы языковых ситуаций: 1) экзогlossная сбалансированная; 2) экзогlossная несбалансированная; 3) эндогlossная сбалансированная; 4) эндогlossная несбалансированная” (Там же: 80–81). По справедливому утверждению ученого, тип несбалансированной языковой ситуации является преобладающим.

При осмыслении задач, стоящих перед данным исследованием, мы, принимая во внимание имеющиеся определения языковой ситуации, пользовались и своим собственным, рабочим, определением, в соответствии с которым под языковой ситуацией имелось в виду **языковое обеспечение коммуникации в социуме**. Понятие “социум” в этом случае трактовалось с разной степенью широты: либо как некоторая отдельно взятая этническая общность, либо как совокупность различных этнических общностей, объединенных рамками единой государственности (либо культурно-экономического союза).

Данная дефиниция устраивала нас прежде всего потому, что, достаточно рельефно обозначая общие контуры проблемы, она не имела строгого регламентирующего характера и тем самым предоставляла при исследовании известную свободу действий. Последнее для нас было особенно важно, так как к анализу привлекался весьма разнородный материал, охватывающий как го-

могенные, так и гетерогенные в этноязыковом отношении социумы.

С учетом данного рабочего определения языковой ситуации было интерпретировано и другое важное понятие – “языковая политика”. Мы понимали под ним деятельность, направленную на **оптимизацию** языкового обеспечения коммуникации в социуме. Подобная трактовка позволяет, на наш взгляд, избежать чрезмерной идеологизации этой важной сферы деятельности в области языковой культуры (ср. иное, взятое нами выборочно, определение языковой политики: “Языковая политика – это теория и практика сознательного воздействия общества на ход языкового развития, т.е. целенаправленное и научно обоснованное руководство функционированием существующих языков и созданием и совершенствованием новых языковых средств общения”) (Григорьев 1963: 8). Как мы видим, здесь структурно-функциональное развитие языка, по сути, ставится в зависимость от политического вмешательства, приобретающего на практике нередко, как мы знаем, волюнтаристский характер, особенно при определении тактических и стратегических приоритетов языковой политики. Остается, к сожалению, фактом, что, несмотря на многочисленные, притом беспощадные уроки истории, именно язык чаще всего становится либо объектом непрофессионального вмешательства, либо орудием господствующей политической доктрины, используется как средство этнической ассимиляции, селекции населения по национально-языковому признаку в сфере образования, трудоустройства и т.п.

Стойкий интерес ученых к проблематике языковой ситуации обуславливается факторами как собственно лингвистического, так и экстралингвистического свойства.

К **собственно лингвистическим** факторам относится прежде всего общая эволюция языкознания XX в., проявившаяся в смене научной парадигмы и повлекшая за собой смещение центра тяжести исследований с рассмотрения имманентных, внутрисистемных языковых закономерностей на изучение функционирования языка в обществе. Сказанное не могло не повлечь за собой изменение ценностных ориентиров и исследовательской методики при изучении языка как феномена. Закономерным следствием этого явилась, в частности, активизация усилий по изучению теории и истории литературного языка, имеющих своей целью не только анализ чисто субстанциональных свойств данного феномена, т.е. его нормы, кодификации, стилевой дифференциации и т.п., но и осмысление значимости литературного языка в более

широком контексте системы этнического языка. Последнее логически обуславливалось тесной генетической и функциональной взаимосвязью литературного языка с другими языковыми идиомами, в совокупности с которыми он обеспечивает коммуникативные потребности как отдельного индивидуума, так и социума в целом.

Рассмотрение этнического языка под социолингвистическим ракурсом позволило увидеть в нем сложную, внутренне структурированную систему форм его существования, расположенных не только на **пространственной** оси (ср. бинарное противопоставление: территориальный диалект – литературный язык), но и на оси **временной** (речь разных возрастных категорий) и **социальной** (жаргоны, сленги). Тем самым наметился комплекс задач, объединяемых обычно под общим понятием “языковая ситуация”.

В ряду **экстралингвистических** факторов мы выделили бы прежде всего два разнонаправленных государственно-политических и этноязыковых процесса, четко обозначившихся в XX в. – это интеграция и дезинтеграция. В зависимости от того, какой из них превалировал в каждом конкретном случае, варьировался и соответствующий социальный заказ на разработку той или иной научной проблематики. Так, образование полиэтничных государственных общностей нового типа (как федеративных, так и конфедеративных) делало необходимым решение таких, важных для интегрированных государственных структур, задач, как функциональное распределение языков в общегосударственном коммуникативном пространстве, создание письменности для ранее бесписьменных народов (последнее было особенно актуально для прежнего СССР и продолжает оставаться актуальным для нынешней РФ), сохранение миноритарных языков и этносов, относящиеся к компетенции языковой экологии и т.п. В русле интеграционных процессов находится и формирование надрегиональных культурно-экономических сообществ типа Объединенной Европы, для которых проблема выбора языка межэтнического общения приобретает особую значимость (см.: Данеш, Чмейкова 1994). Иными словами, речь идет о таких проблемах языкового строительства и языковой политики, от успешного решения которых во многом зависит укрепление социально-экономического и культурного потенциала общества, создание благоприятного климата в межнациональных отношениях во внутригосударственных и межгосударственных рамках.

Не менее существенны и развившиеся во второй половине XX в. процессы национальной суверенизации, повлекшие за со-

бой дезинтеграцию и распад ряда полиэтничных государственных образований, например СССР, ЧСФР, СФРЮ, на моноэтнические государства (хотя и с немалыми этноязыковыми вкраплениями). Последнее делает необходимым осмысление таких важных вопросов, как выбор титульных языков, определение языков официальных или же государственных, наращивание функционального спектра новых государственных языков, использование их в сфере образования и т.п.

Для решения всего этого весьма широкого и разнообразного спектра практических вопросов важно иметь достаточно адекватное представление о строении этнического языка, инвентаре форм его существования, их реальной значимости в системе этнической коммуникации.

Анализ имеющегося в нашем распоряжении языкового материала полностью подтвердил целесообразность учета при исследовании языковой ситуации двух взаимодополняющих ракурсов: интралингвального и интерлингвального.

При **интралингвальном** подходе в поле зрения исследователя находится функциональное распределение в коммуникативном пространстве социума форм существования одного и того же этнического языка, что особенно важно прежде всего для гомогенной этноязыковой общности (моноэтнический социум).

При характеристике языковой ситуации полиэтничного социума, характеризующегося гетерогенным языковым обеспечением (рамками единой государственности могут охватываться как близкородственные, так и неродственные этносы), на первый план выдвигается **интерлингвальный** ракурс, т.е. аспект межъязыковых взаимосвязей, би- или же полилингвизма, со всеми сопутствующими этому конкретными проблемами, например выбора государственных или же официальных языков, языка-макропосредника, используемого при межэтническом общении, и т.п.

Проведенное исследование наглядно показывает, что, несмотря на принципиальную разграниченность интралингвального и интерлингвального аспектов, на практике они, как правило, дополняют друг друга. Так, без учета интралингвального подхода, т.е. внутренней социально-коммуникативной и территориальной дифференциации каждого из имеющихся этнических языков, без четкого представления об инвентаре форм их существования, наличии или же отсутствии у них обработанного идиома, о функциональном спектре этнического литературного языка, количественном и качественном составе его носителей и пользователей невозможно адекватно оценить языковую ситуацию полиэтничной го-

сударственной общности. Соответственно невозможно выстроить и научно обоснованную языковую политику, наметить приоритеты в сфере языкового воспитания и межъязыковых отношений.

Введение интерлингвальной координаты нередко оказывается необходимым и при исследовании языковой ситуации моноэтнических государственных образований. Дело в том, что существование этноса в условиях полной этноязыковой чистоты (т.е. при элиминировании интерлингвального аспекта) во многом является фактом проблематичным. Как полагают, лишь 4% государственных образований являются в полном смысле слова моноэтническими (думается, что и эта цифра может быть скорректирована в сторону ее уменьшения). В действительности же практически все моноэтнические государства, включая и недавно образовавшиеся Чешскую и Словацкую республики (последняя в особенности), невзирая на доминирующее положение титульных этносов, получают в наследие от прошлого не вполне однородный этноязыковой ландшафт. В полной мере это относится и к республикам, образовавшимся на месте бывшей СФРЮ.

Далее, в силу действия определенной культурной традиции, преобладающей конфессиональной или же политической ориентации коммуникативное пространство моноэтнической общности может обслуживаться не только своим собственным, но и другими языками. Так, в функции литургического языка у славян некогда использовались старославянский, греческий, латынь (последняя применялась и в качестве международного языка науки). Старославянский (в соответствующей региональной редакции) функционировал в высших жанрах художественной литературы у южных и восточных славян. К сказанному можно было бы добавить и употребление чешского языка в качестве литературного у поляков (до XVI в.) и словаков (до XIX в.). Число подобных примеров очень велико. Показательны также факты социально обусловленного распределения языков у одного и того же этноса, например употребление иностранного языка в светском общении определенных общественных кругов (немецкого языка чешскими феодалами, частью мещанства; французского языка русской аристократией и пр.). Родной язык при этом воспринимался как “язык простолюдинов”, т.е. имел более низкий статус.

В названных и им подобных случаях неродной язык соотносится с вполне определенной и в целом достаточно стабильной нишей в коммуникативном пространстве данного этноса, в силу чего он становится фактом внутриэтнической языковой ситуации, т.е. интерлингвальный аспект входит в качестве составной

части во внутриэтническую языковую ситуацию. Последнее далеко не всегда сопровождается изменением этнического состава государственной общности.

Впрочем, отнюдь не всякое использование неродного (неавтохтонного) языка становится фактом языковой ситуации этноса. Так, на наш взгляд, следует усматривать разницу, с одной стороны, между активизацией применения английского языка при современных научных контактах, что не исключает, впрочем, функционирования в этой же сфере и автохтонного языка (скажем, русского) и, с другой стороны, использованием русского языка как языка науки у ряда этносов, населяющих РФ и не имеющих своей собственной, т.е. созданной на автохтонном языке, терминологической номенклатуры. В последнем случае функциональные поля языков, используемых в данном этнокоммуникативном пространстве, разграничены, находятся в отношении дополнительного распределения, т.е. использование неродного языка, несомненно, становится фактом внутриэтнической языковой ситуации.

Таким образом, удельный вес интралингвального и интерлингвального ракурсов в истории этноса не является раз навсегда данным. В зависимости от внешних причин он может существенно меняться, как в синхронии, так и диахронии, влияя на тип языковой ситуации. При этом важно, что если интралингвальный ракурс есть **константа** любой языковой ситуации, то интерлингвальный – ее **переменная**. Представленность последнего может варьироваться как в истории одного и того же языка, так и в различных языках.

В связи со сказанным правомерно заключить, что интерлингвальный и интралингвальный параметры служат своего рода осями координат, учет которых важен не только для **синхронной** типологии языковой ситуации различных этносов (ср. упоминавшуюся выше типологическую классификацию на эндогlossные и экзогlossные, предложенную Л.Б. Никольским), но и для **диахронической** типологии внутриэтнической языковой ситуации. На основе соотношения этих двух параметров может быть рассмотрена языковая ситуация любого социума как в условиях его изолированного проживания, так и при межъязыковых контактах.

Учитывая характер исследуемой проблемы, мы будем уделять в дальнейшем внимание прежде всего интралингвальному ракурсу рассмотрения языковой ситуации.

Важное значение при анализе языковой ситуации и, соответственно, изучении проблемы дифференциации этнического языка имеет, как уже отмечалось, применение **сопоставительного** мето-

да. Это позволяет не только прояснить целый ряд спорных вопросов, но и понять некоторые трудно поддающиеся интерпретации факты, объяснить поразительные черты сходства в языковой ситуации как близкородственных, так и неродственных этносов.

Нельзя, однако, не учитывать, что неоднородность языкового ландшафта, специфика внутривидового развития этнических языков, различие экстралингвистических обстоятельств их функционирования и, наконец, специфика социокультурных традиций вносят свои коррективы в складывающуюся языковую картину. Сказанное затрудняет, делая проблематичной, а порой даже невозможной, выработку единого алгоритма, равно пригодного как для разных языков, так и для разных этапов в развитии одного и того же языка. Это тем более важно, если мы не хотим в ущерб истине “подверстывать” реальное своеобразие языкового материала под единую схему или же стереотип. Существенные отличия могут наблюдаться даже внутри весьма компактного языкового континуума. И тем не менее построение общей концепции членения этнического языка отнюдь не является делом утопичным, далеким от реальности.

Подчеркнем, однако, что неперемнной предпосылкой успешности применения сопоставительного метода является его корректное использование. Конкретно мы имеем в виду необходимость единообразного описания языкового феномена во всех сопоставляемых языках, основывающегося на единой программе, единых принципах анализа и синтеза, едином понятийно-терминологическом аппарате.

К сожалению, при изучении проблемы языковой ситуации, в том числе и проблемы дифференциации этнического языка, серьезным препятствием являются расхождения в интерпретации основного понятийно-терминологического аппарата. Это затрудняет сопоставительный анализ региональных языковых ситуаций, выполненных разными исследователями, делая зачастую несводимыми их результаты. И, действительно, порой невозможно установить, какое содержание вкладывается в то или иное используемое понятие. Так, понятие “стандартный язык” одними учеными (Брозович 1967; Brozović 1970; Starý 1994) вслед за западной лингвистической традицией отождествляется с понятием “литературный язык”. Словацкий ученый Я. Горецкий, напротив, понимает его как составную часть последнего (Horecký (a) 1979; Horecký 1981). Неоднозначно трактуется и понятие “субстандарта”, которое может пониматься как широко, т.е. общенародная разговорная речь (именно так трактуем его мы), либо, напротив,

узко, как нижний ярус феномена *obecná čeština* (концепция чешского ученого П. Сгалла – см. далее).

По-разному оценивается и характер нормы литературного языка. Чешские лингвисты единодушно квалифицируют ее как **кодифицированную** (ср., например, термин “кодификат”, используемый Я. Корженским для обозначения литературного языка – *spisovný psanostní kodifikát, spisovný mluvenostní kodifikát* “письменный и устный литературный кодификат” – см.: Kofenský (b) 1996: 44). В работах по коллоквиалистике Е.А. Земской и О.А. Лаптевой утверждается возможность некодифицированного употребления литературного языка (например, Лаптева 1966).

Далее, феномен “разговорная речь” Е.А. Земской квалифицируется как самостоятельная система внутри литературного языка. По мнению же О.А. Лаптевой, это лишь разновидность литературного языка – “устноразговорная литературная речь” (см. подробнее ниже).

Нередко не проводится необходимое, на наш взгляд, разграничение между терминами “устный” и “разговорный”, “обиходно-разговорный” и “обиходно-бытовой” и т.п. Вводит в заблуждение и методически некорректное использование понятия “языковой идиом” для обозначения как конкретной языковой реалии, так и функционального звена в системе коммуникации, что встречается иногда у ряда чешских лингвистов. Число подобных примеров легко может быть умножено. Примечательно в этой связи следующее высказывание О.А. Лаптевой: «В существующих работах, посвященных описанию и осмыслению современной повседневно-бытовой русской естественно звучащей речи, для ее обозначения употребляются термины разной онтологической ориентации, что означает разное понимание одного и того же явления. В советской русистике используются термины “разговорная речь”, “разговорный язык”, “обиходно-бытовая речь”, “речь повседневно-бытового общения”, “спонтанная речь непринужденного бытового общения в неофициальной обстановке”, “устно-разговорная речь”, “разговорный стиль”, а для обозначения соответствующей сферы литературного языка – термины “разговорный стиль”, “устная разновидность литературного языка”, “устно-разговорная разновидность литературного языка”... Еще большей разнобой наблюдается при терминологическом обозначении речи широкой интеллектуализированной тематики общественного назначения, осуществляющейся в продуцируемой устной форме. В ее названиях отражаются разные, порой диаметрально противоположные взгляды исследователей на ее природу, а также акценты на разных сторо-

нах ее функционирования: здесь в ходу термины “кодифицированный литературный язык”, “устная публичная речь”, “официальная речь”, “периферия устно-разговорной разновидности современного русского литературного языка”, “спонтанная речь публичного общения”...» (Лаптева 1983: 194).

Большой разброс оценок характерен и для польской социолингвистики. Это отражает, в частности, интерпретация ключевых идиомов типа *język ogólny*, *język potoczny*, *język literacki* и пр. в словарных статьях Энциклопедии науки о польском языке (Encyklopedia 1978), написанных разными авторами. О наличии терминологической вариативности упоминает И. Байерова в Энциклопедии польской культуры (Encyklopedia 1993); ср.: “Язык общепольский (*Język ogólnopolski*. – Г.Н.), называемый также польским общим языком, культурным диалектом, ранее также языком литературным” (Encyklopedia 1993: 27). Сказанное, разумеется, отнюдь не ставит под сомнение значимость вклада польских лингвистов в разработку интересующей нас проблемы. Достаточно назвать хотя бы относительно недавно вышедшие монографии В. Любася (Lubaś 1979), А. Вилконя (Wilkoń 1987; Wilkoń 2000), А. Фурдала (Furdal 1990), А. Марковского (Markowski 1992). Этот список может быть продолжен.

Причиной подобных терминологических разночтений, наблюдаемых у исследователей, принадлежащих как к одной и той же, так и к разным национальным лингвистическим школам, является, на наш взгляд, не только сложность реальной языковой картины, но и уязвимость используемой концепции членения этнического языка.

В создавшейся ситуации приходится оказываться перед дилеммой: либо проводить сопоставление исключительно собственными силами, что, хотя и гарантирует единообразие описания, но является делом исключительно трудоемким, либо довериться результатам, полученным другими исследователями, уповав при этом на добротность и непредвзятость сделанных наблюдений, а также на мало-мальскую адекватность интерпретации понятийно-терминологического аппарата. Риск сопоставления несопоставимого в последнем случае весьма высок.

Очевидно, идеальным был бы третий путь – выполнение сопоставительного анализа коллективом единомышленников, работающих на основе использования одной и той же методики, одного и того же понятийно-терминологического аппарата.

Невзирая на упоминавшиеся выше трудности, мы все же предприняли попытку сопоставительного рассмотрения интере-

сующей нас проблемы. Для этой цели в работе используется большой и разнообразный фактический материал, отражающий специфику языковой ситуации целого ряда славянских этносов (а также таких полиэтничных государств, как РФ, СССР). Этот материал нами был получен как в результате собственных наблюдений (прежде всего русская и чешская языковая ситуация), так и путем изучения существующих социолингвистических описаний болгарского, польского, русского, словацкого, чешского языков.

Представленность в работе языкового материала не одинакова. Так, характеристике социолингвистических концепций русского, чешского и болгарского языков (по одному языку от каждой группы славянских языков) посвящены специальные подразделы второй главы. Данные о польской и словацкой языковой ситуации, исследованной в рабочем порядке, как бы рассредоточены. Они привлекались главным образом при рассмотрении некоторых концептуальных вопросов.

Наибольшее внимание в монографии уделяется материалу русского и чешского языков и соответственно теоретическим концепциям, сформировавшимся в русистике и богемистике. Во многом это обусловлено тем, что в славистике именно эти национальные школы существенно повлияли на направленность социолингвистических исследований.

Считаем важным подчеркнуть особую значимость для рассмотрения проблемы языковой ситуации фактов чешского языка. По сравнению с другими славянскими этносами, пожалуй, именно чешский имел максимально благоприятные условия (в том числе и экономические, и социально-культурные) для развития унификационных тенденций в языковой ситуации, для охвата литературным языком всего коммуникативного пространства, а именно:

а) наличие компактной, густо заселенной территории (по переписи 1981 г. плотность населения на 1 кв. км в Среднечешском крае составляла 202, в собственно Чехии – 119, в Моравии – 151, в Чешской республике в целом – 129 человек);

б) активный процесс экономической, политической, культурной интеграции, выразившейся в становлении консолидированной, мощной государственности с центром в Праге (см.: Нецименко 1989);

в) высокий уровень образованности населения. Так, уже в 1774 г. было введено всеобщее обязательное начальное образование для детей от 6 до 12 лет (т.е. в объеме 6 классов); в 1869 г. – в объеме 8 классов и т.д. К 1850 г. грамотность в Чешских землях достигала 60%, к 1870 г. – 75–77% (см.: Кузьмин 1989; Кузьмин

1971). Если учесть, что школа является важным средством приобщения к литературному языку, то можно легко себе представить, сколь велики должны были бы быть масштабы освоения данного языкового идиома чешским населением: Нельзя, впрочем, сбрасывать со счетов, что в сфере образования конкуренцию чешскому языку длительное время составляли латынь и прежде всего немецкий язык. Так, чешский язык использовался в качестве языка обучения лишь в сельских так называемых “тривиальных” школах, где обучались чтению, письму и счету; городские начальные школы приобрели статус национальных школ (т.е. с чешским языком обучения) в 50-е годы XIX в., средние школы – во второй половине 60-х годов того же столетия.

И тем не менее, несмотря на наличие у чешского этноса в полном смысле слова идеальных условий для максимального приобщения носителей чешского языка к литературному идиому, для развития под его “эгидой” интеграционных тенденций в языковом пространстве и, наконец, для инвазии литературного языка во все ситуации общения, в том числе и повседневного непринужденного, ожидаемое не состоялось (см. подробнее вторую главу). Можно по-разному объяснять этот феномен. Так, чешские ученые склонны видеть причину в архаичности кодификации нового литературного языка и возникающей в силу этого коммуникативной дискомфортности, затрудняющей использование литературного языка в качестве средства непринужденного повседневного общения. Наша же точка зрения несколько отлична: как нам представляется, решающую роль здесь играет то, что литературный язык по объективным причинам (характер организации текста, использование специфических языковых средств, в том числе и словообразовательных, и т.п.) изначально не вполне удобен для использования при непринужденном общении. Сходные мысли по этому поводу высказывает и Зд. Старый в недавно изданной монографии: “Между живой языковой практикой и стандартным (т.е. литературным. – Г.Н.) чешским языком существует ощутимое напряжение, которое не смогло снять даже его функциональное культивирование, продолжающееся без малого столетия. Мы сталкиваемся с этим в школе, при переводе произведений художественной литературы. В полной мере это осознают и иностранцы, которые, выучив чешский язык по учебникам литературного языка, попали в чешскую языковую среду. С тем же сталкиваются телезрители, радиослушатели, читатели произведений художественной литературы. Точно такое же препятствие возникает, когда мы, пытаясь получить ин-

формацию о некоторых явлениях живой языковой практики, обращаемся за помощью к справочникам по литературному чешскому языку. Довольно скоро мы убеждаемся в том, что чем больше эти справочники отходят от своего исконного назначения информировать исключительно лишь об особенностях литературного языка, тем больше от них пользы” (Starý 1994: 18).

Подчеркнем, что, по нашему мнению, дистантность литературной нормы и нормы языка непринужденного повседневного общения, изначально присущая любому языку, в чешском выражена более явно, она прослеживается практически на всех уровнях языковой системы.

Для нас было также важно, что анализ именно чешского языкового материала более отчетливо выявляет уязвимость как самой стратификационной концепции, так и ее основополагающей аксиомы о доминирующем положении литературного языка в системе этнической коммуникации. Все это наводит на мысль о целесообразности поиска иного подхода к решению проблемы дифференциации этнического языка.

* * *

Композиция настоящего исследования выстроена в соответствии с его целевой установкой. Помимо введения, оно включает две главы.

Первая глава занимает центральное место в монографии, поскольку в ней рассматривается предлагаемая нами коммуникативная модель членения этнического языка, а также некоторые особенности развития современной языковой ситуации. Для выявления специфики нашего подхода к исследуемой проблеме в текст этой главы в качестве некоторого фона введена и общая характеристика альтернативного стратификационного подхода. Использование подобного сравнительного фона, по нашему мнению, должно помочь читателю определить свое собственное отношение к рассматриваемой проблеме и понять преимущества, как мы смеем надеяться, коммуникативной, паролевой концепции перед стратификационным, лангвовым подходом.

Во второй главе рассматриваются концепции членения русского, чешского и болгарского языков. Оговоримся, что в задачи работы не входило ни монографическое описание региональных языковых ситуаций, ни исчерпывающее освещение литературы вопроса.

КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ СТРОЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Цель настоящей главы заключается в рассмотрении проблемы моделирования строения этнического языка через призму коммуникативного подхода.

Применение коммуникативного подхода в социолингвистике относится примерно к 60–70-м годам XX в., когда в языкознании наметилась смена научной парадигмы. Поэтому не удивительно, что характерная для этого подхода теоретическая концепция еще не вполне утвердилась, она лишь постепенно обретает свои конкретные контуры. Предлагая наше решение проблемы дифференциации этнического языка, мы отнюдь не считаем его некоей истиной в конечной инстанции. Высказывая свои соображения, мы хотим лишь принять посильное участие в поиске оптимального решения чрезвычайно актуальной и вместе с тем чрезвычайно трудной социолингвистической проблемы.

Выносимая на рассмотрение концепция отличается от традиционно используемой стратификационной. Это касается как общей конфигурации модели этнического языка, ее внутренней архитектоники, так и интерпретации таких важных понятий, как литературный язык, разговорная речь и т. д.

Учитывая это, мы сочли целесообразным изложению нашего подхода предпослать синтетическую характеристику стратификационной концепции, тем более, что, насколько нам известно, в этом ракурсе она в литературе еще не рассматривалась. Впоследствии, во второй главе, мы вновь вернемся к ее характеристике, опираясь как на работы, более или менее эксплицитно излагающие ее суть, так и на исследования, практически апробирующие эту концепцию при социолингвистическом описании отдельных славянских языков.

ХАРАКТЕРИСТИКА СТРАТИФИКАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ЭТНИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Развитие лингвистики в XX в., особенно в его первой половине, проходило под знаком **системного, лангвового** подхода к языку как феномену. На практике это означало преимущественную ориентацию ученых на изучение имманентных закономерностей языковой системы. Что касается строения этнического языка, то оно интерпретировалось как **единая, монолитная, строго упорядоченная система**, включающая в качестве системообразующих компонентов соответствующие формы существования языка. Последние в свою очередь квалифицировались как четко организованные, целостные и гомогенные языковые структуры, имеющие не только вполне определенный круг носителей, но и рельефно очерченную сферу употребления.

Результатом этого подхода явилось создание **стратификационной** модели языка, иерархизованные страты которой, совмещенные в синхронной плоскости, отражали **поступательное** развитие языковой материи, проходящей через разные эволюционные состояния: от территориального диалекта до вершины языковой иерархии – литературного языка. Устанавливаемая в этом случае вертикальная градация идиомов, синхронно совмещенных в системе языка, также соответствовала их **исторической эволюции**: территориальные диалекты > обиходно-разговорный язык > литературный язык. Модель фиксировала убывание значимости регионально маркированных идиомов, и, напротив, – возрастание значимости идиомов интегрированных, общетнического ранга.

Иными словами, стратификационная модель представляла собой **диахроническую** проекцию развития языка на плоскость его **синхронного** состояния.

В создании данной концепции, являющейся большим достижением научной мысли, принимали участие ученые, представлявшие различные лингвистические традиции, однако общие принципы построения языковой модели и, в частности, ее конфигурация, внутренняя архитектоника во многом сходны, что в какой-то мере облегчает нашу задачу по ее характеристике.

В основе данной модели находится **системный** подход как к языковому феномену в целом, так и к его составляющим, т.е. взаимосвязанным друг с другом формам его существования. Иными словами, язык интерпретируется как **система систем** (ср. название монографии Э.Г. Туманян “Язык как система социолингви-

стических систем” – Туманян 1985). Не случайно для его обозначения используются термины “метасистема”, “архисистема”, “макросистема”, “диасистема”. Заметим, что термин “диасистема” в славистике был введен в научный оборот Д. Брозовичем (Брозович 1967; Brozović 1970).

В рамках данного подхода исследователи оперируют в целом сходным определением национального языка; ср., к примеру, формулировку Сл. Утешеного: “Под языковым комплексом, или же комплексом языка современной национальной общности мы имеем в виду макросистему, детерминированную в социально-историческом и дифференцированную в функциональном отношении” (Utěšený 1980: 8). Другой чешский ученый, Я. Хлоупек, напротив, полагает, что национальный язык не может быть интерпретирован как система (Chloupek 1971: 10), поскольку понятие системы предполагает синхронную взаимосвязь составных компонентов, в то время как национальный язык объединяет компоненты, находящиеся по отношению друг к другу в диахронической, эволюционной взаимозависимости.

Входящие в состав национального языка формы его существования, как правило, наделяются всей необходимой для системообразующих подсистем атрибутикой, т.е. целостной гомогенной структурой, определенной нормой, фиксированным составом носителей, а также достаточно четко очерченной сферой употребления.

В зависимости от той или иной лингвистической традиции для обозначения указанных подсистем применяется достаточно широкая шкала терминологических аналогов: “форма существования языка”, “экзистенциальная форма”, “идиом”, “разновидность”, “вариета”, “подъязык”, “подсистема” и т.п. Не можем не отметить, впрочем, противоречивости в трактовке некоторых терминов, в частности, термина “вариета”. Так, Вл. Барнет, используя оппозицию “структурные–неструктурные идиомы”, употребляет термин “*varietà*” лишь для обозначения неструктурных, социально маркированных идиомов, расположенных на социальной оси (сленг, арг, профессиональные языки, язык групп по интересам). Соответственно структурные формации, или же образования, различающиеся друг от друга более выраженными структурными отличиями, затрагивающими различные уровни языковой системы, им обозначаются как *útvary* (Barnet 1973: 21). В настоящее время термин “вариета” чаще используется как эквивалентное обозначение для понятия “форма существования языка” (ср. название сборника – *Varieties of Czech: Studies in Czech Sociolinguistics*).

По своей сути данная модель является **лангвовой**, так как характерное для нее **парадигматическое** выстраивание идиомов, их иерархическое положение в решающей мере зависит от **имманентных** закономерностей языковой системы. Мало того, она носит **субординативный** характер, основываясь на строгой иерархии, таксономии составляющих ее онтологических компонентов, т.е. экзистенциональных форм, отличающихся друг от друга субстанциональными и социолингвистическими параметрами. Сказанное красноречиво подтверждает следующая дефиниция национального языка: “Национальный язык как таковой представляет собой прежде всего иерархию генетически взаимосвязанных **форм национального языка** (выделено автором. – Г.Н.), т.е. языковых структур, сосуществующих в настоящее время” (Křtmová 1981: 9).

Соблюдение субординативного принципа предопределяет и тип модели национального языка, который может быть охарактеризован как **моноцентрический**, т.е. это **моносистема**. Впрочем, точнее его можно было бы назвать **литературноцентрическим**, поскольку литературный язык здесь занимает главенствующее положение. Он рассматривается как **единственная** общеязыковая функциональная доминанта, способная обслуживать весь спектр как межличностной, так и общезнаковой коммуникации. Именно литературный язык как самый престижный идиом с максимально высоким иерархическим статусом представляет собой вершину языковой эволюции. Подобный “литературноцентризм” присущ подавляющему большинству социолингвистических описаний славянских языков.

Впрочем, по мнению П. Сгалла, для чешской языковой ситуации характерно наличие **двух** центральных форм существования чешского языка – литературного языка и идиома *obecná čeština* (см. по этому поводу: Sgall, Hronek 1992, а также другие работы, например Sgall 1994: 38; Sgall, Hronek 1996: 43). Соответственно территориальные диалекты в силу их прогрессирующей нивелировки выводятся на периферию системы. Не можем не отметить, что эта точка зрения имеет и своих оппонентов (см. вторую главу работы).

Поскольку именно субординация идиомов, манифестирующих иерархически выстроенные ярусы языковой системы, является **организующим** принципом модели, она также может быть определена как **онтолого-таксономическая**.

Субординативный принцип последовательно проводится и при внутренней спецификации уровней модели. Так, в русистике

литературный язык обычно расчленяется на два феномена: кодифицированный и некодифицированный. Причем для Е.А. Земской и ее единомышленников кодифицированным является книжно-официальный литературный язык (в письменной и устной разновидности), некодифицированным – разговорный литературный язык. О.А. Лаптева, также пользующаяся дихотомией “кодифицированность–некодифицированность”, к сфере некодифицированного употребления относит не только разговорную литературную, но и устную литературную речь (см., в частности: Лаптева 1994: 160).

В этой связи уместно напомнить о разграничении в польской лингвистике двух литературных норм – ригорозной и толерантной: первая характерна для письменного и официального устного языка; вторая – для разговорного литературного языка (Kurkowska 1977). Сходной оппозицией пользуется и Я. Горецкий при противопоставлении литературной формы и стандарта (см. ниже.)

В рамках разговорной речи (в ее обобщенном понимании) также вычленяются две иерархически неравноценные реализации: престижная – в виде разговорной литературной речи (ср., у О.А. Лаптевой: “Возникновение и развитие русской коллоквиалистики неизбежно ставит вопрос о **разговорной** (литературной!) норме (выделено автором. – Г.Н.)” (Там же: 158); менее престижная – со сниженным социолингвистическим статусом (например, просторечие для русского языка).

Далее, в составе русского просторечия Л.П. Крысин (Крысин 1989: 56) вычленяет просторечие-1 и просторечие-2. Разграничение это носит не столько функциональный, сколько социальный характер: носителями просторечия-1 являются горожане старшего возраста без образования вообще или же с начальным образованием; просторечия-2 – горожане среднего и молодого возраста с незаконченным средним образованием, не владеющие нормами литературного языка. По мнению исследователя, речь первых ближе к диалекту, полудиалекту; речь вторых – лишена диалектной окраски и в значительной степени жаргонизирована (Там же). Впрочем, четкое разграничение субстанциональных признаков обоих видов просторечия весьма затруднительно.

Наконец, существует мнение о возможности внутренней дифференциации нижнего яруса модели, т.е. территориальных диалектов, на говоры, сохраняющие близость к диалекту-основе; говоры, близкие к литературному языку; говоры, наиболее полно соединяющие элементы диалекта и литературного языка (Орлов 1968: 156–158).

По своей конфигурации стратификационная модель имеет вид **иерархизованной вертикали**, т.е. это своего рода пирамида, расширенное основание которой образуют территориальные диалекты, вершину же венчает литературный язык как наиболее престижный, стабильный, полифункциональный, обработанный (кодифицированный – для большинства исследователей) идиом, используемый в качестве единственного национально-репрезентативного, общеэтнического средства общения.

Принципы построения такой модели достаточно подробно освещены в коллективных монографиях “Типы наддиалектных форм языка” и “Функциональная стратификация языка”, выполненных под руководством М.М. Гухман, где для ее характеристики используется операциональное понятие “функциональная парадигма”, обозначающее модель с иерархическим построением системы форм существования конкретного языка, при котором необработанные, спонтанные, преимущественно устные формы занимают нижнюю позицию в модели, а формы обработанные – ее верхний ярус (Гухман 1985: 230).

Детализируя понятие функциональной парадигмы, М.М. Гухман отмечает, что речь идет о модели “относительно устойчивой для данного исторического отрезка архисистемы, каковой является совокупность форм существования языка” (Там же: 4).

В имеющихся социолингвистических описаниях современных славянских языков исследователи обычно оперируют следующим набором разновидностей национального языка: а) литературный язык (письменный и устный, с различной функционально-стилевой реализацией); б) разговорный литературный язык; в) обиходно-разговорный язык как в интердиалектной манифестации, так и в манифестации, функционально приближенной к субстандартному, общенациональному образованию (ср. общерусское просторечие или *обесна́ ше́тина* высшего ранга и пр.); г) территориальные диалекты; д) сленги (профессиональные, групповые языки, языки объединений по интересам). Таким образом, с учетом внутренней спецификации этих позиций получается довольно широкая шкала языковых феноменов.

Модель национального языка, разумеется, не является реестром всех форм его манифестации. Она отражает взаимосвязи, существующие между идиомами, их распределение в коммуникативном пространстве и как следствие этого – группировку идиом в соответствующие функциональные блоки, иначе именуемые ярусами, или же стратами.

По мнению М.М. Гухман (Гухман 1985: 230), исходная стратификационная модель включает всего лишь два страта, выделяемые на основе оппозиции “обработанность–необработанность, спонтанность”, однако под влиянием экстралингвистических и внутриязыковых факторов это первичное членение может разветвляться за счет образования промежуточных страт. К их числу относятся такие разновидности обиходно-бытового общения, как просторечие (регионально окрашенное и нейтральное), городские и областные койне или полудиалекты, диалекты территориальные и социально-территориальные (Там же: 4).

Для многих современных языков, а также для функциональных систем, сформировавшихся в преднациональный и национальный периоды, наиболее характерной является многоярусная функциональная система. “Иерархическая модель этой системы, представленная в трехъярусной или многоярусной парадигме, включает помимо обработанных форм языка и территориальных диалектов больший или меньший набор промежуточных образований. Исторически эти промежуточные формы складываются в результате либо взаимодействия диалекта и обработанных форм, либо под влиянием нейтрализации примарных признаков, отличающих отдельные диалекты, что способствует появлению смешанных образований и диалектному выравниванию. Эти процессы приводят к формированию устной нелитературной, но наддиалектной речи, промежуточного по своему статусу звена функциональной системы” (Там же: 231).

На основе этой усложненной модели выполнены современные социолингвистические описания подавляющего большинства славянских языков (см. вторую главу).

Численность позиций, включаемых в состав модели национального языка, может варьироваться как по отдельным языкам, так и в истории одного и того же языка. Различия наблюдаются и в пределах разных регионов одного и того же, даже весьма компактного языкового континуума. Иными словами, решающую роль играет специфика самого языкового материала.

При систематизации форм существования во внимание принимается ряд оппозиций. Среди них дихотомии “устность–письменность”, “литературность–нелитературность”, “подготовленность–неподготовленность”, “кодифицированность–некодифицированность” и т.п. Наконец, Д. Брозович (см.: Брозович 1967; Brozović 1970; Brozović 1973) использует и дихотомию “конкретность–неконкретность”, в соответствии с которой самыми главными и самыми характерными идиомами языковой модели явля-

ются местные говоры и стандартный язык, имеющие статус конкретных идиомов. Как полагает ученый, только они обладают четко определяемым инвентарем элементов своей субстанции и четко определяемой структурой, в силу чего в принципе можно в каждом случае и о каждом элементе субстанции или структуры дать однозначный ответ, относится ли он к норме или находится вне ее (Брозович 1967: 5).

Важнейшую роль в стратификационной концепции играет литературный язык, который в соответствии со сложившейся прежде всего в западной социолингвистике традицией часто обозначается эквивалентным термином “стандартный язык” (ср., в частности, монографию Зд. Старого – Starý 1994). Иначе трактует это понятие Я. Горецкий, разграничивающий литературную и стандартную формы национального языка. Первая, по его мнению, более строго кодифицирована, основная сфера ее употребления – школьное обучение, где у нее вообще не должно быть альтернативы, а также СМИ. Что же касается второй, то она имеет более мягкую кодификацию, допускающую включение некодифицированных элементов из субстандарта, а также заимствований из других языков (ср.: Ногескú (а) 1979: 18–19).

Возвращаясь к концепции Д. Брозовича, отметим, что под стандартным языком он подразумевает такой литературный язык, который, представляя собой идиом самого высокого ранга, имеет и интернациональную значимость: “О наличии стандартного языка, т.е. автономного типа языка, непременно нормированного и функционально поливалентного, можно говорить тогда, когда этническая или же национальная формация, включившись в интернациональную цивилизацию, начинает использовать в ней свой собственный идиом, обслуживавший до сих пор лишь нужды этнической цивилизации” (Брозович 1967: 32).

По мнению Д. Брозовича, именно стандартный язык и территориальные диалекты служат своего рода каркасом для формирования неконкретных идиомов. В сущности, они и являются теми полюсами, между которыми последние осциллируют. Как полагает Д. Брозович, разговорный язык реализуется в двух ипостасях: высшего и низшего ранга. Первый обладает субстандартным статусом и, таким образом, тяготеет к стандартному языку; второй имеет интердиалектную основу и, следовательно, примыкает к диалекту. Таким образом, изначально дихотомическое членение национального языка, в сущности, разворачивается в более сложную структуру, состоящую из трех или даже четырех компонентов.

Аналогом дихотомии “конкретность–неконкретность” является оппозиция “структурность–неструктурность” (выше уже отмечался факт ее применения Вл. Барнетом для разграничения форм существования и вариант, т.е. неструктурных феноменов типа сленгов, арго и т.п.), используемая Я. Хлоупеком для вычленения в составе национального языка двух осевых, полюсных идиомов. По его мнению (Chloupek 1974: 55), основными столпами языковой ситуации в Чешских землях являются два относительно стабильных структурных образования: литературный язык и традиционный территориальный диалект. Поляризация промежуточных, наддиалектных, неконкретных (или же неструктурных) идиомов осуществляется в диапазоне между двумя названными выше конкретными (структурными) формациями. В ряду структурных идиомов Я. Хлоупек называет также региональные интердиалекты в совокупности с феноменом *obecná čeština*.

Специфика стратификационной модели языка наиболее отчетливо проявляется в оценке статуса литературного языка и его интерпретации как феномена. Не будет преувеличением сказать, что в соответствии с этой концепцией вся система национального языка как бы преломляется через призму литературного языка. Это обуславливается как действительной значимостью литературного языка в системе вербальной коммуникации, так и, на наш взгляд, профессиональной специализацией исследователей, изучающих проблему дифференциации национального языка. Чаще всего они являются специалистами именно по литературному языку, его истории, что предопределяет известную заданность угла зрения, влияющую на итоговые выводы.

Именно литературный язык служит своего рода оценочным эталоном, своеобразной точкой отсчета при установлении внутренней субординации идиомов в модели. Это подтверждает и подбор соответствующих селекционных признаков; ср. оппозиции “обработанность–необработанность”, “престижность–непрестижность”, “полифункциональность–ограниченность функционального спектра”, “общезнаковая–региональная значимость” и т.д. Наборы этих признаков самым детальным образом рассматриваются в работах Д. Брозовича и Н.И. Толстого (Толстой 1988).

Вряд ли нужно специально доказывать, что из числа идиомов, входящих в состав национального языка, лишь для литературного языка характерно положительное значение дифференциальных признаков. Все остальные идиомы, напротив, имеют “минусовые” показатели (необработанный, непрестижный и пр.), что соответственно отражается не только на их месте в иерархизо-

ванной модели, но и на признании или же, напротив, непризнании за ними статуса самостоятельных форм существования национального языка.

Принципиальное значение для данной концепции имеет **расширительное** толкование литературного языка, в соответствии с которым статус “литературности” признается не только за письменной и устной разновидностями этого идиома, но и за разговорной речью, используемой активными носителями литературного языка в ситуации непринужденного повседневного спонтанного общения.

Для того чтобы удержать разговорную речь в рамках литературного языка, сторонникам этой концепции приходится прибегнуть к паллиативу, т.е. допустить наличие у литературного языка, помимо кодифицированной, также некодифицированной нормы.

Оценка статуса разговорной речи у различных исследователей колеблется в диапазоне: функциональный стиль литературного языка – разновидность литературного языка – самостоятельная подсистема в рамках литературного языка или даже особый литературный язык (последнее, в частности, представлено в трудах: Земская и кол. 1973: 18; Земская, Китайгородская, Ширяев 1981). Имеются разногласия и в вопросе, следует ли включать в состав стратификационной модели литературный язык “во всем многообразии его функциональных стилей и разновидностей”, как это делает, к примеру, Л.И. Баранникова (ср.: Баранникова 1974: 17), либо он должен быть представлен без учета его стилевой спецификации (т.е. как целостный феномен). Последней точки зрения придерживается М.М. Гухман, справедливо, на наш взгляд, полагающая, что при изучении проблемы функциональной стратификации национального языка функционально-стилистическая дифференциация литературного языка не является предметом рассмотрения (Гухман 1985: 4).

Вполне естественно, что при подобном разбросе оценок данный феномен то включается в исследовательское поле (при признании за ним автономного статуса), то, напротив, выпадает из него (при аттестации его как функционального стиля литературного языка).

Принципиально важным моментом данной концепции является установление **прямой зависимости** между способностью индивидуума пользоваться литературным языком, в том числе и в ситуации непринужденного повседневного общения, и **уровнем** полученного образования. Высота образовательного ценза, гарантирующего корректное использование литературной нормы, у разных исследователей, а иногда и у одного и того же, колеблется

в диапазоне: высшее образование | незаконченное высшее | законченное среднее | старшие классы средней школы (см. ниже).

Стратификационная концепция членения национального языка не только используется при систематизации языковых идиомов, она служит мерилom и при оценке состояния речевого узуса, при выработке стратегии и тактики в области языковой политики и языковой культуры. Впрочем, попытки наложения этой модели на конкретный языковой материал выявляют существенные расхождения между теоретическим построением и реальным состоянием речевой коммуникации в этносе. Это стало очевидным уже в 60-е годы XX в. во время упоминавшейся выше чешской лингвистической дискуссии, оказавшей большое влияние на развитие не только чешской, но и мировой социолингвистики.

Стимулированное этой дискуссией систематическое изучение состояния речевой коммуникации на материале чешского языка, особенно городской речи, территориальных диалектов и т.д., заставило усомниться в некоторых положениях действующей теоретической концепции. Не случайно именно в чешской лингвистике впоследствии стало уделяться столько внимания изучению феномена так называемых “смешанных”, или же “гибридных” текстов, в которых включение нелитературных элементов далеко выходит за рамки допустимых отклонений от литературной нормы.

Все это невольно подводит к мысли о том, что, как пишет чешский ученый Я. Корженский, “стратификационное представление о системе языковых средств являет собой тот тип модели, который, невзирая на всю свою значимость в лингвистике, в сущности, уже исчерпал свои возможности в качестве глобальной лингвистической модели, и что на данном этапе развития он может стать ограничивающим, лимитирующим фактором” (Kořenský 1984: 24).

Необходимость повышенного внимания к рассмотрению специфики речевой коммуникации и введения новых целевых установок и ценностных ориентиров становилась не только очевидной, она повлекла за собой и эволюцию используемой методики, учет новых дополнительных измерений, в ряду которых особенно возросла значимость социальных и коммуникативных факторов.

Все это не могло не ставить исследователей в трудное положение, поскольку новый теоретико-методический аппарат, который должен был прийти на смену привычным стереотипам работы с языковым материалом, присущим “лангвовой” лингвистике, пока что еще не вполне сформировался и утвердился.

И тем не менее, судя по тому, что в современной социолингвистической литературе трудно назвать работу, в которой бы не

заявлялось о приверженности коммуникативному подходу, либо, по крайней мере, не использовалась бы характерная для него терминология, он достаточно быстро обрел своих сторонников. К сожалению, на практике нередко это были лишь попытки коммуникативной коррекции, осуществляемой **в рамках** стратификационного подхода, т.е. лангвовая модель лишь дополнялась паролевым, коммуникативным ракурсом.

Попытки использования стратификационной концепции при интерпретации весьма динамичной и многосложной языковой реальности зачастую ставят исследователя перед дилеммой:

а) либо корректировать традиционную модель национально-языка, усложняя ее архитеконику путем введения дополнительных ярусов; ср., к примеру, модель чешской языковой ситуации, предложенную Сл. Утешеным (Utěšený 1980);

б) либо игнорировать имеющиеся расхождения между моделью и конкретными речевыми фактами, квалифицируя последние как нарушение существующих языковых норм (ср. безуспешные попытки табуирования смешанных текстов, некогда предпринимавшиеся, в частности, в чешской лингвистике). Последний путь, впрочем, как показала практика, не имел реальной перспективы.

ХАРАКТЕРИСТИКА КОММУНИКАТИВНОЙ МОДЕЛИ ЭТНИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Как отмечалось, коммуникативный подход нами использовался прежде всего для **макромоделирования** строения этнического языка, т.е. для установления общей конфигурации модели, а также организующих ее принципов. Поставленная задача решалась в контексте общей динамики языкового обеспечения, эволюции состава носителей и пользователей языковых идиомов, существующего речевого этикета и т.п.

В отличие от стратификационной модели, основывающейся на парадигматических взаимосвязях **внутри** языковой системы, предлагаемая нами модель строения этнического языка является **паролевой, синтагматической**, ориентированной прежде всего на специфику функционирования языковых средств в коммуникативном пространстве социума, т.е. это как бы взгляд на язык **извне**.

Сущность применяемого методического подхода заключается в рассмотрении строения языкового пространства через призму взаимоотношений языковой системы с другой, сопряженной с ней системой, системой коммуникативной. Как показало проведенное исследование, данный прием является весьма перспективным.

В своих рассуждениях мы исходили из следующих основополагающих тезисов:

а) обеспечение коммуникативных потребностей является **важнейшей** функцией языка;

б) между коммуникативным и языковым континуумами существует **причинно-следственная** взаимосвязь;

в) коммуникативный и языковой континуумы имеют **симметричное** строение, причем членение первого из них предопределяет членение второго;

г) общая конфигурация модели этнического языка представляет собой **проекцию** коммуникативной модели на плоскость языкового пространства.

Важно уточнить, что наличие причинно-следственных взаимосвязей между коммуникативной и языковой системами хотя и позволяет экстраполировать схему членения коммуникативного континуума на континуум языковой, тем не менее это не означает полного и абсолютного подобия их внутреннего строения, поскольку языковая и коммуникативная типология осуществляется на основе использования единиц, релевантных для каждой из этих систем. В свете сказанного выше, в круг исследовательских задач вводится рассмотрение членения, с одной стороны, коммуникативного пространства, с другой – пространства языкового. Остановимся подробнее на обоих ракурсах.

ЧЛЕНЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Структурирование коммуникативного пространства может проводиться с использованием единиц разной степени обобщенности, т.е. с применением коммуникативного фильтра разной степени густоты. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение для итогового результата.

Чаще всего для этой цели используются такие операциональные единицы, как **коммуникативная ситуация и коммуникативная сфера**.

В первом случае речь идет о выявлении микроситуаций общения, представляющих собой максимально густой коммуникативный фильтр, позволяющий зафиксировать набор весьма конкретных ситуаций вербального общения, отличающихся друг от друга характером ролевых взаимоотношений между коммуникантами, тематикой, внешними обстоятельствами общения и пр.

Подобный подход успешно используется в современной социолингвистике. Результативность его применения подтвердило, в ча-

стности, изучение речевого поведения в ситуации повседневного общения, проводимое коллективом ученых Института чешского языка Чешской академии наук (Я. Гофманова, О. Мюллерова и др.). Ср., например, анализ речевого поведения в таких ситуациях, как “дружеская вечеринка”, “посещение врача”, “разговор с продавцом”, “разговор по телефону”, “общение на работе” и т.п. (Müllerová, Hoffmannová, Schneiderová 1992). Следует особо отметить значимость вклада сотрудников этого института, и в частности Я. Корженского, О. Мюллеровой, Я. Гофмановой, в разработку коммуникативного подхода к изучению языковой ситуации.

Сходная методика применяется и М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой (Китайгородская, Розанова 1994) при изучении ролевого переключения индивидуума в таких наиболее характерных жанрах разговорной речи, как разговор на кухне, беседы за семейным столом, домашнее фатическое общение, разговор в магазинной очереди и пр. Впрочем, в отличие от чешских авторов, у которых предварительная установочная ориентация на определенный уровень языковой компетенции говорящего отсутствует, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова изучают речевое поведение лиц, пользующихся литературным языком в повседневном общении.

Применение столь густого коммуникативного фильтра, действительно, позволяет выявить специфику речевого поведения, правила отбора языковых средств при построении высказывания. Для решения же более общих задач, в частности таких, как моделирование строения этнического языка в целом (т.е. макро-моделирование), он, по нашему мнению, в силу своей густоты не слишком эффективен: при его использовании возникает весьма детальное, а порой и мозаичное представление о характере языкового обеспечения коммуникации в социуме. Впрочем, в перспективе через типологию наборов языковых средств, характерных для определенных микроситуаций общения, возможно, удастся выйти на решение более общей проблемы структурирования языкового пространства. В этом случае построение модели будет осуществлено как бы **снизу**.

Понятие “коммуникативная сфера” представляет собой более высокую ступень абстракции, чем коммуникативная ситуация. Оно детально разработано в социалингвистике, хотя смысловая наполненность и численность коммуникативных сфер у разных исследователей далеко не всегда совпадают. Так, В.А. Аврорин (Аврорин 1970) называет 14 коммуникативных сфер (некоторые из них, впрочем, пересекаются с микроситуациями общения): семейное общение, общение внутри производст-

венного коллектива, общение в пределах населенного пункта, общение на разного рода собраниях, общение в школьном обучении всех ступеней, каналы массовой информации, литературное творчество, сфера науки, религии, общегосударственного и местного производства, личная переписка, общение внутри одноязычного коллектива, общение между разноязычными людьми и коллективами, общение с машинами (речевое управление).

Л.Б. Никольский и чешский ученый Вл. Барнет оперируют шестью сферами, однако набор их несколько разнится. Так, у Л.Б. Никольского это: 1) сфера общегосударственного общения; 2) сфера регионального общения; 3) сфера местного общения; 4) сфера производства. 5) сфера семейно-бытового общения; 6) сфера ритуального общения (Никольский 1976: 37).

Состав коммуникативных сфер, релевантных для типологии текстов, по мнению Вл. Барнета, включает: 1) общенародное публичное официальное общение; 2) повседневное публичное неофициальное общение (общенародное или же потенциально общенародное); 3) региональное непубличное неофициальное общение; 4) неофициальное непубличное общение в коллективе, например, профессиональном; 5) неофициальное непубличное общение в семье; 6) конфессиональное культовое общение (Barnet 1977: 339). По справедливому замечанию ученого, коммуникативная сфера является категорией исторической, поэтому отдельные общности могут отличаться друг от друга как количеством коммуникативных сфер, так и их значимостью.

Существуют и иные реестры сфер общения. Так, О.С. Парфенова (Парфенова 1995) оперирует следующим набором сфер общения: трудовая деятельность, образование, обслуживание и здравоохранение, семейное общение, национальная культура и удовлетворение информационных и эстетических потребностей.

Важно отметить, что исследователи обычно усматривают корреспонденцию между нормой коммуникативной сферы и языкового идиома (ср. по этому поводу: Jedlička 1982). Так, Л.Б. Никольский пишет, что в однонациональном государстве сфера общегосударственного общения обслуживается литературным языком; сфера регионального общения – наддиалектным койне; сфера местного общения – бесписьменным диалектом или диалектом, имеющим письменную фиксацию; сфера производства – профессиональным “языком” или языком науки; сфера семейно-бытового общения – разговорными диалектами, городским просторечием, разговорной формой литературного языка; сфера ритуального общения – литературным национальным языком, ста-

рописьменным национальным языком, иностранным языком, мертвым или живым (Никольский 1976: 38).

Иными словами, проецируя сетку коммуникативных сфер на инвентарь форм существования национального языка, ученые пытаются выявить закономерности распределения языковых идиомов в коммуникативном пространстве. По сути, речь идет о той же стратификационной, лангговой модели, т.е. той же иерархизованной вертикали, которая в данном случае лишь “опрокидывается” на коммуникативную плоскость, а идиомы национального языка “разводятся” по коммуникативным сферам.

Проблема, однако, заключается в том, что строгая закреплённость идиома за той или иной коммуникативной сферой прослеживается далеко не всегда, особенно, если принять во внимание специфику языковой компетенции индивидуума, его индивидуальное речевое поведение, а также ряд других моментов, нередко приводящих к возникновению зон функционального пересечения форм существования языка друг с другом.

В настоящем исследовании для решения стоящей перед нами задачи мы сочли возможным ввести новую коммуникативную единицу, более высокой степени абстракции, чем “коммуникативная ситуация” и “коммуникативная сфера”. Это понятие коммуникативного ареала, применение которого позволяет наметить членение коммуникативного пространства как бы “широкими мазками”. Возможно, более привычным в этом случае был бы термин “коммуникативная сфера”, однако он, имея сложившуюся традицию употребления, уже “занят”.

В нашем понимании коммуникативный ареал представляет собой комплексную, вышестоящую (по сравнению с коммуникативной сферой) категорию, для вычленения которой существенны такие факторы, как: специфика коммуникативных функций, характер общения, тип речевого поведения, адресат и др.

В отличие от коммуникативных сфер, численность которых относительно велика и исторически изменчива (ср.: Barnet 1977: 339), численность коммуникативных ареалов, напротив, **константна**. Практически для всех этапов существования этноса правомерно говорить о двух ареалах. Это, условно говоря, ареал выших коммуникативных функций и ареал непринужденного повседневного общения. Разумеется, на раннем, родо-племенном, этапе существования этноса первый ареал может быть представлен в несколько свернутом виде, однако полное его отсутствие все же кажется маловероятным.

Применение понятия “коммуникативный ареал” позволяет интерпретировать коммуникативное пространство как **двуединую**, т.е. **бинарную**, структуру, в составе которой вычлняются два глобальных массива, рельефно отличающихся друг от друга в функциональном отношении. Совокупность этих массивов, или же ареалов, и составляет **комплектное** коммуникативное пространство.

Таким образом, моделирование строения этнического языка в этом случае осуществляется не снизу, как при микроситуациях общения, а сверху, через более обобщенную коммуникативную категорию. Иными словами, к одной и той же цели можно идти из разных отправных точек. Впрочем, на наш взгляд, движение снизу, даже если оно и будет успешным, является более долговременным.

Ниже будут рассмотрены оба коммуникативных ареала (см. по этому поводу также: Нецименко 1988: 210–211).

1. Ареал высших коммуникативных функций

Данный ареал охватывает прежде всего интеллектуальную деятельность человека. Это своего рода визитная карточка этноса, отражающая его цивилизационные достижения.

Объем высших коммуникативных функций и, соответственно, их удельный вес исторически изменчивы. На ранних этапах жизни этнической общности этот ареал включал в себя отправление культа, игравшее главенствующую роль, начальные формы административно-правовой деятельности (например, обычное право), начальные виды производственной деятельности, устное народное творчество и т.п.

С течением времени объем высших коммуникативных функций не только количественно расширился, но и качественно изменился. Так, появились различные виды **общезначеского** общения и, в частности, наука, образование, общественное управление, общественно-политическая сфера, авторское художественное творчество, средства массовой информации и т.п.

Для данного ареала характерна преимущественная установка на **публичное официальное общение**, вплоть до **общезначеского**, которое, как правило, является опосредованным благодаря использованию достижений техники, в том числе и электронной. Взаимодействие между коммуникантами здесь обычно не является ярко выраженным, иногда оно присутствует как бы подспудно, оказывая тем не менее влияние на выработку коммуникативной стратегии коммуникатора, желающего не только проинформировать адресата, но и убедить, привлечь его на свою сторону.

Сказанное, впрочем, не исключает возможности обрыва коммуникативного контакта (ср.: выключение радио, телевизора и пр.).

Помимо официальной публичной коммуникации, к этому же ареалу нами относится **интерперсональная коммуникация, официальная и полуофициальная**, которая может быть как публичной, так и непубличной; ср.: дипломатические переговоры; общение лиц с разным социальным статусом, например преподавателя с учениками, студентами; общение с вышестоящим лицом; общение малознакомых людей.

Иными словами, во всех описанных выше случаях имеется в виду коммуникация при отсутствии непринужденно-доверительных отношений, наличии психологического барьера.

2. Ареал непринужденного повседневного общения

Данный ареал охватывает неофициальное, непубличное, непринужденное общение в семье, коллективе, в том числе во время трудовой деятельности и пр. Этот вид общения ориентирован на индивидуального адресата, т.е. речь идет о межличностном общении с сопутствующим ему коммуникативным взаимодействием, установлением непосредственного контакта между собеседниками, позволяющего наблюдать как вербальную, так и невербальную реакцию (т.е. мимику, жестикуляцию, выражение глаз и пр.). Не случайно, обсуждение какой-либо животрепещущей темы невозможно (или во всяком случае затруднительно) при наличии какой-либо физической преграды, при использовании технических средств связи и даже графической фиксации информации.

О возможности бинарного членения коммуникативного пространства пишет и Я. Босак (Bosák 1990), использующий, впрочем, термин “коммуникативная сфера” в широком и узком смысле. Так, для словацкого языка он выделяет две коммуникативные сферы:

I. Публичная и официальная коммуникативная сфера – общегосударственное общение.

II. Публичная или же непубличная неофициальная коммуникативная сфера повседневного общения (Там же: 78).

Предлагаемая Я. Босаком классификация, хотя и сходна с нашей (в обоих случаях противопоставление осуществляется, главным образом, на оси “официальность–неофициальность”), тем не менее в ней есть и некоторые отличия. Так, у Я. Босака оппозиция “публичность–непубличность” отнесена ко второй коммуникативной сфере, причем лекция на научную тему рассматривает-

ся ученым в той же самой коммуникативной сфере, что и семейное общение на диалекте.

Проводя спецификацию первой коммуникативной сферы по тематическому признаку, Я. Босак выделяет следующие “более узкие” сферы: 1) экономическая, общественная, политическая и организационная деятельность; 2) массовая информация и пропаганда; 3) наука и популяризация науки; 4) организованное обучение; 5) художественная литература; 6) эстетическое воздействие (театр, кино, некоторая часть радио- и телепрограмм и т.д.).

Соответственно вторая сфера дифференцируется на следующие “публичные или непубличные неофициальные частные коммуникативные сферы”: региональное общение; групповое общение, связанное с производственной деятельностью; общение в коллективах, объединенных по возрастному или же какому-нибудь другому, в том числе случайному, признаку; семейное общение (Там же: 78–79).

Как и другие ученые, Я. Босак устанавливает взаимосвязь между коммуникативной сферой и соответствующим языковым обеспечением: за первой сферой закрепляется литературный язык, преимущественно в письменной форме (за исключением сферы эстетического воздействия); за второй (применительно к словацкому языку) – территориальные диалекты (сфера регионального и семейного общения), профессиональный язык, сленги (групповое общение). Автор отмечает, что в словацкой языковой ситуации в сфере повседневного общения до сих пор не выкристаллизовался “самостоятельный идиом общегосударственного общения”, каковыми являются, по его мнению, русский разговорный литературный язык, а также обеспá čeština (Там же: 79). В этой связи не можем не отметить, что признание подобного статуса за идиомом обеспá čeština в чешской лингвистике вызывает полемику.

ЧЛЕНЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Как отмечалось выше, членение языкового пространства предопределяется членением пространства коммуникативного, являясь ему **симметричным**. В силу этого проекция коммуникативного континуума с его бинарной структурой на плоскость вербальной коммуникации позволяет получить бинарное членение языкового пространства, в соответствии с которым каждый коммуникативный ареал имеет свое языковое обеспечение.

Рис. 1

Таким образом, в основе как коммуникативного, так и языкового пространства лежит один и тот же организующий принцип – принцип бинарности, что наглядно отражено на рис. 1.

Как показано на схеме, совокупность двух коммуникативных ареалов составляет комплектное коммуникативное пространство; соответственно совокупность двух подсистем языкового обеспечения – комплектное языковое пространство.

Вариативными обозначениями подсистем языкового обеспечения являются: для первой подсистемы – “подсистема **регулируемого** речевого поведения”, или же “репрезентативные языковые идиомы”; для второй – “подсистема **нерегулируемого** (или с ослабленной регулируемостью) речевого поведения”, или же “разговорный язык”.

При обозначении обеих подсистем мы намеренно избегаем соотнесения их с каким-то конкретным языковым идиомам. Это обусловлено тем, что языковая манифестация в обоих случаях, во-первых, может быть **множественной**; во-вторых, она не является **жестко предопределенной**, так как выбор языкового идиома в конечном итоге зависит от языковой компетенции индивидуума.

Сказанное в полной мере относится и к понятию “разговорный язык”, интерпретируемому нами не как конкретная языковая манифестация, а как совокупное обозначение, своего рода

функциональное звено, в заполнении которого решающую роль играет ощущение **коммуникативной комфортности** у индивидуума, совершенно необходимое для ситуации непринужденного общения.

Таким образом, индивидуум имеет определенный диапазон возможностей, в рамках которого он в соответствии со своей языковой компетенцией, коммуникативным намерением, коммуникативным и речевым стандартом, интеракцией с собеседником отбирает языковые средства, необходимые для построения высказывания.

Каждая из подсистем языкового обеспечения характеризуется специфическим типом речевого поведения. Так, первую подсистему (языковое обеспечение, условно говоря, высших коммуникативных функций) отличает регулируемое речевое поведение, контролируемое не только внешней языковой цензурой (редакторская правка, соблюдение кодификации и пр.), но и прежде всего, и это особенно важно, речевой самодисциплиной субъекта, т.е. автоцензурой.

Подчеркнем, что речь идет именно о регулируемом, а не регламентированном речевом поведении. Данное уточнение представляется нам весьма существенным, поскольку регламентируемое речевое поведение предполагает достаточно жесткую заданность выбора используемых языковых средств, наличие строгих предписаний, с которыми индивидуум так или иначе должен считаться. При регулируемом речевом поведении подобная категоричность отсутствует, акцент делается прежде всего на сознательном **саморегулировании, автоцензуре** речевого поведения, хотя немалую роль играет и внешняя языковая цензура.

Речевое поведение, характерное для второй подсистемы (языковое обеспечение непринужденного повседневного общения), отличается ослабленным речевым самоконтролем (иногда и полным его отсутствием), повышенной экспрессией, свободным потоком сознания и т.п., т.е. всеми неотъемлемыми компонентами того типа речевого поведения, которое мы для краткости называем нерегулируемым. Разумеется, говорить о полном отсутствии речевого контроля здесь также вряд ли возможно, однако степень его проявления по сравнению с ареалом высших коммуникативных функций настолько незначительна, что в каком-то смысле может быть элиминирована.

ТРАКТОВКА ПОНЯТИЯ “ЯЗЫКОВОЙ ИДИОМ”

Трудности представляет вычленение и последующая систематизация конкретных языковых манифестаций. В этом случае в качестве основной единицы традиционно используется понятие “языковой идиом” | “форма существования языка” и пр. Вместе с тем результаты изучения состояния речевой коммуникации, осуществляемого учеными разных стран, дают повод сомневаться в целостности и гомогенности этого феномена.

Данный вопрос довольно широко дебатировался в чешской социалингвистике. Так, Я. Гофманова и О. Мюллерова говорят о возможности в этом случае альтернативы: “Следует решить: либо по-прежнему оперировать формами существования языка (хотя бы в виде некоторого фона) с присущими им границами, интерференцией и сосредоточить внимание на консолидации смешанных форм, их описании и установлении их статуса в функциональной парадигме национального языка, либо постараться обойтись без подобным образом очерченного фона и оперировать только представлением о континууме коммуникативных средств, из которого по мере коммуникативной потребности вычленяются наборы языковых средств, мотивированные функционально, ситуативно (социальными и психологическими установками партнеров, их взаимоотношениями, средой), а возможно, и тематически” (Гофманова, Мюллерова 1994: 25).

Сомневаясь в реальном существовании гомогенных субсистем национального языка, “определенным образом манифестированных в коммуникативной компетенции носителей языка и реализованных в ходе речевого взаимодействия” (Там же: 24), ученые полагают, что понятие “форма существования языка” как идеальную абстракцию уместно использовать при осмыслении и описании главным образом явления интерференции, т.е. коммуникатов со смешанными характеристиками (Там же: 25).

Возможность использования “идиомного” подхода при анализе повседневной коммуникации на чешском языке ставит под сомнение и О. Гаузенблаз. Так, он пишет: “Идиомный подход к языку дает в руки исследователя великолепный аппарат для описания *langue*, однако он недостаточно гибок для описания и толкования *parole*, для отбора языковых средств, их подключения и стилистического использования в неформальном высказывании в публичной или полупубличной коммуникативной сфере” (Hausenblas 1993: 101). Статус идиома О. Гаузенблаз признает

лишь за литературным языком и диалектом, т.е. за конкретными идиомами (в терминологии Д. Брозовича).

Полемизируя с О. Гаузенблазом, П. Сгалл, напротив, полагает, что “идиомный” подход следует применять и при описании ситуации повседневного общения. Утверждая это, он имеет в виду прежде всего использование в указанной ситуации феномена *obespá čeština*, являющегося, по мнению ученого, строго структурированной подсистемой национального языка (Sgall 1994: 38).

Уточняя нашу позицию, отметим, что в тексте работы термин-понятие “идиом” нами используется. Полный отказ от него на данном этапе исследований был бы все-таки преждевременным, во всяком случае до тех пор, пока не будут установлены новые единицы обобщения языкового материала. Однако в это понятие мы вкладываем несколько специфическое содержание, поскольку динамические тенденции современной языковой ситуации существенно меняют традиционное представление о языковых идиомах. Поясним сказанное:

1. Понятия “форма существования языка” | “идиом” и пр. нами рассматриваются как чисто классификационные, своего рода маркеры, полезные при систематизации речевых фактов. Интерпретация их как реально функционирующих **целостных** систем весьма проблематична. Исключение, пожалуй, составляет литературный язык, норма которого, по нашему мнению, является кодифицированной, охраняемой институционально; в известной мере это может быть отнесено и к территориальным диалектам с их конвенциональной нормой, охраняемой обычаями. Что же касается языкового обеспечения непринужденного повседневного общения, то там преобладают не комплектные, целостные структуры, а, главным образом, смешанные тексты, комбинирующие элементы с различной идиомной маркировкой. Именно они и являются нормой разговорной речи.

2. В современной коммуникации распространению феномена “смешанных” текстов способствует усиление **проницаемости** межидиомных границ. Не составляют в этом случае исключения ни литературный язык, ни диалекты. Не можем не отметить, что нам не представляется удачным применение при характеристике смешанных текстов термина “переключение кода” (code-switching), широко используемого в современной социолингвистической литературе при характеристике различного рода речевых стратегий (ср.: Hamers, Blanc 1983: 183). По нашему мнению, факт существования смешанных текстов, особенно в ситуации непринужденного повседневного обще-

ния, в большинстве случаев является спонтанным, произвольным речевым актом, не предполагающим продуманную целенаправленную речевую стратегию. Тем более, что, как правило, речь идет об отдельных, более или менее множественных вкраплениях из различных речевых норм.

3. В современной вербальной коммуникации состав носителей, а тем более пользователей тех или иных идиомов, как правило, **лабилен**, что говорит о снижении **социальной** маркированности речевого поведения, уменьшении социальной предопределенности речевых навыков. В этой связи особо следует выделить факт расширения социального состава **пользователей** (подчеркиваем: не носителей, а именно пользователей) не только литературного языка, но и сленга и просторечия. Не случайно в своей монографии Л.П. Крысин (Крысин 1989) поднимает статус сленга, молодежного жаргона, оценивая их как самостоятельные подсистемы русского национального языка (см. ниже). В этом отношении примечателен факт увеличения включений (лексических, морфологических, словообразовательных и пр.) из сленга, просторечия, профессиональной речи в узус не только повседневного, но и, что особенно важно, публичного общения.

4. Чрезвычайно важным представляется факт **дисперсного** функционирования языковых манифестаций, т.е. их использования, особенно при непринужденном повседневном общении, не как целостных структур. В качестве примера можно было бы привести криминальный сленг: частотность употребления его элементов, в частности в русском языке, достаточно высока, однако владение им как целостной структурой является весьма ограниченным.

5. Многие из современных идиомов представляют собой **фантомные** манифестации. Это означает, что на деле говорящий не владеет нормой идиома, не обладает навыками его адекватного использования, а имеет лишь некоторое, порой весьма поверхностное представление о наборе его языковых средств, что, впрочем, не мешает ему употреблять, в сущности, цитировать, те или иные его элементы (ср. цитация сленга, регионального просторечия и даже литературного языка, примером чего является гиперкорректность).

Как мы видим, во всех перечисленных выше случаях дело сводится к тому, что современные идиомы вряд ли можно интерпретировать как целостные гомогенные структуры, что, в свою очередь, не может не ослаблять их операциональную силу как

единиц членения языкового пространства. Тот факт, что при построении конкретного высказывания чаще всего свободно komponуются элементы разных идиомов, значительно затрудняет системную идентификацию текста.

ОППОЗИЦИИ, УЧИТЫВАЕМЫЕ ПРИ ЧЛЕНЕНИИ ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Из числа применяемых нами оппозиций следует особо выделить две антиномии: прежде всего “регулируемое–нерегулируемое речевое поведение”, а также “монологическая–диалогическая речь”.

РЕГУЛИРУЕМОЕ–НЕРЕГУЛИРУЕМОЕ РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Лежащее в ее основе противоположение двух типов речевого поведения позволяет выстроить **дихотомическую** макро модель этнического языка, в соответствии с которой в составе языкового континуума достаточно рельефно обособляются два глобальных структурно-функциональных массива – это языковое обеспечение ареалов высших коммуникативных функций и непринужденного повседневного общения.

Рассматривая через призму этой оппозиции специфику вербальной коммуникации в этносе, можно заключить, что в основе языкового обеспечения официального публичного, а также официального и полуофициального интерперсонального общения (при отсутствии доверительных межличностных отношений) находится **регулируемое** речевое поведение; в основе языкового обеспечения непринужденного повседневного общения – соответственно речевое поведение **нерегулируемое** или же **со сниженной регулируемостью**. Регуляторами речевого поведения мы считаем прежде всего **автоцензуру**, отражающую вполне определенную коммуникативную стратегию индивидуума, его самоконтроль за своим речевым поведением, а также внешнюю языковую цензуру. Введение автоцензуры может мотивироваться различными факторами и, в частности, собственной речевой самодисциплиной говорящего, его стремлением к коммуникативной успешности, важен и учет реакции окружающих на его речевое поведение.

Вряд ли нужно специально доказывать, что указанные регуляторы существенно корректируют речевое поведение индивидуума, причем именно в ареале высших коммуникативных функций. В ареале непринужденного повседневного общения они менее значимы, поскольку речевое поведение здесь более спонтанно и произвольно, оно не регулируется **строгим** селективным фильтром. Не связанное напрямую с теми или иными установочными ориентирами, оно отражает свободный поток сознания, активное взаимодействие коммуницирующих и т.п.

Правомерность применения данной оппозиции полностью подтверждается материалом: она соблюдается достаточно строго и последовательно. Все остальные оппозиции, которые могут быть приняты во внимание при построении дихотомической модели этнического языка, в той или иной мере являются ее спецификацией.

МОНОЛОГИЧЕСКАЯ–ДИАЛОГИЧЕСКАЯ РЕЧЬ

Данная оппозиция тесно примыкает к ранее рассмотренной. Результатом ее применения также является построение дихотомической модели этнического языка, однако идентичный итоговый результат достигается путем введения иного параметра: не характера речевого поведения, а, главным образом, типа текстовой структуры.

В основе этой оппозиции находится противопоставление двух типов текстовой структуры: **монологического** и **диалогического**. Первый из них характерен для языкового обеспечения высших коммуникативных функций (регулируемое речевое поведение); второй, напротив, для непринужденного повседневного общения (нерегулируемое речевое поведение).

В своем понимании монологической и диалогической речи мы во многом исходили из интерпретации, предложенной в свое время Л.П. Якубинским (Якубинский 1923) и Л.В. Щербой (Щерба 1957). Существенно, однако, что последний не только противопоставил монологическую и диалогическую речь, но и, что еще более важно, соотнес эти виды речи с внутриязыковым членением; ср.: “Всякое понятие лучше всего выясняется из противоположений, а всем кажется очевидным, что литературный язык прежде всего противопоставляется диалектам. И в общем это верно; однако я думаю, что есть противоположение более глубокое, которое в сущности и обуславливает те, которые кажутся

очевидными. Это противоположение литературного и разговорного языков ... в основе литературного языка лежит монолог, рассказ, противопологаемый диалогу – разговорной речи. Эта последняя состоит из взаимных реакций двух общающихся между собой индивидов, реакций нормально спонтанных, определяемых ситуацией или высказыванием собеседника. Диалог – это в сущности цепь реплик. Монолог – это уже организованная система облеченных в словесную форму мыслей, отнюдь не являющихся репликой, а преднамеренным воздействием на окружающую. Очевидно, что структура реплик (диалога) и структура монолога (литературный язык) будут совершенно разные” (Щерба 1957: 115).

Можно лишь согласиться с А.Ф. Журавлевым в том, что важнейшей приметой диалогического текста (в отличие от монологического) является принципиальная установка на непосредственную реакцию партнера, обуславливающая и характер использования языковых средств (Журавлев 1988: 89).

При моделировании строения этнического языка операциональная сила антиномии “монологическая-диалогическая речь” по сравнению с предыдущей оппозицией несколько снижается в силу наличия переходных зон с **функционально** обусловленной интерференцией монологических и диалогических текстовых структур.

Говоря это, мы имеем в виду прежде всего факт использования диалогической речи в художественной литературе либо при официальном (или же полуофициальном) общении, т.е. в ареале регулируемого речевого поведения. Таким же отклонением от правила является и феномен внутреннего монолога в ареале непринужденного повседневного общения.

Упомянутые исключения не только не нарушают общую закономерность в разграничении сфер использования диалогической и монологической речи, но, напротив, подтверждают ее. Дело в том, что феномен, именуемый диалогической речью, внутренне не является единым. Так, проецируя оппозицию “регулируемое–нерегулируемое речевое поведение” на диалогическую речь, мы убеждаемся в правомерности ее дихотомического разделения на **исконную** и **неисконную**: исконная диалогическая речь характерна для нерегулируемого речевого поведения; неисконная – для регулируемого.

Что касается неисконной диалогической речи, то она манифестируется **авторскими** текстами, представляющими собой целенаправленную имитацию диалога или же стилизацию под

него, т.е. это диалог, целенаправленно выстроенный **одним** лицом (художественная литература, публицистика и пр.). В этом случае диалог лишается своей изначальной сущности – быть чередующейся последовательностью реплик и реакций **разных** индивидуумов.

Основной сферой использования неисконного диалога является художественная литература, кино, радио- и телевидение и пр. (т.е. ареал высших коммуникативных функций); ср. нарочито диалогическое название современной сценической версии рассказа А.П. Чехова “Предложение”, поставленной в Театре современной пьесы: “*А чёй-то ты во фраке?*”.

Воспроизведение диалогической речи в художественной литературе имеет давнюю традицию. Так, уже в произведениях древнечешской литературы (XIV в.) встречаются довольно точные фиксации диалогической “простонародной” речи, воспроизводящие такие специфические особенности разговорного языка, как включение вульгаризмов, изобилие германизмов, упрощенный синтаксис, отсутствие сложных периодов, нарушение порядка слов, повторы и пропуски, т.е. ритмику живой, непринужденной речи; ср.: Mastičkáf: “*Rubíne! Rubíne! Rubíne! vo pistu? – Sed’ mistře, držu za řít tistu* (Výbor z české literatury. Od počátků po dobu Husovu. Praha, 1957: 250); *A kak sě jmá kmoška moje? | A jakž ta slova otmluví, | inhed jmu o sukně vzmluví | řka: “Kmotře, kaké sukno jmám | Třeba-liť, at’ jeho prodám” | “...Ač sě, kmotře, líbí tobě, vezmi to sukénce sobě | Raději přieteli svému, tobě, kmotře, než jinému* (Staročeské satiry Hradeckého rukopisu a Smilovy školy. Praha, 1962: 80–81).

Неисконная, т.е. художественная, диалогическая речь может воспроизводиться либо целиком (например, в произведениях драматургии), либо фрагментарно, когда она “инкрустирует” монологическую речь, создавая впечатление “пересказывания”, сопричастности, интерперсонального взаимодействия и пр.; ср. фрагмент из очерка (“Столица” 1992): «*Но тут, как черт из табакерки, выскакивает какой-нибудь “бригадир”, ненаследный маленький принц и ну тебе орать в “матюгальник”, чтобы к исходу сентября ему вынули и положили “социалистический выбор” – ага, сча-а-с, уже вынули. А другой “бригадир” на всю Россию недоумекает, почему это ему до сих пор не завернули в газетку “Известия” какого-нибудь карманного главного редактора и ленточкой муаровой не перевязали – ага, сча-а-ас все бросим и перевяжем. Только перевязка немножко будет жать в коленках*». В данном слу-

чае налицо, по сути, **гетерогенные** тексты, сочетающие элементы диалогической и монологической речи.

Факт включенности элементов диалогической речи в монологический текст подтверждает верность общего правила: там, где необходимо воспроизвести ситуацию непринужденности общения, используется одна из типичных ее речевых особенностей – диалогическая речь.

Небезынтересно, что при аудитивном восприятии неисконного диалога по радио и ТВ диалектоносители, пользующиеся в своем повседневном общении исконной диалогической речью, воспринимают первый как речь монологическую (Калнынь, Масленникова 1995).

Неисконный диалог используется и в ситуации официального или же полуофициального интерперсонального общения, находящегося под более или менее строгим речевым самоконтролем. Подобный вид вербального общения хотя и реализуется в виде чередующихся реплик, однако на деле текст этих реплик имеет **монологическое** строение, поскольку обычно предварительно обдумывается. Обращает на себя внимание факт соблюдения в этом случае своеобразного речевого этикета – так, например, в русской языковой среде при обращении врача к пациенту часто используется побудительное 1 л. мн.ч., высокой частотностью отличаются деминутивы: *головку кладем и не двигаемся; шапочку снимаем и заходим; глазик закроем* и пр.

Аутентичное воспроизведение диалогической речи может встречаться в текстах репортажей, интервью по радио и ТВ, отчасти в прессе, однако в большинстве своем здесь также осуществляется целенаправленная селекция текста либо дозированная автоцензура. Не случайно один и тот же текст, транслируемый в “живом эфире”, отличается, и иногда весьма значительно, от того же самого текста, воспроизведенного повторно, но уже в записи. Различного рода теледебаты (радиодебаты) или же диалоги с телезрителями (радиослушателями) по телефону также, по сути, представляют собой или имитацию диалога, или же чередование минимонологов. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу, говоря о феномене публичного воспроизведения в СМИ ситуации интимного, межличностного общения.

Мы остановились выше лишь на двух оппозициях из числа применяемых. За рамками специального рассмотрения оставлены, в частности, такие важные антиномии, как “официальность–неофициальность”, “публичность–непубличность”, “подготовленность–неподготовленность”, “литературность–нелитературность”

и др. Практически все они достаточно широко освещаются в литературе. Сошлемся в этой связи, помимо всего прочего, на статью Е.А. Земской о городской речи (Земская 1988) или же О. Уличного о классификации различного типа высказываний (официальные публичные высказывания неподготовленные, официальные непубличные высказывания письменные, официальные непубличные высказывания устные и т.п.) (Uličný 1996).

Несколько слов скажем лишь об оппозиции “*литературность–нелитературность*”. Эта антиномия используется в социолингвистических описаниях – ср., например, название международной конференции “Spisovnost a nespisovnost dnes” (Brno 1996) либо монографии Я. Хлоупека “Dichotomie spisovnosti a nespisovnosti” (Chloupek 1986); последний, кстати, применяет также оппозицию “*модельность–немодельность*” (Chloupek 1980). В нашей работе оппозиция “литературность–нелитературность” имела скорее вспомогательное, “фоновое”, а не операциональное значение. Отчасти это было потому, что установочная ориентация на какой-то один языковой идиом как на своеобразную точку отсчета – даже если это и литературный язык – может сделать предвзятой оценку языковой картины в целом. Кроме того, для нас имело значение и то, что распределение языковых идиомов в коммуникативном пространстве отнюдь не является жестко обусловленным. Во многом оно корректируется языковой компетенцией индивидуума, в результате чего, например, в ареале высших коммуникативных функций, теоретически и практически могут появляться и “нелитературные”, разговорные, идиомы.

ОРГАНИЗУЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПРЕДЛАГАЕМОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ МОДЕЛИ

1. Несубординативный характер модели

Данная модель не является субординативной, иерархической. Это обусловлено принципиально иным ракурсом изучения дистрибуции языковых средств, рассматриваемой через **функциональную** призму, с учетом характера коммуникативных потребностей этноса. В соответствии с этим иначе интерпретируется и понятие “*престижность*” языкового идиома. Так, если в стратификационной модели престижным считается идиом, имеющий максимально высокий статус в иерархически организованной модели этнического языка, т.е. это лите-

ратурный язык (напомним, что в чешском языке престижным считается и феномен *obecná čeština*), то в соответствии с нашей концепцией при оценке конкретного текста или же идиома решающее значение имеет соответствие их нормы норме коммуникативной ситуации, определенному коммуникативному стандарту. Из этого следует, что и определение степени престижности или же непрестижности той или иной манифестации этнического языка осуществляется не а priori, а зависит от того, насколько ее норма соответствует (или же не соответствует) конкретному речевому или же коммуникативному стандарту, т.е. является ли ее использование уместным.

2. Конфигурация модели

Предлагаемая нами модель существенно отличается от стратификационной и по своей конфигурации. Так, если последняя имеет вид иерархизованной вертикали, то коммуникативная модель, напротив, является **плоскостной, горизонтальной**, состоящей из двух **рядом положенных** подсистем (языковое обеспечение ареала высших коммуникативных функций и языковое обеспечение ареала непринужденного повседневного общения).

Ниже мы приведем для сравнения (рис. 2) обе альтернативные модели членения этнического языка:

Конфигурация модели этнического языка

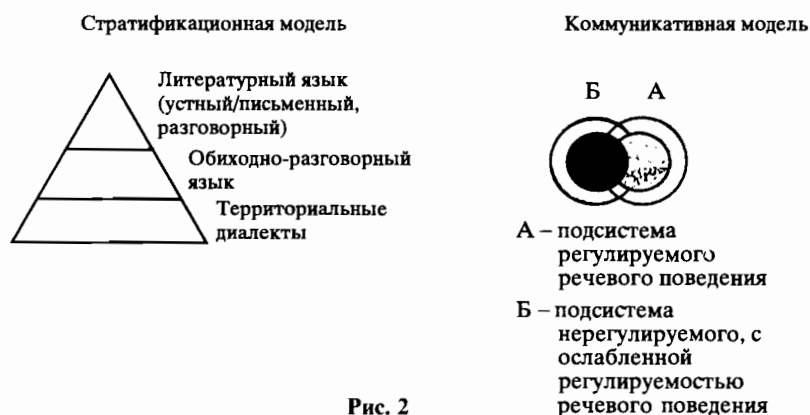

Рис. 2

Приводимые схемы, не отражая количественные соотношения, воспроизводят общую конфигурацию модели.

3. *Равнообязательность и коммуникативная взаимодополняемость подсистем этнического языка*

Обе подсистемы являются **равнообязательными**, поскольку взятые в совокупности они обеспечивают весь комплекс коммуникативных потребностей социума.

Не оспаривая историко-культурной значимости языкового обеспечения ареала высших коммуникативных функций, следует, однако, иметь в виду, что использование автохтонного языка в ареале непринужденного повседневного общения для выживания этноса, его экологии, в сущности, гораздо важнее. Это подтверждает судьба так называемых “мертвых” языков, утративших связь с конкретной этнической общностью, т.е. не использующихся в ареале непринужденного повседневного общения.

Не случайно столь большую тревогу вызывают проявления так называемого “языкового нигилизма”, когда представители того или иного этноса отказываются или же оказываются неспособными использовать родной язык в указанной ситуации. Так, по данным переписи населения 1989 г., 50% карел, 30% башкиров, коми, мордвы, удмуртов, 20–25% татар, марийцев, чувашей, проживавших в РФ, не считали родным язык своей национальности. За период с 1970 по 1989 г. число бурятов, коми, марийцев, татар, удмуртов, чувашей, якутов, не владеющих родными языками, увеличилось в два раза, мордвы и карел – в полтора раза (Михальченко 1994: 181).

Языковые идиомы обеих подсистем в функциональном отношении **взаимодополняют** друг друга, поэтому для полноценного удовлетворения коммуникативных потребностей индивидууму желательно владеть идиомами из **обеих** подсистем, т.е. он должен быть **диглоссным** (в трактовке понятия “диглоссия” мы следуем за Ч. Фергюсоном; ср.: Ferguson 1962).

Таким образом, диглоссия является **естественным** состоянием индивидуума, а отнюдь не результатом стечения каких-то исторических обстоятельств, как это иногда утверждается, например, в отношении чешской языковой ситуации.

Сказанное, разумеется, не исключает наличия индивидуумов моноглоссных – к их числу могут относиться, например, маленькие дети, престарелые люди, лица, живущие длительное время в условиях социальной или же культурной изоляции и пр. Проблематичной, однако, на наш взгляд, является литературная моноглоссия, поскольку, по нашему глубокому убеждению, лите-

ратурный язык не имеет необходимых предпосылок для обслуживания ситуации непринужденного повседневного общения.

Правомерность обособления двух функциональных блоков в составе этнического языка подтверждается не только отличием их коммуникативного использования, но и специфичностью языкового обеспечения.

Как видно из приводимой ниже таблицы, эти различия касаются принципиально важных характеристик как субстанциональных, так и функциональных (впоследствии дифференциальные признаки обеих языковых подсистем будут рассмотрены более подробно).

Таблица 1

	Языковая подсистема высших коммуникативных функций	Языковая подсистема непринужденного повседневного общения
Коммуникативные признаки		
Характер общения	Официальное, полуофициальное	Неофициальное, непринужденное повседневное
Набор коммуникативных функций	Высшие коммуникативные функции	Непринужденное повседневное общение
Характер адресата	Публичный, вплоть до общенационального (реже – интерперсональный)	Интерперсональный
Взаимодействие с адресатом	Прямое, опосредованное, сниженное взаимодействие	Прежде всего прямое, выраженное взаимодействие
Специфика речевого поведения	Регулируемое	С ослабленной регулируемостью, нерегулируемое
Текстовые признаки		
Способ реализации текста	Письменный, устный. Возрастание значимости устного	Прежде всего устный
Характер организации текста	Монологический	Диалогический
Отбор языковых средств	Селективный, спонтанный. Автоцензура, внешняя цензура	Спонтанный, отсутствие автоцензуры

Таблица (окончание)

	Языковая подсистема высших коммуникативных функций	Языковая подсистема не-принужденного повседневного общения
Характер нормы	Соблюдение нормы идиома	Смешение элементов нормы разных идиомов
Характер освоения нормы	Через языковое воспитание, обучение	Стихийный
Характер эволюции нормы	Направляемый кодификацией	Стихийный
Выбор идиома	Преимущественно императивный	Альтернативный
Инвентарь идиомов	Прежде всего гомогенный	Гетерогенный
Направленность центрации в подсистеме	К общезтническому идиому	К общезтническому идиому
Скорость центрации	Ускоренная	Замедленная
Текстовая манифестация	Спорадически смешанные тексты	Абсолютное преобладание смешанных текстов
Языковое обеспечение	<p>Главным образом литературный язык (письменная и устная разновидности)</p> <p>На периферии разговорные идиомы в зависимости от языковой компетенции индивидуума</p>	<p>Общезтнический субстандарт (в стадии образования) – надрегиональная форма</p> <p>Остаточно-региональные идиомы типа городских койне (разноуровневая интеграция)</p> <p>Обобщенно-региональные идиомы (интердиалекты)</p> <p>Территориальные диалекты</p> <p>Идиомы социально и генерационно маркированные</p>

4. Изоморфность строения подсистем этнического языка

Выделяемые в составе этнического языка подсистемы имеют **изоморфное** строение. Они основываются на тождественном организационном принципе, в соответствии с которым языковые идиомы, входящие в состав каждой подсистемы, дифференцируются на **центральные** и **периферийные**.

Оперирование понятиями “центр” и “периферия”, как мы уже в этом неоднократно убеждались при анализе самого разнообразного языкового материала (в том числе и деривационного; ср.: Нещименко 1980; Нещименко, Гайдукова 1994), открывает большие и далеко еще не использованные возможности.

В **центре** каждой из подсистем находится ее функциональная доминанта, т.е. идиом, который по своим субстанциональным и социолингвистическим параметрам **оптимально** соответствует функциональному назначению данной подсистемы – служить языковым обеспечением вполне определенных ситуаций общения. По отношению к другим изофункциональным идиомам, входящим в состав данной языковой подсистемы, центральный идиом, как правило, находится в **сильной** позиции, т.е. является наиболее конкурентоустойчивым.

Вычленение функциональной доминанты является конкретным результатом языковой динамики, приводящей к постепенному **уплотнению** центрального ядра подсистемы.

Периферия представляет собой весьма обширную и многослойную зону подсистемы этнического языка, имеющую важное значение для ее функционирования и последующего развития. В этой связи мы хотели бы предостеречь от упрощенного толкования понятия “периферия” как чего-то малозначительного, неперспективного и т. п., поскольку именно на периферии обычно зарождаются импульсы, определяющие языковую динамику. Периферию правомерно рассматривать как своего рода “запасник”, компоненты которого в случае необходимости могут быть востребованы пользователем языка.

По сравнению с центральной частью периферия, как правило, имеет более множественную манифестацию. Здесь не действуют строгие нормативные регламентации, в силу чего открывается большой простор для языкового экспериментирования, для контактного взаимодействия различных речевых навыков.

Дифференциация идиомов на центральные и периферийные осуществляется постепенно, она является результатом противо-

борства центробежных и центростремительных тенденций. В ходе этого противоборства происходит постепенное оттеснение, “выталкивание” из центральной зоны социально или же регионально маркированных идиомов, которые блокируются на периферии вербальной коммуникации. Сказанное, разумеется, не исключает попыток обратного движения к центру, при котором периферийные идиомы, например сленги, арго, обнаруживают тенденцию занять более высоко ранжированное место в системе коммуникации; ср. такие характерные для современной коммуникации факты, как усиление влияния молодежного сленга, криминального жаргона на узус неофициального, а порой даже официального общения.

Важно подчеркнуть **однонаправленность** процесса центрирования в обеих подсистемах: это становление идиома **общезначимого** значения, имеющее большое значение для коммуникативной интеграции этноса.

Скорость протекания этого процесса как в истории языка, так и в разных языках не одинакова. Не одинакова она и в названных подсистемах этнического языка. Немалую роль здесь играет то, что по своей природе язык представляет собой многослойный феномен, развитие которого осуществляется с неодинаковой скоростью в различных звеньях и пластах его системы (подробнее о развитии процесса центрирования в обеих подсистемах см. ниже).

Наблюдение за этим процессом представляет большой интерес для исследователя, поскольку позволяет получить пластичный и вместе с тем динамичный образ функционирования языковой системы.

Существенно, однако, что оппозиция “центр–периферия” может быть применена лишь по отношению к изофункциональным языковым идиомам, т.е. к идиомам, выполняющим идентичную коммуникативную функцию. Проведение подобной дифференциации в рамках этнического языка в целом не представляется возможным, поскольку входящие в его состав идиомы отличаются друг от друга не только субстанционально, но и функционально, обслуживая разные коммуникативные ареалы.

Таким образом, правомерно говорить не об одной общеязыковой доминанте, представляющей собой вершину языковой иерархии в целом (как это характерно для стратификационной концепции), а о двух доминантах, двух центрах в системе этнического языка, манифестирующих оба функциональных блока, т.е. две его подсистемы.

Бицентрический характер коммуникативной модели этнического языка отражает приводимый выше рис. 2.

5. Континуальность системы этнического языка

Несмотря на автономность подсистем этнического языка, они не изолированы жестко друг от друга (пересечение окружностей на рис. 2 символизирует зоны их взаимодействия). Континуальность прослеживается как внутри обеих подсистем, так и в языковой системе в целом.

В первом случае речь идет об отсутствии жесткой демаркационной линии внутри подсистемы, т.е. между ее центром и периферией, обуславливающим возможность внутреннего движения в самой подсистеме; во втором – о проницаемости границ, отделяющих обе подсистемы друг от друга. Рассмотрим подробнее второй случай.

Взаимодействие между подсистемами этнического языка может проявляться:

а) на **уровне** идиомов – конкретным примером этого служит функциональная субституция идиомов языкового обеспечения ареала высших коммуникативных функций и непринужденного повседневного общения, обусловленная спецификой индивидуальной языковой компетенции (ср. использование разговорного идиома в ареале высших коммуникативных функций и, напротив, устного литературного языка при непринужденном повседневном общении).

Результаты контактного взаимодействия этих подсистем друг с другом, как правило, более отчетливо видны на их периферии, поскольку выраженная маркантность нормы идиомов-”пришельцев”, диссонирующая со сложившимся в данном ареале речевым этикетом, не способствует их дальнейшему продвижению внутри подсистемы. Так, например, использование такого репрезентативного идиома, как литературный язык, в ареале непринужденного повседневного общения может восприниматься собеседником негативно как проявление отчужденности, высокомерия, надменности и пр. Соответственно использование разговорного идиома в ареале высших коммуникативных функций может говорить о сниженной языковой компетенции субъекта;

б) на уровне **идиолекта**, т.е. при построении текста, что не менее, а, возможно, и более важно. Мы имеем в виду феномен так называемых “смешанных текстов”, являющихся одним из конкретных проявлений континуальности языковой системы. Так, включения из литературного языка в текст разговорной речи компенсируют имеющиеся в ней номинационные лакуны. Включения же из разговорной речи в литературную делают послед-

нюю менее педантичной и книжной, особенно в синтаксисе, морфологии, словообразовании, лексике и пр., т.е. именно на тех языковых уровнях, где особенно заметны различия между разговорными текстами и текстами ареала высших коммуникативных функций.

Разговорные включения в литературный текст обычно регулируются как внешней цензурой (редакторская правка, реакция слушателей, читателей и т. п.), так и автоцензурой, т.е. это процесс **регулируемый** или же, во всяком случае, таковым должен был бы быть. Зачастую эти включения являются актуализованными, т.е. выполняют дополнительную смысловую и стилистическую нагрузку, фиксируемую определенными речевыми сигналами (кавычки на письме, особое интонационное выделение в устной речи и пр.).

Трансплантируясь в живую ткань разговорной речи либо, напротив, в литературный в своей основе текст, иноидiomные включения не меняют коренным образом общий строй, принципы организации исходного текста, продолжающего оставаться либо литературным, либо разговорным.

Вопреки высказанным некогда предположениям о неминуемом вытеснении смешанных текстов (Věliš 1959: 434–440), практика современной коммуникации на славянских языках отчетливо показывает широкую распространенность этого феномена (ср.: Гофманова, Мюллерова 1994: 25).

Анализ имеющегося в нашем распоряжении большого языкового материала позволяет утверждать, что высокая частотность смешанных текстов является **универсальной** закономерностью современной вербальной коммуникации, особенно характерной для ситуации непринужденного повседневного общения. Вполне возможно, что со временем эти тексты станут основой для конституирования новых, гибридных, языковых идиомов.

Именно в подсистеме непринужденного повседневного общения очень непросто выявить тексты, построенные со строгим соблюдением целостной нормы какого-то одного идиома (в меньшей степени это касается территориальных диалектов). Причем, помимо собственнолитературных включений, здесь произвольно комбинируются элементы разных идиомов, входящих в состав данной подсистемы, т.е. налицо межидиомная интерференция внутри данного ареала. Все эти межидиомные включения свободно входят в речевой поток, не привлекая обычно к себе внимания ни говорящего, ни собеседника, что лишний раз подтверждает обоснованность сомнений в целесообразности оперирования

понятием “языковой идиом” в его традиционной трактовке как целостной языковой структуры.

В процессе взаимодействия обеих подсистем происходит не только их взаимное обогащение, но и сближение нормы. При этом степень сближенности обеих норм может варьироваться как в отдельных языках, так и на различных этапах существования одного и того же языка. Так, русские и польские ученые отмечают факт большой сближенности литературной и разговорной нормы в русском и польском языках, т.е. большую степень интеграции этнического языкового пространства. Что касается чешской языковой ситуации, то здесь дистантность разговорной и литературной нормы, напротив, весьма значительна, порождая порой определенную коммуникативную дискомфортность. По словам В. Матезиуса, новый литературный язык чешской нации, сформировавшийся к середине XIX в., в силу архаичности кодификации “роковым образом” отдалился от языка разговорного (Mathesius 1974: 442). Кстати говоря, наличие коммуникативной дискомфортности во многом является движущей пружиной эволюции чешской языковой ситуации.

* * *

Остановимся ниже на характеристике языкового обеспечения обеих подсистем этнического языка.

ПОДСИСТЕМА ЯЗЫКОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГУЛИРУЕМОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ (ВЫСШИЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ)

Характеризуя специфику языкового обеспечения этой подсистемы, следует акцентировать два важных момента:

- а) отсутствие (по сравнению с другой подсистемой) столь множественной репрезентации языковых идиомов;
- б) ускоренное протекание процесса центрирования, т.е. выделения соответствующей функциональной доминанты.

Каждый из выделенных моментов имеет свою реальную подоплеку. Так, одной из естественных причин ограничения численности языковых идиомов является то, что далеко не все они имеют реальные структурно-функциональные предпосылки для обеспечения столь сложных цивилизационных функций. Соответственно и культурные институты этнической общности в меру своих возможностей, в том числе посредством целенаправлен-

но проводимой языковой политики и языкового воспитания, стараются противодействовать потенциально возможному вторжению в эту сферу иных, кроме литературного, языковых идиомов, проявляют живую заинтересованность в утверждении общенационального культурного идиома, справедливо считая это делом национального престижа.

При благоприятном цивилизационном развитии этноса потребность в специальном языковом идиоме, позволяющем адекватно фиксировать изменения в материальной и духовной жизни как данного этноса, так и человечества вообще, осознается достаточно рано. Соответственно осознается и то, что эту функцию может оптимально выполнять лишь языковой феномен, подвергшийся целенаправленному культивированию, имеющий высокую степень обработанности (кодификации).

Можно дискутировать по поводу того, как следует обозначить подобный идиом. Поскольку предметом социолингвистического изучения служат этнические языки с различной степенью длительности письменной традиции (в том числе и с отсутствием ее), удобнее, наверное, было бы использовать обобщенное понятие “культивированный идиом” (или же “культурный идиом”). Правомерность применения понятия “стандартный язык”, получившего широкое распространение в современной социолингвистической литературе (особенно англоязычной), представляется нам спорной. Смена традиции терминопотребления должна быть, на наш взгляд, четко мотивированной, и уж во всяком случае она не должна носить характер простого терминологического перекодирования. Оба термина, т.е. “литературный язык” (“книжовен език” для болгарского языка, “*spisovný jazyk*” – для чешского) и “стандартный язык”, в настоящее время достаточно условны, поэтому замена их один на другой вряд ли прояснит суть дела. Не является препятствием и этимология, “внутренняя форма” обозначений *литературный язык* | *книжовен език* | *spisovný jazyk*, поскольку их изначальная соотношенность с письменным языком в настоящее время практически не ощущается, они являются лексикализованными. Термин *стандартный язык*, напротив, имеет очевидные коннотации, содержит в себе оценочный, регламентирующий момент, противоречащий доминирующим в современном узусе тенденциям (ср., например, широкое включение смешанных текстов, выходящих за рамки определенного стандарта).

Степень обработанности культурного идиома у разных этносов, а также на разных этапах исторического развития одного и того же этноса может существенно различаться. Наиболее богатую

письменную традицию, наиболее обширный корпус текстов имеет литературный язык, с течением времени все более активно вторгающийся в сферу общезнаковой письменной и устной коммуникации.

В том случае, если у того или иного социума собственный культурный языковой идиом отсутствует или же не имеет необходимой функциональной мощи, или же, наконец, его применение по каким-либо политическим причинам блокируется (ср., к примеру, ситуацию словацкого и чешского языков в Австро-Венгрии), проблема может решаться путем или диглоссии, или же дву-, полиязычия.

В ситуации диглоссии миссию культурного идиома выполняет некоторый бесписьменный идиом **того же самого** этнического языка. Так, в бесписьменных языках, а также в языках младописьменных на начальной стадии становления письменности подобную функцию может выполнять автохтонный культурный идиом в виде **устного культурного языка**, еще не имеющего сложившейся письменной традиции. Наконец, это может быть диалект или же интердиалект, которые в ходе их использования в изначально не свойственной им функции (обеспечение высших коммуникативных функций) постепенно подвергаются вполне естественной селекции и культивированию. Так, для ряда бесписьменных этносов РФ существующее законодательство допускает использование в сфере образования в качестве “языка обучения” местных диалектов. Аналогичная ситуация наблюдается, в частности, у этносов “островного” проживания (ср., например, немецкий, болгарский и т.п. этносы на территории бывшего СССР или же РФ), которые зачастую очень слабо владеют (если владеют вообще) соответствующими литературными языками метрополии.

В сложившейся ситуации, очевидно, можно было бы говорить о культурных идиомах, являющихся функциональными предшественниками литературного языка. Последнее уточнение, на наш взгляд, имеет особую значимость при характеристике языковой ситуации периода языкового строительства, национальной суверенизации (ср. языковую ситуацию периода раннего СССР либо нынешней РФ).

По нашему мнению, статус “литературного языка”, как бы это ни казалось соблазнительным, может быть присвоен далеко не всякому языковому феномену, подвергнутому определенному культивированию (обработке), тем более получившему лишь недавно письменную фиксацию. Думается, что в подобных случаях все же есть резон в разграничении таких понятий, как “устный

культурный язык”, “письменный культурный язык”, “литературный язык”.

Можно, конечно, возразить, что в период бурных социально-экономических преобразований, активных интеграционных процессов “вызревание” новых литературных языков осуществляется быстрее, чем ранее. С этим трудно спорить, и тем не менее вряд ли следует игнорировать то, что многие из относительно недавно возникших “младописьменных” языков до сих пор продолжают оставаться в основном средством внутрисемейного или же повседневного общения, не имеют разработанной нормы, единой орфографии, сколько-нибудь развернутого функционального спектра (используются лишь отчасти в художественной литературе и в какой-то мере в СМИ). Эти культивированные (или же “окультуренные” идиомы) в сущности еще мало отличаются от опорного диалекта, положенного в их основу. Очевидно, усилия языковедов в подобных случаях разумнее было бы направлять не на форсированное и не всегда рациональное наращивание функционального спектра новых культурных идиомов (тем более, если учесть вполне реальную опасность культурной автаркии и даже изоляции этноса), сколько на описание и совершенствование их нормы (в том числе орфоэпической и орфографической), продуманное и квалифицированное создание терминосистем с учетом внутренних закономерностей языкового развития, выработку письменности для бесписьменных народов и т.д.

Особый интерес представляет ситуация полиязычия, при которой ареал высших коммуникативных функций обеспечивается языком другого этноса, имеющего более развитые культурные традиции. Так, у чешского этноса на протяжении длительного времени языковое обеспечение высших коммуникативных функций было полиязычным: в определенные периоды здесь доминировали старославянский язык (до конца XI в.), затем латынь, немецкий и уже впоследствии чешский язык. Ср. также использование старославянского или греческого языков в странах *Slavia Orthodoxa*, латыни в странах *Slavia Romana*. Культурную функцию выполнял чешский литературный язык у поляков и словаков; немецкий – у чехов, лужичан; французский – у русских; русский язык – у многих народов, населяющих РФ, и т.п. Полиязычным было и языковое обеспечение культурных функций у болгар (см.: Виденов 1982) и т.д.

Сосуществование в рамках одного и того же коммуникативного ареала языков с разной степенью длительности культурной традиции создает, разумеется, экстремальные условия для разви-

тия автохтонного языка, увеличивая опасность его ассимиляции. Нередко это может даже приводить к острой конкуренции, как это было, например, вплоть до 1918 г. в сфере образования между немецким и чешским или же словацким и венгерским языками. Стремясь облегчить положение родного языка, этногосударственные культурные институты обычно пытаются в этом случае по мере возможности проводить политику своего рода языкового протекционизма.

Вместе с тем нельзя не учитывать и того, что воздействие иноязыковых “катализаторов” нередко стимулирует функциональное выравнивание более слабого языкового партнера, способствует ускоренному формированию его “культурного” слоя.

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОДСИСТЕМЫ РЕГУЛИРУЕМОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Данная языковая подсистема имеет четко выраженную **структурную** организацию, характеризующуюся рельефным обособлением ее центра и периферии. Как уже говорилось, ускоренному протеканию процесса центрирования немало способствует и направленность проводимой в социуме языковой политики.

Центр подсистемы чаще всего манифестируется литературным языком, являющимся единственным языковым идиомом, оптимально пригодным для выполнения этой функции, поскольку он обладает высокой степенью обработанности, устойчивой нормой, богатым, стилистически дифференцированным словарным составом, развитым синтаксисом и пр.; ср. по этому поводу высказывание Б. Гавранека: “Норма литературного языка отличается от языковой нормы вообще... не качеством, а количеством... существенно большей функциональной стилистической дифференциацией... более высоким осознанием нормы и более значительной ее обязательностью, связанной с настоящим требованием стабильности” (Navránek 1976: 144).

Это обстоятельство усиливает позицию литературного языка в потенциально возможной конкуренции с другими идиомами, вторгающимися в данный коммуникативный ареал, делает его бесспорной **функциональной доминантой** языковой подсистемы.

К **периферии** подсистемы смещаются региональные варианты литературного языка (если таковые имеются), а также функ-

циональные субституты из разговорной подсистемы, используемые при официальном публичном и полуофициальном непубличном общении лицами со сниженной языковой компетенцией, т.е. активно не владеющими нормой литературного языка (либо не владеющими им вообще). Так, если индивидуум является не только носителем, но и активным пользователем регионального диалекта (или же просторечия), то в официальной обстановке (при разговоре с посторонними, при посещении различного рода учреждений и т.п.) он вряд ли сможет корректно пользоваться литературным языком, так как обычно не владеет в достаточной степени его нормой.

А. Литературный язык как центральная манифестация подсистемы

Утверждение в качестве функциональной доминанты общенационального литературного языка (в его письменной и устной разновидностях) является важнейшей задачей языковой политики. Предпочтительное использование литературного языка в данном ареале санкционируется регламентирующими установками языковой культуры, находится под охраной не только кодификации, но и соответствующих культурных институтов. Мало того, оно поддерживается и экспектацией индивидуума, его устойчивым и традиционным представлением о речевом этикете. Примечательно, как современная чешская молодежь определяет сферу использования литературного языка (анкетирование было проведено среди учащихся второго курса профессионального училища по специальностям “повар / официант”): “Это язык, которым пользуются, главным образом, люди наверху, например в суде, в правительстве, президент и т.д.”. Или же дальше: “Мы пользуемся литературным языком на занятиях стилистикой, литературой, поэзией. Очень редко – в обычном разговоре. Чаще всего он употребляется поэтами, писателями, учителями, в средствах массовой информации. Это приличный язык ... Я же редко пользуюсь литературным языком, разве что на занятиях чешским языком, т.е. в школе. Иногда в обычном разговоре. Но чаще всего я пишу на нем письма и всякие бумаги. В школе я им пользуюсь потому, что это от нас требуют, а на письме потому, что так подобает выразить то, что я хочу” (Grabcová 1996: 222–221).

В том, что из всех идиомов этнического языка именно литературный язык оказывается максимально пригодным для функционирования в ареале публичного и официального общения, ре-

шающую роль играет не только **оптимальное** соответствие его нормы и нормы данного коммуникативного ареала, но и то, что в современной языковой ситуации именно литературный язык имеет максимальную зону охвата социума. Он является **единственной общеэтнической** формой существования языка.

“Гибкая стабильность” (термин Пражского лингвистического кружка) нормы литературного языка обуславливает возможность его использования не только для фиксации, но и для хранения и дистрибуции (как синхронной, так и диахронной, т.е. между поколениями) духовных ценностей.

Литературный язык с самого начала формировался как язык **письменности**. Неслучайно поэтому его возникновение датируется появлением корпуса связанных текстов: религиозных сочинений, хроник, художественной, а впоследствии и административно-правовой литературы, научной прозы и пр. Примечательно, что на ранних этапах жизни ряда этносов (чешского, словацкого и некоторых других), еще до возникновения письменной традиции, в ареале высших коммуникативных функций использовался этнический **устный культурный язык**, применявшийся в качестве вспомогательного языка в костеле, в административно-правовой, хозяйственной сфере. Функционирование устного культурного идиома в качестве предшественника литературного языка подготовило почву для интенсивного развития последнего.

Важно подчеркнуть, что для ранних этапов цивилизационного развития социума оппозиция “письменность–устность” может использоваться при моделировании строения этнического языка в целом, поскольку в этот период дифференциация языкового обеспечения обоих ареалов действительно вмещается в рамки названной антиномии: ареал высших коммуникативных функций практически полностью представляет собой зону **письменной** вербальной коммуникации; ареал непринужденного повседневного общения – коммуникации **устной**. В рамках этнического языка письменная коммуникация, разумеется, связывалась прежде всего с литературным идиомом, поэтому первоначально он противопоставлялся всем остальным, “неписьменным”, идиомам, т.е. идиомам, используемым в сфере **устного** (в данном случае – **разговорного**) общения.

Что касается более поздних периодов в жизни этноса, то использование оппозиции “письменность–устность” для макромоделирования строения этнического языка уже утрачивает свою эффективность, поскольку закрепление устных и письменных форм существования языка за разными коммуникативными аре-

алами уже не столь очевидно, как ранее. Важную роль в этом сыграло становление устного литературного языка, происходившее у большинства славянских народов во второй половине XIX в. С формированием устной разновидности литературного языка (на этом мы подробнее остановимся ниже) происходит дуалистическое разделение литературного языка, бывшего до сих пор единым (письменным) феноменом, на две разновидности: **письменную и устную**.

В результате формирования этого идиома антиномия “письменность–устность”, проявлявшаяся ранее в масштабах этнического языка в целом (противопоставление языкового обеспечения двух ареалов), если и не утратила свою **общезыковую** значимость, то стала актуальной и для литературного языка (дихотомия “письменный–устный литературный язык”). Эта актуальность особенно возросла после обретения устным литературным языком статуса **общезтнического** языкового средства.

Сразу же оговоримся, что такие жанры интерперсональной коммуникации, как частная переписка, письменные распоряжения, просьбы и т.п., с нашей точки зрения, занимают **промежуточное** положение между обоими ареалами, свидетельствуя о континуальности языковой системы, плавном переходе от одной подсистемы к другой. Судя по тематике, стилю общения и пр., эти речевые жанры хотя и относятся к коммуникации повседневной, однако отбор языковых средств в манифестирующих их текстах осуществляется при участии автоцензуры, т.е. не является спонтанным, непринужденным, нерегулируемым.

Таким образом, применительно к современному состоянию этнической вербальной коммуникации оппозиция “письменность–устность” распространяется и на литературный язык, который, набирая свою функциональную мощь, становится **единственным** языковым идиомом, совершающим в истории этноса движение по оси “письменность–устность”.

Что касается **нормы** литературного языка, то до недавнего времени она устанавливалась, главным образом, на основе анализа языка произведений художественной литературы (см. труд В.В. Виноградова “Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.” – Виноградов 1938). Эта же проблема детально анализируется в статье чешского ученого В. Эртла, где автор, полностью разделяя мнение о том, что критерием языковой правильности является литературное творчество того или иного писателя, вносит тем не менее два важных уточнения:

а) такого автора следует искать не среди писателей прошлого, а среди тех писателей, которые говорят на том же самом языке, что и мы, или же правильнее, чем мы, “ибо мы совершенствуем свое знание литературного языка, читая их произведения” (Ertl 1929: 50);

б) понятие “хорошего автора” является собирательным: “абсолютно хороший автор есть просто фикция, абстрактное представление, не реализуемое в действительности. Это совокупность знаков, вычлененных путем наблюдения и сравнения реально существующих писателей, произведения которых оказывают большое и решающее влияние на формирование языка своего времени. В принципе это ни Немцова, ни Неруда, ни Чех и ни Ирасек и т.д., а и Немцова, и Неруда, и Чех, и Ирасек и т.д., вместе взятые и каждый по отдельности” (Там же: 52).

По мере расширения функционального спектра литературных языков и, в частности, становления и укрепления таких функциональных стилей, как научный, публицистический, административно-деловой, возрастает нормотворческая роль научно-популярных и публицистических текстов (см. по этому поводу высказывания А. Едлички – Jedlička 1974). О значимости нормотворческой роли языка СМИ пишет, в частности, Зд. Главса, полагающий, помимо прочего, что последний является “автономной языковой формой” (Hlavsa 1988: 64).

Примечательно, что словацкий ученый Я. Горецкий, учитывая своеобразие языка произведений художественной литературы, вообще предложил вывести его за рамки стратификации национального языка, резонно полагая, что язык художественной литературы представляет собой специфический языковой стиль, соединяющий элементы всех языковых форм (Horecký 1981: 119).

Ниже будут кратко охарактеризованы обе манифестации литературного языка: письменная и устная.

1. Письменный литературный язык

Феномен письменного литературного языка в лингвистической литературе изучен достаточно исчерпывающе, поэтому мы затронем лишь аспект использования так называемых **смешанных текстов**, т.е. текстов, в которых в литературную (в данном случае) первооснову включаются элементы сленга, жаргона, просторечия и пр.

В силу того, что письменные литературные тексты в большей степени, чем устные литературные, находятся под контро-

лем редакторов, литературная норма в них соблюдается более строго. Соответственно и смешанные тексты в них встречаются в целом гораздо реже.

Частотность смешанных текстов, вполне естественно, выше всего в текстах репортажей, интервью и пр., т.е. там, где их использование по большей части является **функционально** обусловленным: передавая речевые особенности своих героев, автор делает повествование более достоверным, экспрессивно насыщенным. Впрочем, ныне включения из сленга, жаргона, просторечия и пр. все чаще начинают встречаться и в речи **авторской**, где их появление уже не имеет столь явной смысловой и стилистической мотивированности. Анализ смешанных текстов имеет большое значение не только для характеристики состояния современной речевой культуры, но и для систематизации манифестаций этнического языка. Появлению иноидиомных включений в письменных литературных текстах нередко сопутствуют соответствующие графические сигналы, например кавычки, выделяющие их в общем текстовом потоке. Впрочем, по мере освоения наиболее часто встречающихся включений надобность в подобных маркерах обычно отпадает.

Приведем несколько примеров из письменной публицистики: *Мой предшественник ушел в торг. Едва я сел на его место, как продавцы тут же мне “на лапу” несут. От взяток я сразу же резко отказался... На третий день моего руководства вычислил я одну внушающую доверие: коммунист, товаровед по образованию, мать двоих малолетних детей, организатор, ударник и прочее. Наметили план действий по перестройке. Тут недотача, там скандалище. План ни хрена не тянем, пьянство страшенное (Комсомольская правда 1988, очерк, речь персонажа); Сегодня бабка в очереди сказала: Вот повезло, под референ (структурное усечение исходного литературного слова *референдум*. – Г.Н.) мясо выкинули (газета “Демократическая Россия” 1991, речь персонажа); Я обратился за разъяснением к одному из лидеров демократического крыла, которого я до сих пор знал как тонкого тактика, искушенного аналитика. “Постановление? Да я, знаете ли, как-то не врубился” (Независимая газета 1991, речь персонажа); А чтобы “прищучить” инициатора мероприятия, накатал “телегу” (пардон – письмо) (Московский комсомолец 1991, речь автора); Визг украинских баб, телом ложащихся на хозяйственные сумки с “налом” (газета “Завтра” 1994, речь автора); В государственном ломбарде часто не хватает налички. А в частных нал есть всегда (журнал “Столица”*

1994, речь автора). В обоих случаях представлены жаргонные соответствия для литературного эквивалента “наличные деньги” – *наличка, нал*; встречается и *налик* (Там же).

Можно привести и другие примеры из авторской речи: *это крупняк* (большая удача. – Г.Н.) (Столица 1994); ср. также использование криминального жаргонизма “наезд”: *После многочисленных “наездов” сверху на НТВ* (Известия 1995, речь автора) или: *этот нелепый по сути своей наезд* (воспроизводится уже без кавычек. – Г.Н.) на программу “Куклы” (Там же, интервью). Число подобных примеров может быть умножено.

Нередко включение жаргонизма становится своего рода данью моде; ср.: *Песня была написана в 1959 г., и в ней нет общественно-политических мотивов, корежащих нашу экзистенцию, точнее “экзистуху”* (Столица 1995, речь интервьюируемого – писателя Ю. Олешковского, где в корректный с точки зрения литературной нормы текст, наряду со стилистически нейтральным “экзистенция”, вставляется его жаргонный аналог “экзистуха”). Приведем другие образования по этой модели: *порнография – порнуха; псевдостиль – псевдуха; чернуха* – (ср. к нему описательный литературный эквивалент – *изображение “черных” сторон жизни*. Данная деривационная цепочка получила дальнейшее развертывание в виде образования производного прилагательного *чернушный*. Ср. также образованный по данной схеме неологизм: *чернуха становится светлухой*. (Эхо 1999, журналист о состоянии кино); *прессконференция – прессуха* (журналистский сленг); *комплектующие – комплектуха* (профессиональный сленг); *сексуальное развлечение – сексуха; развлечение – развлекуха; депрессия – депрессуха; везение – везуха; подставить ‘обмануть’ – подставуха; заказать – заказуха ‘сделать что-то на заказ’*. Ср. в контексте: *школа была банальной типовухой с запущенной материальной базой*. (Новая газета 24/1999, очерк, речь автора и др.).

Широко используются и словообразовательные приемы, приводящие к транспонированию исконно литературной лексики в разговорную; ср. смена способа словообразования (*нейтральная полоса – нейтралка; первичная организация – первичка; районная газета – районка*); смена форманта (*проявление (фотопленок) – проявка; руление – рулежка, контрактер – контрактчик, контактировать – контачить* и др.), освоение заимствования (*мафиози – мафиозник*) и пр.

Судя по почте, поступающей в редакции газет и журналов, использование смешанных текстов нередко вызывает негативную

реакцию, особенно тех читателей, которые привыкли воспринимать язык СМИ как эталонную речь.

Впрочем, графическая репродукция текста все же несколько затушевывает изъяны в языковой компетенции автора. Это происходит благодаря усилиям редакторов, возможности дополнительной шлифовки текста. Мало того, в письменном тексте остаются скрытыми от глаз распространенные ошибки в склонении сложных числительных (они могут быть заменены цифрами), погрешности в интонации, произношении и пр. Гораздо более уязвим в этом отношении устный текст.

Возрастание частотности смешанных текстов, хотим мы того или нет, несомненно, свидетельствует о снижении авторитарности кодификации, которая уже не может служить надежным заслоном от влияния разговорной стихии.

2. Устный литературный язык

Феномен устного литературного языка в лингвистической литературе интерпретируется неоднозначно, поэтому он заслуживает специального рассмотрения.

Становление устного литературного языка является дальнейшим этапом в эволюционном развитии этноса, свидетельствующим о его цивилизационной зрелости, росте этнического самосознания и консолидации, повышении языковой компетенции его членов. Доказательством этого служат, в частности, предпосылки, необходимые для формирования устного литературного языка:

– **внутриязыковые** предпосылки:

а) стабильность нормы письменного литературного языка;

б) полифункциональность письменного литературного языка, развернутость его функционального спектра, в частности, за счет терминологических номенклатур; его подготовленность для полноценного обеспечения высших коммуникативных функций;

– **социокоммуникативные** предпосылки:

а) наличие достаточно широкого круга **пользователей** языка как **активных**, обладающих высоким уровнем языковой компетенции (т. е. способных **порождать** корректный с точки зрения нормы литературного языка текст), так и **пассивных** (т.е. способных адекватно **воспринимать** литературный текст);

б) наличие социальной потребности в устном литературном языке как средстве, обслуживающем официальное публичное общение, что на практике означает наличие этноязычной интеллигенции, а также интеллектуальной среды общения (система

образования с использованием этнического языка как языка обучения, а не только как предмета изучения; устные СМИ; просветительские общества, кружки по интересам, общественно-политические организации, акции и пр.). Иными словами, это говорит о возрастании культурно-просветительской и общественной ангажированности социума.

Вполне естественно, что “вызревание” этих предпосылок у разных этносов не происходит одновременно.

Для уяснения сущности феномена устного литературного языка важно учесть некоторые особенности природы литературного языка вообще. Это прежде всего его **двойственность**. Независимо от того, базируется ли литературный язык на народной основе, как это чаще всего бывает (обычно это городское койне ведущего культурного центра), или же на некотором литературном языке-предшественнике (как, например, новый литературный чешский язык эпохи Возрождения), он тем не менее представляет собой **искусственное** образование, целенаправленная селекция которого усиливает его противопоставленность разговорным идиомам, увеличивает его отчуждение от разговорной стихии.

Оторвавшись от своей исходной основы и став элитарным идиомом, обеспечивающим высшие коммуникативные функции, литературный язык хотя и обособляется в структурно-функциональном отношении от всех остальных форм существования этнического языка, тем не менее полный обрыв генетических корней все же не происходит. Противоборство литературной нормы и множества норм разговорной речи отчетливо прослеживается, к примеру, в эволюции правил языковой эстетики.

Отмеченная двойственность природы литературного языка в еще большей степени проявляется в устном литературном языке, который, с одной стороны, будучи литературным идиомом, как бы отграничен от нелитературных идиомов; с другой, как идиом **устный**, он поставлен в условия постоянного соприкосновения с остальными устными феноменами со всеми вытекающими из этого последствиями. И, действительно, в сфере устной коммуникации, являющейся в своем роде зоной пересечения обоих коммуникативных ареалов, используется широкий спектр форм существования языка, нередко конкурирующих друг с другом.

Будучи кодифицированным идиомом, устный литературный язык имеет свою достаточно четко очерченную нишу в коммуникативном пространстве – ареал регулируемого речевого поведения, включающий публичную официальную коммуникацию

(СМИ, выступления на собраниях, митингах и пр., лекции и уроки в учебных заведениях и т.д.). Сюда же относится и межличностное общение при отсутствии доверительных, неофициальных отношений между участниками коммуникативного акта (общение в официальной инстанции, разговор с вышестоящим лицом, прием посетителей в учреждении и т.д.); ср.: *Придя (в полицию) сделать заявление, она вела себя, как благовоспитанная девица из пансиона. Говорила на литературном языке* (Halb sobota 1981; перевод с чешского наш. – Г.Н.).

Кстати, мы не можем согласиться с О.С. Парфеновой (Парфенова 1995), относящей общение с посетителями в учреждении, наряду с общением с коллегами, к нерегламентированному речевому поведению. Соответственно к регламентированному речевому поведению ею относится лишь “общение на производственных совещаниях”. Приводимый в кандидатской диссертации статистический материал доказывает, впрочем, обратное: все имеющиеся таблицы наглядно подтверждают более активное подключение русского языка (по сравнению с болгарским) при общении с посетителями, чем в общении с коллегами. Этому не приходится удивляться, так как в условиях “островного” проживания болгар (в основной своей массе они являются билингвами) речь идет не столько о противопоставлении русского и болгарского этнических языков, сколько об оппозиции “русский язык (в том числе и литературный) – территориальный диалект болгарского языка”. Местный диалект, как мы могли лично убедиться во время диалектологической экспедиции в данном регионе, менее приспособлен для официального и даже полуофициального общения. В свете сказанного нам представляется спорным утверждение, что “среди служащих и рабочих использование болгарского и русского языков не зависит от ролевых отношений между коммуникантами (коллега – коллега или служащий – посетитель)” (Там же: 52).

По нашим личным наблюдениям, устный литературный язык нередко используется при общении малоознакомых людей в качестве **маркера** престижности их социального статуса, образованности. При этом по мере устранения психологического барьера обычно происходит ролевое переключение, в результате которого собеседники переходят на разговорный идиом. Примечательно, что так называемые “контактные, этикетные слова”, “наводящие мосты” при общении, в том числе и не знакомых друг с другом людей, в чешском языке практически всегда используются в литературной огласовке; ср.: *dobrý den; dobré jitro*, т. е. без перехода $y > ej$; $e > í$.

Небезынтересна оценка сферы использования устного литературного языка учащимися чешского профессионально-технического училища: “На литературном языке, наверное, нужно говорить в особых случаях, при встрече с людьми, с которыми мы знакомимся. Я, например, с людьми, с которыми не знакома, стараюсь говорить на литературном языке. Впрочем, как когда. По-моему, в обычной жизни люди не очень-то говорят литературно. Разве что с начальниками и т.д.” (см.: Vrabsova 1996: 220).

Устный литературный язык является маркером социальной престижности и в определенных слоях современного общества. Так, по мнению чешских лингвистов, к ним принадлежат новое чиновничество, банкиры, некоторые предприниматели и т.п., т.е. те слои (так называемые “белые воротнички”), для которых “изысканное” общение является знаковым, свидетельствует об их деловой солидности и надежности. Впрочем, на наш взгляд, здесь не следует торопиться с обобщениями.

В функции устного литературного языка в свое время использовался и так называемый “салонный” язык, применявшийся элитарной частью общества в светском изысканном, т.е. **регулируемом полуофициальном общении** (подобные салоны были весьма многочисленны в Европе во второй половине XIX в.).

Активные, правда, безуспешные, попытки внедрить чешский литературный язык в сферу светской конверсации предпринимал в свое время писатель Я. Неруда, с горечью осознававший отсутствие в чешском обществе 60-х годов XIX в. социальных слоев, умеющих вести изысканную беседу на культивированном устном чешском языке. Ср. в этой связи наблюдения В. Матезиуса, а также А. Стиха (Mathesius 1982; Stich 1974).

Как отмечает А. Стих (Stich 1991: 25), женам видных чешских политиков и общественных деятелей приходилось брать уроки чешского литературного языка, заучивая образчики светской конверсации наизусть, как театральную роль. К этому он добавляет, что Я. Неруда хотел оградить культивированный, т.е. литературный, чешский язык не только от немецкого языка, но и от языка Праги (obecná čeština).

В своей новелле “За кофе” чешская писательница Б. Немцова следующим образом пародирует светскую конверсацию того времени, представляющую собой мешанину из чешского и немецкого языков: “*Gebildet – pěkně gebildet, já přece vím, co je bildunk, mám Weltkenntnis – ale jak ona se chová, to jsem neviděla, to není pěkný aufführunk. – Já bych se byla lieber kdovíkde viděla než u ní neulich*”; “*Jsem neugierig – prosím jich, jak se unterhaltovali u*

Skalických”; “*Jiná paní by se entschuldigovala – že se stal irrunk – ale ona mi ještě řekla do ksichtu – moji visitu že snadno entberuje*” (Němcová В. V zámku a v podzámčí. Praha, 1954: 170–171). Как заверяет один из положительных героев новеллы, “когда-нибудь еще настанет время и чешский язык войдет в моду” (Там же: 172).

Оценивая **статус** устного литературного языка, исследователи обычно отмечают, что это одна из двух разновидностей литературного языка, т.е. он как бы приравнивается к письменной манифестации. Это единодушие, однако, является кажущимся. Обращает на себя внимание нечеткость терминологического обозначения данного феномена в различных национальных социолингвистических школах, приводящая к смешению понятий “устный” и “разговорный” (литературный) язык. Мало того, очень широкое распространение получила точка зрения, интерпретирующая устный литературный язык всего лишь как **озвученную** форму письменного литературного языка, что, вполне естественно, снижает его статус. Приведем высказывание словенского ученого Й. Топоришича: “Словенский литературный язык имеет две формы, так называемую стандартную (*zborni jezik*) и разговорную (*rogovorni jezik*). Стандартная форма реализуется прежде всего в письменной речи и при устном **воспроизведении** (выделено нами. – Г.Н.) письменной речи, реже в устной речи. Разговорная же форма используется в первую очередь при устном общении и лишь иногда в письменной речи” (Топоришич 1983: 230).

Утверждению подобного мнения немало способствовало и то, что на протяжении длительного времени устные публичные официальные выступления в основном **зачитывались** “по бумаге”, с педантичным сохранением верности письменному оригиналу (в крайнем случае письменный текст заучивался наизусть, насколько это, разумеется, было возможно). Вполне естественно, что при подобной интерпретации феномен устного литературного языка утрачивал привлекательность как самостоятельный объект исследования.

Иная оценка устного литературного языка содержится в работах Д. Брозовича. Так, по его мнению, последний представляет собой самостоятельный стилевой комплекс языкового стандарта (т. е. литературного языка), а отнюдь не механическую озвученную репродукцию письменной разновидности (чтение вслух) (Brozović 1973: 59).

Согласно концепции, получившей распространение в современной русистике (Земская и кол. 1973; Земская, Китайгородская, Ширяев 1981), феномен, называемый устным литератур-

ным языком, входит в состав **кодифицированного** литературного языка (КЛЯ), будучи противопоставленным **некодифицированному** литературному идиому (РР), т. е. разговорному литературному языку (подробнее см. ниже). Таким образом, в соответствии с данной позицией литературный язык имеет три манифестации: КЛЯ письменный, КЛЯ устный, РР. Данная точка зрения в русистике является преобладающей.

В работах О.А. Лаптевой устная литературная речь также дифференцируется на кодифицированную и некодифицированную. К **кодифицированной** отнесена устная литературная речь, воспроизводящая соответствующий письменный текст, т.е. озвучивающая его; к **некодифицированной** – спонтанная устная литературная речь (научная, публицистическая, а также на радио и телевидении), и устно-литературная (разговорная) речь (ср., например, Лаптева 1994: 160).

Таким образом, и Е.А. Земская, и О.А. Лаптева единодушно вводят оппозицию “кодифицированность–некодифицированность” **внутри** литературного языка, однако объем понятия некодифицированной литературной речи у них различается: О.А. Лаптева трактует ее более широко; Е.А. Земская – более узко, включая в нее лишь разговорный литературный язык.

Что касается нашей позиции, то мы полагаем, что оппозицию “кодифицированность–некодифицированность” целесообразно использовать по отношению к этническому языку в целом, противопоставляя по этому признаку языковое обеспечение двух коммуникативных ареалов. Для введения ее **внутри** литературного языка достаточных оснований, на наш взгляд, не имеется, так как **любой** литературный текст является кодифицированным, независимо от того, идет ли речь о более или менее строгой кодификации. Сказанное, разумеется, не исключает возможности использования в литературном тексте **актуализованных** включений из других идиомов.

Для того, чтобы оперировать понятием “разговорный **литературный язык**” (в значении: литературный некодифицированный феномен), необходимо установить “порог” литературности, т.е. определить ту критическую массу, выход за пределы которой делает текст нелитературным. Это было бы особенно важным при анализе разговорных текстов, относимых а priori к разговорным **литературным**. К сожалению, ответ на этот вопрос до сих пор не найден.

В числе причин, по которым феномен устного литературного языка длительное время оставался на периферии исследователь-

ского интереса, можно назвать и то, что на протяжении последних десятилетий внимание ученых в основном было приковано к **разговорному** литературному языку, соответственно устный литературный язык несколько отодвигался в тень. Не случайно его структурно-функциональная специфика до сих пор, на наш взгляд, исследована недостаточно. Изучение устного литературного языка, разумеется, сопряжено с немалыми трудностями. Так, практически невозможным является диахронический анализ нормы этого феномена, равно как и других устных идиомов, поскольку отсутствие прямых фиксаций современников вряд ли может быть восполнено различного рода косвенными данными или же эксцерпциями из художественной литературы.

Негативную роль сыграло и то, что оба феномена достаточно долго имели **разный** социолингвистический статус. Так, письменный литературный язык приобрел статус идиома **общезначимого** значения к середине XIX в., когда появились письменные СМИ (газеты, журналы и пр.), обращенные к достаточно широкой читательской аудитории. Что же касается устного литературного языка, то до появления электронных СМИ, т.е. новых каналов коммуникативной связи (примерно середина XX в.), он **общезначимой** значимости не имел, хотя и был средством публичного общения.

Появление электронных СМИ коренным образом изменило статус устного литературного языка, его значимость в системе общественной коммуникации. Благодаря радио и ТВ устный литературный язык, использовавшийся ранее в основном при **интерперсональном** официальном общении, стал средством публичной **общезначимой**, притом **мгновенной**, коммуникативной связи. Без преувеличения можно сказать, что ныне именно устные СМИ являются **доминирующим** информационным каналом. Последнее во многом объясняется доступностью транслируемой с их помощью информации, не требующей от массовой аудитории ни специального времени, ни особых денежных затрат, ни предварительной профессиональной и языковой подготовки. Соответственно значительно возрастает и влияние языка СМИ на современное состояние вербальной культуры.

Следует учитывать и то, что если корректность письменно-литературного текста регулируется как авто-, так и внешней цензурой (например литературными редакторами), то устно-литературного текста практически единственным регулятором его правильности является **автоцензура**. Роль внешней цензуры с определенной долей условности могут выполнять претензии, вы-

сказываемые слушателями (ср. телефонный звонок в ТВ-студию во время передачи “Третий глаз”: “Почему Вы приглашаете таких неграмотных собеседников?”), однако, как правило, эти реплики не соотношены во времени с речевым актом, поэтому не могут влиять на характер текста. Это означает, что для построения корректного с точки зрения языковой нормы устного литературного текста необходим более высокий уровень языковой компетенции говорящего.

Несмотря на то, что для предотвращения языковых ошибок и некоторых стилистических несуразностей в устных СМИ используются различного рода “ухищрения” (например, прием так называемой “бегущей строки”, предварительное ознакомление с письменной основой текста, предварительная запись передачи с последующим ее редактированием и монтированием и пр.), тем не менее в узус публичного официального общения все же проникают элементы просторечия, сленга и т.п., отражающие речевые навыки говорящих.

Неслучайно поэтому особую остроту приобретает проблема языковых ошибок на радио и телевидении, стилистической неадекватности используемых языковых средств. Благодаря достижениям научно-технического прогресса эти ошибки могут широко тиражироваться, транслироваться на массовую аудиторию, вызывая не только болезненную реакцию некоторых слушателей (зрителей), но и пагубно влияя на уровень языковой культуры. В этом отношении красноречив следующий пассаж из статьи литературного критика: “Винovat ли телеэкран, принужденный транслировать нынешний феномен – крайне странное употребление предложного “о”: “в смысле о том...”, “доказать о том...”? С большим удовольствием прощаю, скажем, думца Бабурина (“О чем они обижены?”), с еще большим – Станислава Терехова (“осмотрелся о том окружении”). Но огорчает Чубайс (“тема о том”), Явлинский (“посмотрите о том”), тем паче, вымолвить страшно, Радзинский (“в курсе о том”). Еще огорчительней, хоть, признаю, и эгоцентричней, что ловлю у гигантов эпохи блох, а жена говорит мне: “Стой! Как ты сейчас сказал?...” Готово. И я **инфицирован**” (выделено нами. – Г.Н.) (Новая газета 1997).

Есть все основания утверждать, что в условиях современной коммуникации, активизации общественной жизни, возрастания социальной активности населения одной из первоочередных задач языкового воспитания является именно повышение культуры **устного литературного слова**. Не следует также недооценивать то, что не только письменный литературный язык (как это

традиционно считалось), но благодаря современным техническим достижениям и устный литературный язык является важным средством хранения и распространения культурных ценностей, причем как в синхронии, так и диахронии.

В последнее время интерес к изучению данного феномена увеличивается, примером чего могут служить не только капитальные исследования, осуществленные под руководством О.А. Лаптевой. Актуальным является и выход книги “Культура парламентской речи”, посвященной превенции языковых ошибок в публичной речи, а также ряда других работ. Все это говорит об осознании не только лингвистической, но и общественной значимости устного литературного языка.

Одна из важных “бед” современной языковой культуры заключается в том, что в ситуации, предполагающей использование устного литературного языка (официальное публичное устное общение), зачастую социально и вербально активными оказываются лица со сниженным уровнем языковой компетенции, т.е. не имеющие устойчивых навыков культивированного речевого поведения.

Приведем примеры квазилитературных, гиперкорректных текстов, перенасыщенных к тому же профессионализмами: *на ряд товаров овощного свойства* (ТВ 1991, интервью); *сделано возвращение к этому вопросу* (ТВ 1991, интервью); *Я предпринял продолжительное общение с Черномырдыным* (ТВ 1994); *Это дело получило большое распространение* (радиоинтервью 1994); *закрывать потребность населения по муке* (т.е. удовлетворить. – Г.Н.) (радиоинтервью 1995); *Я войду в министерство с запросом; патрульная служба ищет и находит отдельные элементы; эффективные способы воздействия на эту проблему* (ТВ 1994, интервью); *для усиления своего противоправного деяния; наличие транспортных средств выражается в автомобилях; сложная ситуация в плане доказывания* (ТВ 1994, интервью); *мы дали команду произвести подметание улиц* (радиоинтервью представителя дорожно-транспортных служб Москвы. 1997); *он скрылся путем свободного выхода* (радиоинтервью 1997); *подростки бросали камнями по вагонам с целью разбития стекол*. ТВС-Новости 2002, интервью следователя. Приведем пример гиперкорректности в письменном чешском тексте (речь персонажа одного из рассказов, опубликованных в журнале “Vlasta” (16/1982): *protože jí chutnalo, popřávala si. “Proč taky ne, paní předsedo soudu, dyt’ na to mám nárok”* (вместо: *paní předsedkyně*).

Очень часто встречаются высказывания с **явными** нарушениями литературной, а нередко и вообще любой другой нормы русского языка; ср.: (из выступлений депутатов съездов) *Они не знают, как этого сделать; учитывая о том; созерцать о том; утверждать о том; обращаясь к коллеге Собчак* (речь идет о мужчине); *у нас в горах все более четче; мы получили все более худший вариант; большинство высказывающих (без -ся); в структурах, непомерно разросших (без -ся); мы не хочем, не загинайте*. Ср. также регионализмы со смещенным ударением на первый слог: *на́чать, прѐнять* и пр.; использование профессионализмов с ударенной флексией типа *средствá, дизелѝ, слесарѝ* и пр.; в контексте: бронированные *входá* (ТВ 1995, интервью директора музея); *наши крайние северá* (Радио 1991, выступление на съезде). Нередко встречаются лексические ошибки, например, *дайте выразить волеизъявление*; у нас сложился *вакуум безвластия* и т.п.

Примечательно, что нередко языковые ошибки, а также включение просторечных элементов отмечаются при абсолютно правильном употреблении заимствованной лексики; ср.: *большинство высказывающих депутатов апеллирует к...; в два разá повысили эксплуатацию скважин; ни в коем разе не поддадимся на провокаци и пр.*

Факт правильного воспроизведения заимствованной лексики (при ошибках в родном языке), на наш взгляд, может наводить на мысль о том, что пользователь языка, схватывая поверхностно, очевидно на слух (может быть, из устных СМИ), некоторые наиболее частотные заимствования, имеет весьма приблизительное представление о норме литературного языка. Подтверждением того, что некоторые заимствования осваиваются именно “на слух”, через радио и ТВ, является, на наш взгляд, устойчивое произношение *дивидентов*, т.е. с оглушением, вм. *дивидендов*; ср. также просторечное освоение нового заимствования: (страховой) *полюс* вм. *полис* и пр.

Встречаются, впрочем, и ошибки в воспроизведении заимствованных слов (очевидно, малознакомых); ср.: *презумность невиновности* (вм. *презумпция*); *постановление полностью дезавулирует* (вм. *дезавуирует*); *тет на тет* (вм. *тет а тет*); *которая константировала* и пр. Ср. также распространенное в публичной речи избыточное словоупотребление типа “*религиозные конфессии*”, *август месяц*).

Важно подчеркнуть, что лица, допускающие подобные ошибки, в большинстве своем имеют **высшее** образование. Мы наме-

ренно оттеняем эту деталь, так как в соответствии с доминирующим в отечественной социолингвистике (да и не только в ней) мнением (см. ниже), с которым мы не можем согласиться, степень приобщенности к литературному языку ставится в **прямую зависимость** от уровня полученного образования, т.е. лица, имеющие высшее и даже среднее образование, считаются **носителями** русского литературного языка. Соответственно, как утверждается, это служит достаточным основанием для использования ими литературного языка при непринужденном повседневном общении.

Как мы полагаем, уровень полученного образования является формальным показателем, который всего лишь создает предпосылки, не гарантируя, однако, ни владение нормой литературного языка, ни умение использовать литературный язык адекватно коммуникативной ситуации. Тем более это не может предопределять применение литературного языка в ситуации непринужденного повседневного общения, характеризующейся ослабленным речевым контролем.

По нашим наблюдениям, лица, имеющие достаточно высокий социальный статус (в том числе и высокий образовательный ценз), т.е. отнюдь не нуждающиеся в доказательстве своей образованности, зачастую позволяют себе большие речевые “вольности”, чем их собеседники. Красноречивым примером этого является передача по чешскому радио (уточним, что во всех приводимых случаях предметом наблюдения были государственные радиостанции, отличающиеся по сравнению с частными более высоким уровнем языковой дисциплины) “Ах, как годы бегут!”, в которой своими воспоминаниями делятся видные деятели науки, культуры, и где употребление идиома *obesná čeština* (адекватного русскому просторечию) обычно бывает представлено весьма широко. Разумеется, речь идет не об использовании этого идиома как целостной структуры, а о широкой цитации его элементов (ср. упоминавшийся нами выше факт дисперсного существования экзистенциональной формы). Проиллюстрируем сказанное несколькими примерами: *Já ze sebe všecko vykecám; byl jsem furt nemocnej; byl báječný plavec, nechtěl být slavněj; na svejch dvou dcerkách* (радио 1994); *snižujete důvěru občanů k demokracii protože voni si říkaj ale my to tady máme napsaný my to tady máme slíbený* (ТВ 1997, интервью – архив Института чешского языка) и многие другие. Не можем не отметить типичную для смешанных текстов **непоследовательность** в соблюдении характерных примет *obesné češtiny*, что также говорит о диффузности языковых манифестаций.

Показателен в этом отношении и диалог между врачом и пациентом (пример извлечен из материалов обследования повседневной разговорной речи, проведенного сотрудниками Института чешского языка Чешской АН), в ходе которого врач, чувствующий себя более раскованно, чем пациент, изъясняется более “просторечно”: (врач) *takže ten votok ustoupil?*; (пациент) *ten otok ustoupil částečně* (в данном случае разговорным маркером является наличие среднечешского протетического “v” – *votok* ‘отек’, отсутствующий в более литературной речи пациента).

Сходные наблюдения сделаны нами и на русском материале. Так, гость студии, чувствующий себя скованно, говорит более литературно, чем принимающий его журналист; ср: (гость) *гуманитарная помощь*; (ведущий программы) *гуманитарка?* (ТВ 1995). Примечательно, что в передаче ТВ (программа Д. Диброва 1994) выпукло проявляются две прямо противоположные речевые стратегии: *гость* передачи (сотрудник МВД по борьбе с организованной преступностью), не владеющий навыками культивированного устного речевого поведения, говорит на несколько “сухонном” литературном языке с большим включением профессионализмов; *журналист*, ведущий передачу, напротив, для создания атмосферы непринужденности “пересыпает” свою речь жаргонизмами; ср.: (гость) *работал с нашим контингентом; отдельные случаи, которые мы имели в прошлом году; такие вещи имеют место и пр.*; (ведущий) *человек в кожәне; кто-то погорячится, дубиной съездит своему подопечному* и т.д. Ср. также: ну, *без дураков, моя коллега это может подтвердить* (радио “Маяк” 1994, *ведущая* дневного концерта по заявкам, обращаясь к радиослушателям). Несколько ниже нами будут еще приведены примеры подобного рода. Не можем не отметить, что, по нашим наблюдениям, ведущие (*moderátor*) чешских радиостанций и ТВ изъясняются более литературно, чем их русские коллеги.

Большой интерес представляет анализ ошибок, определяемых нами как *диагностические*, поскольку они фиксируют **напряженные** места в кодификации литературного языка. Сказанное чаще всего касается склонения сложных числительных. По нашим наблюдениям, редкий диктор радио и ТВ умеет склонять сложные числительные; ср.: *в размере восьмиста двадцати долларов* (радио 1994); *около шестиста ученых* (ТВ 1993); *не хватает около пятьсот девяти* (радио 1993); *около трехста градусов* (ТВ 1993); *около пятиста нарушений* (ТВ 1992). Все эти ошибки были зафиксированы в речи профессиональных журналистов. Примечателен эксперимент ленинградского ТВ, когда во

время массового уличного опроса (по случайному стечению обстоятельств практически все респонденты имели высшее образование) лишь один человек сумел правильно просклонять предложенное ему сложное числительное.

Как диагностические могут быть квалифицированы и ошибки в определении рода сущ. *кофе*, которое в соответствии с закономерностями русского языка очень часто относят к ср.р. (так, в чешском примере из интернет-журнала *Neviditelný pes*, 1998 существительное *téma*, вопреки литературной норме, отнесено к ж.р.: *Školní docházka a známky či vědomosti romských dětí jsou teď žhavou téma*). Ср. также ошибки в родовом разграничении *обоих* и *обеих* (в *обеих* государствах – из речи комментатора – радио 1995; в *обеих* конкурсах – из речи организатора Конкурса им. П.И. Чайковского – радио 1995; *обеих* собеседников – радио 1995, речь интервьюируемого). Трудности доставляет и склонение сущ. *коллега*; ср.: с *моим коллегой* (данная ошибка неоднократно регистрировалась нами в речи комментаторов и ведущих программ на радио). Примечателен также и следующий пример: *ехал в подвыпившем состоянии* (Известия 1997), где исконное причастие *подвыпивший*, относящееся изначально к лицу (*подвыпивший человек*), употребляется как прилагательное (и, соответственно, относится в данном контексте к абстрактному существительному), т.е. налицо проявление адъективации, окачествления глагольной формы (см. по этому поводу: Нещипенко 1972). Принимая во внимание массовый характер некоторых ошибок, в будущем, весьма возможно, придется внести изменения в кодификацию (с расширением варьирования). Сказанное, например, может затронуть глагольное управление в русском и чешском языках (ср. случаи со “злоупотреблением” предлогом “о”).

Учитывая, что язык электронных СМИ является не только своего рода “сколком” современного состояния речевой культуры и, соответственно, современной языковой ситуации, но и основной сферой использования устного литературного языка, остановимся кратко на этом вопросе, не претендуя, разумеется, на его исчерпывающее освещение.

Язык СМИ отличает ряд специфических функциональных особенностей:

а) опасение коммуникативных потерь, вполне возможных при **сиюминутном** восприятии информации аудиторией, а также интересы установления контакта с максимально широким кругом коммуникантов делают неизбежной установку на некоторую

усредненность используемых языковых средств, рассчитанных на **массовую**, а не элитарную языковую компетенцию (об этом мы уже упоминали выше);

б) использование новых форм вещания (ср. передачи так называемого “прямого” эфира, спонтанные интервью, обратная связь с собеседником благодаря применению спутниковых средств связи, телефона и пр.) не только активизирует речевое взаимодействие собеседников, но и усиливает импровизационное начало, делает общение более непринужденным, раскованным и пр. Важно и то, что в результате массовой трансляции специфика речевого поведения индивидуума становится достоянием самой широкой аудитории. Тем самым возникает своеобразный парадокс: стилистика **интимного, межличностного** общения (во время интервью и т.д.) широко тиражируется, репродуцируется **публично**, становится массовым достоянием. Из-за этого как бы нарушается корреспонденция между речевой нормой и нормой коммуникативной. Нельзя не учитывать, что возможности, которыми располагают современные электронные СМИ, позволяют транслировать на массовую аудиторию специфику речевого поведения не только адресанта, но и адресата, невзирая на возможные погрешности в языковой компетенции, изъяны автоцензуры и т.п. последнего;

в) СМИ не только информируют свою аудиторию, но и стараются привлечь ее на свою сторону, установить с ней эмоциональный контакт. С этой целью в них зачастую намеренно **имитируется** диалогическое общение с воображаемым собеседником, характеризующееся особой непринужденностью, доверительностью. Так, ведущий телепередачи “Версии” (август 1995), прощаясь с телезрителями перед уходом в отпуск, нарочито доверительно говорит: А вы уж тут присмотрите за нашим хозяйством: Чечня, скандал вокруг генпрокуратуры. Не следует, впрочем, переоценивать степень этой непринужденности, поскольку, как правило, за ней стоит длительная предварительная подготовка говорящего, т.е. импровизация в публичной речи во многом является условной. Ср.: Адвокат Генри Резник не пишет своих речей. Не всегда записывает и тезисы, ограничиваясь предварительным проговариванием (выделено нами. – Г.Н.) основных моментов выступления. Новая газета 50/2002, очерк, речь автора; То, чем я занимаюсь на телевидении, – это импровизация наедине с оператором, но на глазах миллионов. Если вы готовите речь к эфиру – это одно. Но чтобы импровизировать в кадре, нужно быть готовым внутренне. То есть приблизительно за два дня выключиться из жизни и стараться не ду-

мать о передаче. И при этом жить в каком-то особом мире. Там же 12/2002, интервью Э. Радзинского.

Сказанное выше, а также ряд других факторов создают реальные предпосылки для пересмотра правил речевой эстетики публичной коммуникации (см. подробнее: Нешищенко 2001).

Проблема речи на радио и ТВ живо и уже давно дебатруется в лингвистической литературе. Чаще всего обсуждается вопрос о том, правомерно ли требовать от журналиста строгого соблюдения литературной нормы: “Учитывая отличия литературного языка от языка повседневного общения, вряд ли будет уместным в так называемой живой беседе по радио или на телевидении заставлять себя последовательно соблюдать литературную норму там, где это может помешать установлению контакта со слушателем или где бы это производило впечатление искусственности” (Čeština za školou 1974: 70).

Значимость этой проблемы, действительно, очень велика, поскольку речь идет отнюдь не о каких-то чисто “вкусовых” претензиях. Нельзя сбрасывать со счетов и масштабы воздействия языка СМИ на общую речевую культуру населения. Проблема эта, разумеется, должна решаться дифференцированно, в том числе и с учетом жанра вещания (информационное сообщение, интервью, репортаж и т.д.).

Ниже мы на конкретном материале рассмотрим некоторые речевые особенности СМИ. В поле нашего зрения будут находиться “личностные” передачи, отражающие специфику **индивидуального** речевого поведения (в отличие от последних информационных сообщения находятся под более строгим контролем авто- и внешней цензуры, характеризуются большей “привязанностью” к письменной текстовой основе).

Стилевая палитра СМИ в целом весьма разнообразна. Здесь может быть представлена “изящная словесность”; ср.: *Я счастлив тем обстоятельством, господин Маре, что могу говорить с Вами; господин Маре, Вы поражаете разнообразием своих талантов* (ТВ 1994, интервью с французским актером Ж. Маре, речь журналиста); ср. также на чешском языке: *Já bych si dovolil otázku* (ТВ 1997, речь ведущего); *tato krajina doznala velkých změn* (Там же: 1997, ведущий); *je to dlouhodobě zvažována otázka* (радио 1997, собеседник). И, наряду с этим, весьма распространена речь, изобилующая жаргонизмами, в том числе профессионализмами, не говоря уже о различного рода разговорных вкраплениях (последнее в настоящее время встречается особенно часто, становясь порой модой): *эта песня прозвучала в моем сольнике* (“сольном

концерте”. – Г.Н.) (радиоинтервью эстрадной певицы 1994); (певец): я работал стадионы – (журналист) и при аншлаге? – (певец): битковым (радиоинтервью с певцом-композитором 1994); прессуха (ТВ 1995, речь журналиста); а травятся-то фальшиаком (т.е. некачественным, поддельным) алкоголем. – Г.Н.) (ТВ 1994, речь ведущего программы); домовой фильм (фильм, на который “ломится” народ. – Г.Н.); уболтать спонсора (угговорить спонсора дать деньги. – Г.Н.) (ТВ 1994, речь официального лица, гостя программы “Час пик”); нужно гнать наркоту́ с улицы (жаргонное обозначение наркомана. – Г.Н.) (ТВ 1995, речь интервьюируемого); пришел на работу, бац – новость или же: в первый день повышения цен мы рванем в магазин (радио 1993, речь журналиста, ведущего программу); моя мать, врач, пашет как конь. (ТВ 1994, речь известного профессора-медика). Примечательно, что до этого высказывания, спровоцированного вопросом журналиста, речь шла о современном состоянии здравоохранения, когда и тональность общения, и подбор языковых средств были совершенно иными (ср.: архимного, архидеформировано и т.п.). Ср. также в речи спортивного комментатора (радио 1994): предприняли шикарное путешествие; треска в Норвегии колосально хорошая; гонка преследования – какая зажигательная штука. И, наряду с этим, другая крайность (книжность), также в речи спортивного комментатора (радио 1995, о выступлении фигуристов) они совершили падение (вм. упали).

Разумеется, следует различать, идет ли здесь речь о языковых ошибках (ошибки в склонении сложных числительных, постановке ударения, согласовании, особенно часто в глагольном управлении и т.п.) или же о включениях из сленга, других разговорных идиомов.

В последнем случае важно установить, отражают ли эти включения определенную речевую стратегию, определенное коммуникативное намерение, т.е. являются ли они актуализованными, функционально обусловленными (и, следовательно, контролируемыми автоцензурой), несут ту или иную смысловую, стилистическую и пр. нагрузку, вносят разнообразие в палитру используемых языковых средств (ср., например, включение в речь весьма модного политического комментатора радиостанции “Эхо Москвы” с целью намеренного эпатажа таких слов, как нажрамшись, с какого бодуна, бамажка) и т.д. Или же, напротив, это говорит об отсутствии устойчивых навыков устного культивированного общения, элементарной речевой небрежности, речевом нигилизме, граничащим порой с дурным вкусом.

Немаловажную роль играет и социальный статус лица, допускающего языковые погрешности или же вольности. Так, например, широкое использование вулгаризмов в публичной речи официального лица может производить на слушающего шокирующее впечатление; ср., к примеру, ТВ-интервью главного редактора одной из популярных московских газет (ТВ 1994): *Ну, написали дажу; У нас бывает большевистский закидон; Я понимаю: во Франции столько жратвы; Американцы кумекать начали; Я могу перспективно послать (обругать. – Г.Н.)* и т.п. Ср. также своеобразное речевое “коккетство” высокопоставленного государственного чиновника (ТВ 1994, программа “Без ретуши”): *Если банк начинает себя вести нездорово; проектов у нас навалом; предприятие кладут на спину и полный привет, ничего не шевелится; вот таким макаром все можно сделать* и пр. В обоих приведенных случаях заметно желание интервьюируемых не только установить контакт с журналистами, присутствующими на беседе, но и “стать своим” для массовой аудитории телезрителей, вписаться в их предполагаемый речевой стандарт.

Подытоживая рассмотрение обеих разновидностей литературного языка, подчеркнем, что различие между ними состоит не только в характере **воспроизведения** текста, хотя само по себе это обстоятельство немаловажно, поскольку зачитанный текст отличается от письменного рядом структурных особенностей. Известно, например, что раннеписьменные произведения древнечешской литературы, предназначавшиеся для чтения вслух (грамотность населения, по мнению специалистов, составляла в то время всего лишь 2–3%), имели более прозрачную композицию и упрощенный синтаксис по сравнению с письменными текстами конца XIV в., рассчитанными уже не только на слушателя, но и на читателя.

При сохранении общего принципа **монологического** построения текста, присущего обеим разновидностям литературного языка, норму устного литературного языка отличает от нормы письменного меньшая строгость (но не отсутствие!) кодификационных предписаний, более свободный порядок слов, упрощенная структура предложения, иное логическое членение текста, специфические просодические особенности, большая вариативность языковых средств, сниженная частотность употребления некоторых частей речи, например причастий и особенно деепричастий, большая экспрессивность, специфический выбор вариативных словообразовательных средств и т.п. Так, в современном чешском узусе практически не используются деепричастия, однако

изредка они могут встречаться в письменных текстах с выраженной окраской книжности, архаичности. Касаясь этого факта, один из известных чешских музыкантов в интервью чешскому радио (1994 г.) шуточно сказал, что он со своими друзьями в “знак протеста” создал кружок любителей чешского деепричастия.

Различия между письменным и устным литературным языком могут проявляться практически на всех уровнях языковой системы: в морфологии, словообразовании, синтаксисе, лексике и т.п., причем носят они не только количественный, но и качественный характер. Разнится, разумеется, и сфера функционирования обоих феноменов.

Б. Периферийные манифестации подсистемы

Как показывает анализ материала, выбор языкового идиома для официального публичного и полуофициального (непубличного) межличностного общения, хотя и является императивным, однако в конечном итоге он зависит от таких факторов, как состав языкового реестра данной этнической общности, а также от диапазона идиолекта конкретного индивидуума. Это означает, что, помимо литературного языка, здесь могут быть представлены и другие идиомы, в частности, из подсистемы языкового обеспечения непринужденного повседневного общения, выступающие в функции субститутов культивированного идиома. Чаще всего это наблюдается при ущербной языковой компетенции индивидуума, т.е. при отсутствии в его идиолекте культивированного идиома (безотносительно к тому, в какой конкретной манифестации этот идиом воплощается: литературный язык, устный культурный язык, письменный культурный язык и пр.). Это, естественно, создает коммуникативный и социальный дискомфорт, особенно, если индивидуум находится в окружении лиц, обладающих более совершенными речевыми навыками.

Интересные наблюдения по этому поводу делает А.И. Домашнев (Домашнев 1994: 145): “Социальная приемлемость диалекта в южных регионах Германии настолько высока, что в замкнутых коллективах (сельская община) во всех жизненных ситуациях используется местный диалект, кроме сферы официального (публичного) общения (собрания, обращения в инстанции), где также вместо литературного языка нередко применяется обиходно-разговорный язык (Umgangssprache) значительной диалектной окраски”. Ссылаясь на данные, приводимые немецкими исследователями К. Райном и М. Шеффелман-Майер (Rein,

Scheffelman-Mayer 1975: 271), А.И. Домашнев отмечает, что в сельской общине близ Мюнхена из 49 респондентов на вопрос, какая форма языка более соответствует ситуации общинного собрания, лишь 4 человека высказались в пользу литературного языка, 26 человек – за использование обиходно-разговорного языка, а 19 опрошенных считали, что и на собрании следовало бы пользоваться местным диалектом. К сожалению, здесь не приводится мотивировка выбора того или иного идиома. Можно лишь предполагать, что в число 19 человек, отдавших предпочтение местному диалекту, входили его моногlossные носители.

При отсутствии автохтонного культивированного идиома в качестве функционального субститута может использоваться культивированный язык иной этнической общности, имеющей более длительную культурную традицию, т.е. проблема решается за счет подключения **иноязыковых** ресурсов.

Возможно и другое решение вопроса – за счет активизации **внутриязыковых** ресурсов, путем использования изофункциональных идиомов-заместителей. Эта замена так или иначе носит вынужденный характер, поскольку для полноценного удовлетворения коммуникативных потребностей индивидууму желательно владеть идиомами из обеих подсистем, распределяемыми в соответствии с определенным коммуникативным стандартом, своеобразным речевым этикетом.

Невзирая на ситуативную включенность разговорных идиомов в подсистему высших коммуникативных функций, они не конкурируют с литературным языком, так как **не являются** ему равноценными (разумеется, в данном ареале) ни по своим субстанциональным параметрам, ни по широте функционального спектра. В этом смысле нам представляются преувеличенными опасения конкуренции феномена *obecná čeština* и чешского литературного языка. Сомнительными нам кажутся и перспективы повышения статуса разговорного идиома в подсистеме высших коммуникативных функций: как правило, он локализуется на периферии подсистемы, занимая маргинальное положение.

Носители этнического языка обычно имеют представление о речевом этикете, пусть даже интуитивное, т.е. они знают, какие языковые средства и в какой ситуации надлежит использовать. В этом отношении красноречивы диалоги чешских авиадиспетчеров (материалы Института чешского языка Чешской академии наук). Так, в общении с коллегами, а также знакомыми летчиками диспетчер применяет идиом *obecná čeština*: *no jestli to je von to je bindr todle | vohlásíš se později | heřgot, do prdele*. Сообщая офи-

циальную информацию, он сразу же переключается на литературный язык: *prosím vás můžete mi dát Helsinky, tady dálkový spoj* и т.п. Примечателен и услышанный нами диалог в одном из пражских институтов: одна из сотрудниц, помогая коллеге искать справочник, говорит ей: *mělo by to někde hejt* (obecná čeština), однако тут же в телефон (незнакомому лицу) она произносит ту же фразу с литературной огласовкой: *mělo by to někde býj*. Точно так же, в общении с коллегой используется универб *zasedačka*, однако в тексте письменного объявления – лишь *zasedací síň*. Подобный характер имеет и варьирование в речи одного и того же лица, участвующего в дискуссии перед телевизионной камерой: *současný stav* | *současnej stav*; *určité uvolnění* | *určitý uvolnění*; *že bychom* | *tak bysme*, где первые компоненты пары являются литературными, а вторые – обиходно-разговорными (переключение на литературную норму обусловлено тем, что говорящий осознает наличие телевизионной камеры, “обязывающей” его применить автоцензуру, т.е. говорить перед публикой литературно).

Выше мы уже упоминали о корреспонденции между коммуникативным и речевым стандартом. Примечателен в этом отношении диалог в клинике: медсестра, приглашая войти в кабинет пациента в меховой шапке, использует “вежливостно-контактную” форму мн.ч., с включением деминутивов, характерную для речевого этикета ситуации общения “врач–больной”: *Шапочку снимаем и заходим*, однако поскольку пациент не выполняет просьбу о шапке, она переходит к более категоричному (уже без деминутива): *Мужчина, снимите шапку!*; ср. также (врач – больному) *один глазик закроем*.

Функциональную неравноценность идиомов осознают обычно и лица, в идиолекте которых культивированный идиом отсутствует. Так, носитель и активный пользователь территориального диалекта в ситуации официального или же полуофициального общения может использовать интердиалект, т.е. региональный идиом более высокого ранга, подвергшийся некоторой селекционной обработке, т.е. с устранением узко локальных примет. Интересный пример функциональной субституции разговорного идиома был нами зафиксирован в передаче Радио-Россия (1990), в которой в магнитофонной записи воспроизводился аутентичный разговор корреспондента с пожилой крестьянкой из Орловской области. В ходе этого диалога крестьянка вначале говорит на местном диалекте, но, почувствовав по реакции собеседника (“чужак”), что тот ее не вполне понимает (корреспондент переспрашивает: “бабушка, что-что?”), сразу же начинает коррек-

тировать (регулировать) свое речевое поведение, опуская наиболее специфичные региональные особенности.

Таким образом, при наличии в речевом реестре индивидуума двух функционально взаимодополняющих друг друга идиомов (диалекта и интердиалекта) в ситуации регулируемого речевого поведения (а именно это и наблюдалось в приведенном выше примере) используется интердиалект. Иными словами, внутри разговорной речи существует своя шкала ценностей. Нам представляется сомнительным, чтобы **активный** пользователь регионального диалекта, т.е. постоянно пользующийся в своей повседневной жизни диалектной речью, в случае необходимости мог свободно переключаться на литературный язык, а не на какой-то более близкий его индивидуальному узусу идиом. Вопреки бытующему в литературе мнению, мы полагаем, что диалект и литературный язык являются настолько **разнопорядковыми** величинами, что их сосуществование в одном и том же идиолекте вряд ли возможно. В указанной ситуации средством официальной коммуникации скорее всего будет служить другой идиом из той же самой подсистемы, менее маркированный в региональном отношении, например интердиалект. Именно он в данном конкретном случае, очевидно, будет замещать литературный язык, являясь его субститутом.

Что касается сельской интеллигенции, прежде всего школьных учителей, то, очевидно, на уроке, собрании и пр., т.е. в официальной обстановке, они будут стремиться использовать в качестве официального коммуникативного средства литературный язык (скорее всего в его региональной редакции), в то время как в бытовом общении они, возможно, прибегают либо к интердиалекту, т.е. к регионально обобщенному идиому, либо к смешанной речи, либо даже к диалекту.

Особого упоминания заслуживает использование в культурной функции диалекта в условиях “островного” проживания этносов, например немецкого и болгарского на территории СССР. Несмотря на то, что в обоих случаях в соответствующих странах имеется развитый литературный язык с богатой культурной традицией, оторванная от основного этнического массива часть социума в силу обстоятельств обычно не владеет родными литературными языками. В силу этого в дополнительном распределении здесь чаще всего находятся русский язык и этнические региональные идиомы.

Как следует из диссертационного исследования и автореферата В.А. Штаба (Штаб 1990), в условиях слабой приобщенности советских немцев Казахстана к немецкому литературному языку

региональные идиомы (диалекты) способствуют не только сохранению этнического самосознания, но иногда и выполняют культурную функцию (используются для написания аннотаций к спектаклям, если те исполняются на немецком литературном языке). Примечательно также, что для того, чтобы взять у комбайнера радиоинтервью, предназначенное для вещания на немецком литературном языке, В.А. Штабу приходилось предварительно специально “натаскивать” интервьюируемого, заставляя его заучивать текст наизусть.

У болгарского населения на Украине и в Молдавии болгарский территориальный диалект (наряду с русским), используется как в семейном общении, так и в более официальном общении с коллегами, с посетителями, на собраниях (Парфенова 1995).

Как уже упоминалось, Концепция государственной программы по сохранению и развитию языков народов Российской Федерации (1992) допускает использование некоторых территориальных диалектов (при отсутствии соответствующего культивированного идиома) для обучения в школе, а также в СМИ.

Рассмотренные выше случаи функциональной субституции идиомов не меняют в корне специфику языкового обеспечения ареала высших коммуникативных функций, поскольку идиомы, используемые неадекватно их субстанциональным параметрам и изначальному функциональному диапазону, обычно остаются на периферии. Сказанное является дополнительным подтверждением значимости периферии в функционировании системы в целом. Как наиболее динамичная и проницаемая зона системы периферия является местом контактного взаимодействия подсистем друг с другом.

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В АРЕАЛЕ РЕГУЛИРУЕМОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Анализируя эволюцию этнической языковой ситуации, мы не можем не заметить, что ее развитие чаще всего обуславливается взаимодействием двух диаметрально противоположных тенденций: первая связана с воздействием литературного языка на разговорную стихию; вторая, напротив, с воздействием разговорной стихии на литературный уzus.

Исследование большого количества фактов, взятых из различных языков (некоторые из них приводились выше в качестве иллюстративного материала), позволяет сделать вывод о том, что

для динамики современной языковой ситуации, а следовательно, и для эволюции современного речевого этикета характерна особая активизация именно второй тенденции. Со значительной долей уверенности можно утверждать, что эта закономерность приобретает ныне практически универсальную значимость.

Принципы языковой культуры и языкового воспитания индивидуума и социума в целом, равно как и правила речевой эстетики, не являются незыблемыми. Они меняются под воздействием как собственно языковых, так и прежде всего экстралингвистических обстоятельств. Роль последних в нашем столетии является особенно значительной. И действительно, в истории этноса происходят важные сдвиги, касающиеся не только функционирования этнического языка в целом, но и входящих в его состав идиомов.

Для понимания сути этих процессов большое значение имеет рассмотрение вербальной коммуникации через призму оппозиции “носитель-пользователь языка (языкового идиома)”.

В отечественной социолингвистике эта антиномия практически не разработана, о чем свидетельствует, в частности, то, что за отдельными исключениями понятие “пользователь языка” здесь вообще не применяется. Соответственно единственным операциональным понятием является понятие “носитель языка”, которое в силу его расширительного толкования, по сути, заменяет собой эту оппозицию, вбирая в себя весь тот объем содержания, который можно было бы включить и в понятие “пользователь” языка.

Между тем оба эти понятия существенно отличаются друг от друга, что немаловажно как при оценке состояния современной языковой культуры, особенно в сфере публичной официальной коммуникации, так и при анализе динамических тенденций, развивающихся в языковой ситуации. Причем понятие “пользователь языка”, включающее в себя аспект **активности** речевой деятельности субъекта, на наш взгляд, имеет большее значение.

Судя по литературе, строгая дефиниция понятия “носитель языка | языкового идиома” отсутствует. По большей части оно воспринимается как некая данность и распространяется как на этнический язык в целом, так и на весь спектр входящих в его состав языковых идиомов.

Предметом особого внимания ученых, как правило, являются носители литературного языка. При вычленении этого круга лиц обычно отдается предпочтение **внешним** факторам, в том числе социальному происхождению индивидуума. Так, например, в польской лингвистике длительное время образцовыми носителями польского литературного языка (в данном случае *język ogólny*)

традиционно считалась потомственная интеллигенция, причем прежде всего в третьем поколении (Kurkowska 1981: 16, а также многие другие работы). И лишь относительно недавно центр тяжести решено было переместить на интеллигенцию в первом поколении, т.е. именно последние начали признаваться образцовыми носителями нормы литературного языка. “Образцовым носителем литературного языка традиционно считалась интеллигенция, причем, по крайней мере, в третьем поколении. Этот критерий польской нормативной политики необходимо пересмотреть. Интеллигенция... в третьем поколении представляет собой ныне слишком незначительный слой для того, чтобы ее узус мог оказать существенное влияние на формирующуюся норму. Основная часть современной польской интеллигенции – это ее первое поколение, представленное людьми, происходящими из рабочей и крестьянской среды. Это означает, что в современном узусе сталкиваются две традиции: язык “старой” и “новой” интеллигенции. Возникает вопрос, на который из них следует ориентировать кодификацию. Объективно говоря, более перспективным является узус-новой интеллигенции” (Buttlerová 1979: 36).

В русистике также распространено мнение, что до Октябрьской революции формирование нормы русского литературного языка было строго социально детерминировано: в состав его носителей входил достаточно узкий круг высокообразованной интеллигенции, использовавшей литературный язык в высших сферах культурной и общественной жизни. Что же касается носителей современного русского литературного языка, то при их характеристике используются, как правило, следующие критерии: 1) русский язык является для них родным; 2) они родились и / или длительное время (всю жизнь или большую ее часть) живут в городе; 3) они имеют высшее или среднее образование, полученное в учебных заведениях с преподаванием всех предметов на русском языке (ср., в частности, Крысин 1989: 33).

В ряду этих совокупных критериев особенно спорно установление прямой взаимозависимости между уровнем полученного образования и владением нормой литературного языка, тем не менее, невзирая на очевидные расхождения с существующей речевой практикой, именно этот тезис, как правило, и является основополагающим (к этому вопросу мы еще вернемся ниже при изложении социолингвистической концепции русского языка).

Используя в настоящей работе понятие “носитель языка”, мы имеем в виду лицо с **полноценной** языковой компетенцией, способное не только воспринимать, но и **порождать** корректный

текст, т.е. текст, который не только не содержит ошибок, но и, что не менее важно, употребляется сообразно соответствующему речевому этикету, адекватно норме определенной коммуникативной ситуации.

В число носителей языка входят прежде всего индивидуумы, **спонтанно, от рождения** воспринявшие от своего окружения норму данного языка или же некоторого языкового идиома. При подобной интерпретации понятие “носитель языка” в первую очередь может быть применено либо к этническому языку в целом (ср. “носитель русского, чешского, английского и т.д. языка”), либо к какому-то разговорному идиому (диалекту, просторечию и пр.), норма которого осваивается **стихийно, спонтанно**.

К носителям могут быть отнесены и лица с **благоприобретенными** речевыми навыками, т.е. в совершенстве освоившие норму какого-то языка или же языкового идиома в результате **специального обучения**. Как это ни парадоксально, но именно в этом смысле, на наш взгляд, можно говорить о носителе литературного языка, поскольку знание литературной нормы не дано индивидууму от рождения, она осваивается постепенно, через школу, чтение книг, СМИ, через языковое воспитание в семье, разумеется, там, где для этого есть соответствующие условия. Ср. следующую шутовскую цитату из журнала *Vlasta* (1985): *Любые мать и отец мечтают о том, чтобы из стайки детей, играющих на детской площадке, отделилось самое прекрасное и самое умное создание, которое подбежит к родителям и, говоря на литературном языке, попросит лакомство* (перевод с чешского наш. – Г.Н.).

Как справедливо отмечает Й. Гронек (Hronek 1972: 107), в Чехии в подавляющем большинстве случаев единственным языковым средством, которым активно владеют дети в дошкольном возрасте, является идиом *obecná čeština*, приобщение же к литературному языку происходит позже. Практически то же говорит и Фр. Чермак: “Из личного опыта, причем не только моего, я знаю, что от рождения я владею идиомом *obecná čeština*. Именно это и есть мой родной язык. Школа же, с большим или же меньшим успехом, начиная с моего шестилетнего возраста, старается изменить систему ценностей и внушить мне, что все, что было до этого, плохо. И что вот теперь только она и прививает мне правильные навыки и что нужно переучиваться. Не приходится поэтому удивляться тому, что большинство чехов воспринимает литературный язык как нечто искусственное, навязанное, то, чему нужно специально учиться...” (Čermák 1996: 14). Сходно оценивает собственные речевые навыки популярная ведущая чешского ТВ

в интервью журналу *Vlasta* (перевод наш. – Г.Н.): “*Росла я в обычном доме на Летной (Летна – район Праги. – Г.Н.), а потому и не привыкла к литературному чешскому языку. Каждую фразу, которую я хочу экспромтом сказать перед камерой, я должна вначале, про себя, перевести с языка, на котором говорят в Праге (имеется в виду обеснá čeština. – Г.Н.)*” (*Vlasta* 1983).

Благоприобретенным чаще всего является и знание иностранного языка.

Понятие “пользователь языка”, в нашем понимании, пересекается с понятием “носитель языка”, не являясь ему тождественным, поскольку не всякий пользователь языка | языкового идиома является его носителем.

В этой связи рассмотрим некоторые существенные, на наш взгляд, моменты:

1. Понятие “носитель языка | языкового идиома” предполагает **активное владение** речевой нормой (= полноценная языковая компетенция), однако указание на речевую активность, т.е. **реальное** использование этой нормы в нем отсутствует. Так, например, горожане – выходцы из сельской местности подсознательно могут продолжать оставаться носителями нормы родного диалекта, хотя на практике им пользуются лишь при случае (например, при посещении родных мест, при общении с родственниками и земляками), а отнюдь не в своей повседневной жизни.

2. Понятие “пользователь языка”, напротив, акцентирует сам факт приобщенности, вовлеченности в речевую деятельность, однако оно не раскрывает **степени** владения нормой используемого языкового идиома, т.е. **реального** уровня языковой компетенции индивидуума. Поскольку вербально активными далеко не всегда оказываются истинные носители нормы, для характеристики уровня языковой культуры важно уточнить степень реальной языковой компетенции пользователей языка, т.е. **активно** или же **пассивно** владеют они нормой идиома.

Целесообразным оказывается разграничение пассивных и активных пользователей языка.

Под **пассивным** пользователем мы имеем в виду индивидуума с “ущербной” языковой компетенцией, который способен правильно **воспринимать** соответствующий текст, однако уровня его языковой компетенции недостаточно для **генерирования** корректного (с точки зрения соблюдения речевой нормы) текста, не содержащего очевидных ошибок. Ср.: «*Кто в основном выступает на пленумах? Те, у кого подвешен язык, кто на этом, простите, собаку съел. Почему, думаете, молчит “союз рабочих и*

крестьян”? Не хотят они нарушать трибунного правильного литературного языка. Кто же хочет на весь Союз прослыть таким “мужланом”?» (Комсомольская правда, 1989 г.).

Активный пользователь не только воспринимает, но и **порождает** текст, причем важно, чтобы этот текст был не только корректен с точки зрения соблюдения языковой нормы, но и был употреблен сообразно речевому этикету, т.е. в соответствии с нормой, стилевым стандартом определенной коммуникативной ситуации. Данное уточнение весьма существенно, так как в ситуации активного использования языка (или же языкового идиома) может оказаться лицо (нередко именно так это и происходит), уровень языковой компетенции которого не является достаточным для того, чтобы порождаемый текст не только не содержал ошибок, но и был употреблен адекватно (ср. ситуацию так называемой гиперкорректности). Это особенно характерно для XX в., когда отчетливо проявилось разрушение социальной маркированности форм существования языка, т.е. их закреплённости за теми или иными слоями общества. Учет данного обстоятельства имеет большое значение для оценки состояния речевой культуры и перспектив ее дальнейшего развития, особенно в ареале публичной коммуникации, транслируемой на широкую аудиторию.

Рассмотрим под этим углом зрения функционирование литературного языка, социальная база которого в истории социума претерпела весьма значительные изменения. Для иллюстрации воспользуемся примером чешского этноса, у которого в период становления чешского литературного языка (конец XIII–XIV в.) носителем и основным пользователем литературного языка было духовенство (неслучайно очагом распространения образования служили школы при монастырях и храмах); позднее это были светские феодалы, а затем и формирующийся слой лиц, специально занимающихся интеллектуальной деятельностью, т.е. интеллигенция. При подобной четкой очерченности состава носителей и пользователей литературного языка, а также при относительно узкой сфере его применения регламентация речевого поведения, во всяком случае в официальной сфере, была вполне осуществимой.

На современном этапе развития общества состав пользователей литературного языка существенно расширился как в **количественном**, так и в **качественном** отношении, что, как правило, оценивается исследователями как **положительная** примета нашего времени.

Действительно, благодаря системе всеобщего обязательного образования, различного рода печатной продукции, появлению новых информационных каналов и в первую очередь СМИ (а в последнее время и глобальных компьютерных сетей), благодаря активной общественной и производственной деятельности вербально активными становятся самые широкие социальные пласты, имеющие различный уровень языковой компетенции. В этой ситуации литературный язык из некогда **элитарного, социально маркированного** идиома превращается в идиом **общезначимого** значения.

Во всех этих, бесспорно, позитивных тенденциях есть, если не негативные, то во всяком случае **настораживающие**, моменты, которые обычно обходятся вниманием исследователей. Конкретно мы имеем в виду следующее:

а) расширение и качественное изменение состава носителей и прежде всего пользователей литературного языка затрудняет, а подчас и делает невозможным контроль за соблюдением нормы литературного языка, что не может не приводить к снижению авторитета кодификации;

б) рост численности **действительных** носителей литературного языка существенно **отстает** от роста численности лиц, **практически** пользующихся этим феноменом. Это означает, что в составе активных участников вербальной коммуникации в ареале высших коммуникативных функций (официальное и публичное общение, предполагающее **регулируемое** речевое поведение, связанное с использованием литературного языка) могут оказаться и, действительно, зачастую оказываются лица со сниженным или же неустойчивым знанием литературной нормы, с весьма разнородной языковой компетенцией. Последнее стало особенно очевидным в сфере устной официальной, публичной коммуникации в результате распространившейся тенденции говорить “без бумаги”, т.е. без использования заранее подготовленного письменного текста.

В результате этого возникает парадоксальная ситуация: там, где мы ожидали бы дисциплинированности речевого поведения, хотели бы иметь дело с корректным литературным текстом, мы сталкиваемся с текстами, значительно отличающимися от действующей литературной кодификации. Все это приводит к столкновению речевых навыков самых различных социальных слоев, что, с одной стороны, несомненно, “раскачивает” литературную норму; с другой – побуждает лингвистов снижать порог нормативных запретов.

Последнее чревато опасностью нерегулируемого (и, следовательно, бесконтрольного) насыщения литературных текстов включениями из разговорной речи, тем более из таких ее пластов, как сленги, жаргоны, просторечие и пр., что в конечном итоге может нарушить столь необходимое и столь хрупкое равновесие в современной речевой культуре.

Вряд ли нужно специально доказывать, что неконтролируемое вторжение разговорной стихии в литературный язык может поставить под угрозу его использование в качестве важнейшего общезначимого (а порой и международного) коммуникативного средства. В связи с этим определенные сложности могут возникать при фольклоризации литературных языков, при перенасыщении их заимствованиями и т.п.

Уменьшение нормотворческой роли языка художественной литературы и, напротив, возрастание роли языка СМИ с их общезначимой **массовой** ориентацией не могли не повлечь за собой “усреднение”, “массовизацию” речевого стандарта. Причем здесь существует примечательная взаимосвязь: с одной стороны, СМИ, для того чтобы транслируемая по их каналам информация была воспринята массовой аудиторией заинтересованно и вдобавок без существенных потерь (в противном случае будет нарушен принцип коммуникативной успешности), должны стремиться к выбору “общедоступных”, общепонятных языковых средств, т.е. должны подстраиваться под массовый узус; с другой – адресат, привычно рассматривающий язык СМИ в качестве речевого эталона, усваивает упомянутую “усредненность”, а порой и огрубленность как некоторый образец речевого этикета.

В связи со сказанным представляется не вполне “работающей” (во всяком случае, для современного периода) систематизация типов речевой культуры, приводимая О.Б. Сиротининой. Эта систематизация основывается прежде всего на учете степени образованности индивидуума. В соответствии с этим различаются следующие типы речевой культуры: элитарный (у сравнительно узкого круга образованных людей, с ориентацией на классическую литературу); среднелитературный (с опорой не на классическую литературу, а на узковедомственные тексты, второсортную художественную литературу, средства массовой информации); литературно-разговорный, когда неточность и неряшливость речи проникают за пределы неофициального общения, что особенно характерно для журналистов некоторых газет и радиостанций); фамильярно-разговорный; просторечный (малообразованные граждане) (Сиротинина 1996: 362–363).

Изучение узуса современной публичной и официальной коммуникации, действительно, все более убеждает в возрастании частотности употребления так называемых “смешанных текстов”, являющихся следствием намеренной или же спонтанной межидиомной интерференции. Иногда, впрочем, это происходит по незнанию (или же игнорированию) правил речевого этикета, характерных для той или иной конкретной ситуации общения или же из своеобразного речевого кокетства; ср. вступительный комментарий ведущего программы “Маяк” (радио 1995): “*Сейчас выступит академик, видный специалист в области социологии, профессор Бестужев-Лада, который ответит на вопросы с подачи нашего корреспондента*” (в подобном несколько торжественном вступлении использование спортивного сленгового выражения “с подачи” вряд ли является уместным). Аналогичный характер имеет высказывание журналиста, ведущего информационную программу радиостанции “Эхо Москвы”, неоднократно повторенное в течение дня: *Патриарх Алексей II взял таймаут. Он будет жить на своей даче* (май 1997 г.). Ср. также реплику из диалога двух ведущих на радиостанции “Эхо Москвы” (1998 г.): “*Ну что, кого там еще замочили?*” (перед этим прошла информация о криминальном убийстве). Впрочем, тут же, вполне оперативно, последовал телефонный звонок слушателя, осуждающего употребление заимствования из криминального сленга. Свою роль, очевидно, играет и намеренный эпатаж, являющийся в какой-то мере протестом против унылого однообразия, клишированности официального стиля и т.п.

Диссонирующий характер, на наш взгляд, носят услышанные нами разговорные включения в текст торжественной проповеди (храм св. Якуба в Праге, 1990 г.), например: *Tuhle jedna paní říkala...; Willzoňák* вм. *Willzonovo nádraží; velikánský* и т.д. Очевидно, в намерения говорящего входило установление доверительных отношений с прихожанами. Ср. также наблюдения 1995 г. (там же): (о Иоанне Крестителе) *prošli obrovským zkouškama a překážkami; úžasné, senzačně* и т.д. Нельзя, впрочем, не отметить усиливающуюся тенденцию намеренного “снижения” пафосности сакральных, особенно устных, текстов, приближения их к повседневному языку.

Усиление влияния разговорной стихии на узус публичного, в том числе официального, общения, особенно заметно в устной коммуникации, менее регулируемой (по сравнению с письменной) авто- и внешней цензурой и, соответственно, более проницаемой для внешнего влияния.

Важную роль играет и то, что СМИ (как устные, так и письменные) во многом выходят из-под централизованной языковой опеки.

Широкое тиражирование смешанных текстов в СМИ, т.е. в сфере престижного (а во многом и эталонного) языкового употребления, не может не оказывать влияния на речевое поведение индивидуума и социума в целом. См. по этому поводу наблюдение О.Б. Сиротининой: “С каждым годом круг носителей фамильярно-разговорного типа речевой культуры (под последним имеется в виду широкое использование, особенно молодежью Саратова, сниженной, жаргонной и бранной лексики и т.д. – Г.Н.) расширяется, постепенно захватывая и более взрослые круги образованного населения города, ориентирующиеся в своей речи на нормы повседневного бытового общения даже в официальной обстановке, и средства массовой информации, главным образом – телевидение” (Сиротинина 1996: 362–363).

Конечно, можно по-разному реагировать на подобные явления, однако, хотим мы того или нет, постепенная эволюция речевой эстетики, изменение привычных стилистических норм в сторону большей экспрессивности, неконвенциональности, порой огрубленности, по-видимому, следует воспринимать как некую данность, как веяние времени, обусловленное в том числе и экстралингвистическими факторами (так, возрастающая криминализация общества не может не способствовать усилению влияния криминального сленга). В значительной степени это общезыковая универсалия. Сказанное, несомненно, будет стимулировать динамику литературной кодификации, уменьшать (но не элиминировать!) дистантность между регулируемым и нерегулируемым речевым поведением.

Разумеется, было бы желательным, чтобы в сфере официальной публичной коммуникации (как письменной, так и устной) появление иноидiomных (особенно сленговых) включений было бы актуализованным, а не свидетельствовало об элементарной речевой небрежности, своего рода речевом нигилизме. Это тем более важно, так как в “альянсе” литературной и разговорной речи позиции первой, вопреки распространенному мнению, более уязвимы; разговорная речь, напротив, имеет более прочные и мощные корни в языковом сознании носителей этнического языка.

В связи с возрастанием частотности смешанных текстов большое значение для оценки состояния современной языковой культуры и языкового воспитания приобретает оппозиция “актуализация–автоматизация речевого поведения”. В социолингви-

стической литературе она разработана, на наш взгляд, совершенно недостаточно (интересный материал по этому поводу см.: Савицкий, Шишкова 1994). Важно, однако, иметь в виду, что иноидиомные включения могут представлять собой либо **актуализованную** цитацию, несущую вполне определенную смысловую или же стилистическую нагрузку, либо являться результатом **смешения** разных норм, обусловленного спецификой индивидуальной языковой компетенции. В последнем случае коммуникант автоматически проецирует собственные речевые навыки на порождаемый им текст, независимо от того, в каком коммуникативном ареале он будет использоваться.

Небезытересные наблюдения над динамикой узуса публичной коммуникации на чешском языке после ноябрьских событий 1989 г. делает Й. Крауз. Так, в частности, он говорит о наличии двух, в сущности, противоположных тенденций. С одной стороны, это намечающиеся попытки формирования стиля рафинированной конверзации “зажиточных, но при этом образованных слоев” (своего рода “салонный язык” для образованных богатых). Перспективность этих попыток, очевидно, покажет ближайшее будущее. С другой стороны, речь идет об усиливающемся влиянии молодежного сленга. По поводу последнего он отмечает следующее: “Привлекает к себе внимание язык некоторых частных радиостанций, усиленно стремящихся создать свой специфический узус. Копируя речевые особенности молодежи, они намеренно культивируют отличие этого узуса от литературной нормы. Чаще всего это касается морфологии и проявляется во включении (с разной степенью частотности) элементов *obesně češtiny*. Наряду с этим, имеется также в виду использование непривычных произносительных норм и интонационных моделей, возникших под влиянием английского языка (нередко здесь сказывается влияние телевизионной программы CNN, а также дикции западных дискжokeев)” (Kraus 1996: 5).

Интересно, что О. Мюллерова предлагает разграничить два вида радиовещания, ориентированные на аудиторию различной возрастной принадлежности: частные радиостанции, в число слушателей которых входит, главным образом, молодежь до тридцати лет (чаще всего это посетители парикмахерских и косметических салонов средней руки, шоферы автобусов и под.); государственное радиовещание, адресованное лицам среднего и старшего возраста. Примечателен и дифференцированный подход к использованию языковых средств: в первом случае это столь типичное для современного устного узуса смешение кодов или же

варьирование в рамках одного и того же высказывания литературных и нелитературных форм; во втором – преимущественное соблюдение литературной нормы, более нейтральной в эмоциональном отношении, с выраженным стремлением к построению культивированного текста (Müllerová 1996: 204–205).

Говоря о тенденции массовизации, усредненности речевой культуры, следует, очевидно, упомянуть и о влиянии языка рекламы, ориентированной на массового, зачастую весьма непритязательного потребителя. Данная коммуникативная ориентированность предопределяет и соответствующий подбор выразительных средств, имитирующих доверительность, “свойскость”. Сказанное особенно характерно для отечественной рекламы, которая, переживая период своего становления, избобилует не только доморощенным юмором, но и жаргонизмами (иногда это обусловливается намеренным эпатажем аудитории, желанием ее шокировать и тем самым пробудить интерес к рекламируемому изделию). Приведем примеры из некоторых реклам, появившихся в то или иное время на ТВ: *Немецкая кухня! Обалденный сервис!* (ТВ); *Халящик ты, Леня* (ТВ); и *на́ликом* (т.е. наличными. – Г.Н.) (ТВ); *я поехал за шмотками в Турцию. Крутой навар получился* (ТВ); *шестьдесят баксов, и ты выглядишь круто* (радио); ср. также языковые ошибки в тексте рекламы: *Я беру одну драже* (вм. одно драже) (ТВ). Ср. также языковую небрежность рекламы лекарственных трав в метро (1998 г.): *От всех недуг – лес и луг* и т.п.

Язык рекламы представляет собой весьма интересный объект для лингвистического анализа. По сути, это цельные минитексты с четко обозначенной коммуникативной стратегией, их внутренняя организация подчинена задаче коммуникативной успешности – намерению привлечь внимание потребителя, т.е. они явно прагматичны. Рекламные тексты могут быть как монологическими, констатирующими (*Když mobil, tak chci, aby fungoval; Tučinka Fit št'avnatá a chutná; Je mnoho možností, ale jen jedno softworové řešení; bezpečné spojení se světem*), так и диалогическими, содержащими совет покупателю, устанавливающими с ним доверительные отношения – не случайно во многих из этих текстов используются “ты”-формы (*Dejte světu počítači tvář; Coca-Cola a máš vyhráno. Překvapení pod každým víčkem; V nouzi poznáš dobrou pojišť'ovnu*). Интересны рекламы и в том отношении, что зачастую они довольно точно отражают некоторые особенности современной языковой ситуации, например приток заимствований, в настоящее время чаще всего англицизмов (несколько комично

выглядит такая вывеска, как *Krby & Kamna* (Камины & Печи) (перевод наш. – Г.Н.) или же русск.: *Шкафчики & Диванчики* и пр. Ср., например, как “обыгрывается” заимствование в тексте рекламы в метро (2002 г.). *Лучшая fishka* на Вашем столе* (на фоне аппетитных рыбных консервов), в которой англицизм расшифровывается следующим образом: *fish* – рыба по-английски; *фишка* – рус. разговорное ‘изюминка’.

Наметившаяся к концу XX в. смена речевого эталона и, соответственно, правил речевой эстетики представляет собой явление вполне закономерное, и, независимо от того, нравится нам это или нет, оно должно приниматься как реальность, сообразно которой, наверное, было бы разумно гибко варьировать языковое воспитание, а не действовать по принципу “перста указующего и карающего”.

ПОДСИСТЕМА ЯЗЫКОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕРЕГУЛИРУЕМОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ (НЕПРИНУЖДЕННОЕ ПОВСЕДНЕВНОЕ ОБЩЕНИЕ)

Языковое обеспечение данного ареала общения нами определяется как “разговорный язык”.

В связи с тем, что данное понятие в литературе трактуется неоднозначно, имеет смысл остановиться на нем несколько подробнее.

В отечественной социолингвистике под этим феноменом чаще всего имеется в виду **конкретная** языковая формация – разговорный **литературный** язык, используемый носителями литературного языка (РР). Поскольку разговорный язык включается в состав литературного языка, оба они имеют идентичный состав носителей. Принадлежность к их числу **напрямую** увязывается с образовательным цензом, высота которого, не являясь жестко заданной, может колебаться в определенных пределах: высшее (незаконченное высшее) или же в крайнем случае среднее образование.

В схемах членения этнического языка разговорный литературный язык в качестве самостоятельной позиции не указывается. Ср. схему членения современного русского языка в монографии Л.П. Крысина (Крысин 1989): литературный язык; территориальные диалекты; просторечие; профессиональные жаргоны; групповые жаргоны; молодежный жаргон. Сходной схемой пользуются также Е.А. Земская и ее коллектив (ср.: Земская и кол. 1973; Земская, Китайгородская, Ширяев 1981).

При характеристике этого феномена в русском языке ученые единодушно определяют его как **некодифицированное** употребление **литературного** языка (позиция Е.А. Земской, Л.П. Крысина, О.А. Лаптевой и др.). Расхождения наблюдаются лишь при установлении объема этого понятия. Так, О.А. Лаптева, по нашему мнению, в большей степени сдвигает это понятие вглубь литературного языка, включая в зону “разговорности” и такие проявления “устно-разговорной разновидности литературного языка”, относимые обычно к кодифицированному литературному языку, как речь публичных выступлений (лекций, докладов, радиовыступлений, в том числе и в таких программах, как “Последние известия”, и пр.) (Лаптева 1976: 42). Е.А. Земская, напротив, расширяет понятие литературной разговорности за счет включения в него речевых проявлений, которые, как нам кажется, трудно квалифицировать как литературные. Так или иначе, практически все исследователи выводят за пределы разговорной речи такие явления, как территориальные диалекты, арг, просторечие, имеющие “лишь устное бытование” (Лаптева 1976: 75). Особого упоминания заслуживает позиция А.И. Горшкова (Горшков 1983), который, развивая взгляды Л.В. Щербы, считает целесообразным противоположение разговорного и литературного языков.

Что касается позиции болгарских ученых, то они, также квалифицируя болгарскую разговорную речь как литературный феномен (“литературно-разговорная речь”), допускают (подобно О.А. Лаптевой) наличие у нее кодифицированной и некодифицированной нормы. Так, к примеру, В. Попова (Попова 1980) дифференцирует ее на истинную и неистинную (*същинска-несъщинска*). Истинная разговорная речь является аналогом РР (однако она может иметь и кодифицированную, и так называемую стихийную норму); неистинная представляет собой публичную устную кодифицированную литературную речь. Соответственно “устные языковые (коммуникативные) акты, реализуемые на основе диалектов (территориальных и социальных), в состав разговорной речи не включаются” (Там же: 64).

Сходную точку зрения высказывает и И. Ликоманова, относящая к разговорной речи и официальный разговор, зачастую представляющий собой устную реализацию письменного текста (отсутствие речевого взаимодействия), и спонтанное общение в неформальной обстановке при неформальных отношениях между собеседниками (Ликоманова 1992: 199). Впрочем, речевая свобода в последнем случае все же несколько лимитируется: запрет

налагается на диалектизмы, сленгизмы, а также элементы, имеющие особенно выраженную эмоциональную окраску (Там же).

У польских лингвистов в трактовке феномена разговорного языка (*język potoczny*) нет единодушия. Так, Я. Мазур интерпретирует его как “повседневную, обиходную разновидность языка неофициального характера, которая используется людьми, говорящими на литературном языке, освоенном ими или дома, или же путем специального обучения. Разговорный язык имеет, таким образом, наддиалектный характер, поэтому отнесение этого термина к народным говорам лишает его четкости и делает многозначным” (Мазур 1986: 11).

Несколько иная позиция у А. Фурдаля и А. Вильконя (ср.: Фурдаль 1990; Вильконь 1979), которые более широко трактуют понятие “разговорный язык” (*język potoczny*). В понимании А. Вильконя последний проходит через все манифестации устно-го современного польского языка. Соответственно феномен *język ogólny* у него дифференцируется на литературный и *potoczny* (т.е. разговорный). Народные говоры также подразделяются на манифестацию, функционирующую в повседневном общении (*potoczny*) и так называемый “язык фольклора”. Наконец, тот же самый *język potoczny* функционирует и как самостоятельная манифестация, квалифицируемая как “смешанный язык”.

По концепции Д. Брозовича (Брозович 1967; Brozović 1973), под “разговорным языком” имеются в виду **интегрированные** языковые идиомы, осциллирующие между диалектами и литературным языком. Соответственно в составе разговорного языка вычленяются две разновидности: с одной стороны, интердиалектная; с другой – близкая к литературному языку, но находящаяся тем не менее за его пределами. В этой своей второй ипостаси разговорный язык, по мнению ученого, “находится в паразитическом симбиозе” с литературным языком. С последней оценкой, впрочем, трудно согласиться, тем более, если учесть, что разговорный язык является генетически первичным. Именно в нем рождаются многие динамические импульсы, стимулирующие развитие этнического языка, и в том числе литературного.

В современной чешской лингвистике единство мнений по этому вопросу отсутствует. Так, часть исследователей распространяет статус разговорного идиома (типа РР) на феномен *hovořová čeština*, который либо включается в состав кодифицированного литературного языка, либо непосредственно к нему примыкает (ср.: Jedlička 1974). Данная точка зрения на протяжении многих лет была доминирующей, однако в последнее время все чаще

начинает высказываться сомнение в правомерности признания за феноменом *hovorová čeština* самостоятельного статуса. Так, Фр. Данеш вообще оценивает его как своего рода “химеру” (Daneš 1988: 24). Впрочем, П. Сгалл и Й. Гронек (Sgall, Hronek 1992) все же не исключают возможности формирования подобного литературного идиома в будущем, видя в этом одну из стратегических задач языковой политики.

В современной богемистике все большее предпочтение отдается использованию понятия *běžně mluvený jazyk*, под которым имеется в виду совокупное обозначение языковых средств (т.е. всех языковых идиомов), функционирующих в непубличных спонтанных устных диалогических высказываниях (ср.: Křtsová 1981: 9). На русский язык термин *běžně mluvený jazyk* обычно переводится как “обиходная речь, повседневная разговорная речь”, мы же предлагаем иной терминологический аналог – “устный язык повседневного общения” (см. по этому поводу также следующую главу).

Об отсутствии ясности в интерпретации словацкого разговорного языка пишет Кл. Бузашиова (Buzássyová 1989: 111).

ИНВЕНТАРЬ РАЗГОВОРНЫХ МАНИФЕСТАЦИЙ

Уточняя наше понимание этого феномена, отметим, что мы имеем в виду не какой-то конкретный языковой идиом, а **совокупность** языковых манифестаций, используемых при непринужденном повседневном общении. Таким образом, речь идет о широкой шкале различных манифестаций, детерминированных по социальному, возрастному, профессиональному, территориальному признакам.

В число разговорных входят как **структурные** образования более выраженными системными признаками (территориальные диалекты), так и образования **неструктурные** – жаргоны, сленги. В соответствии с нашей концепцией литературный язык среди разговорных манифестаций отсутствует, тем не менее в виде своей устной разновидности он все же может использоваться в качестве средства непринужденного общения определенным кругом лиц.

Помимо этого, в составе данной подсистемы имеются интегрированные языковые манифестации, о которых будет сказано ниже.

В отличие от подавляющего большинства исследователей мы не видим основания для выведения за рамки разговорной речи

территориальных диалектов. При этом мы исходим из того, что последние имеют идентичную с остальными разговорными идиомами структурную организацию текста (диалогическое строение), а также все основные атрибуты разговорной речи. Мало того, они используются в том же самом функциональном ареале непринужденного повседневного общения.

В большинстве славянских языков территориальные диалекты до сих пор довольно хорошо сохранились, имеют большое количество своих носителей и даже активных пользователей, т.е. отнюдь не являются реликтовыми образованиями, которые могут игнорироваться. В современной коммуникации их функциональный спектр также достаточно широк: они используются не только как средство бытового и внутрисемейного общения, но и в сфере культуры (ср. художественная стилизация речи персонажей, фольклорные тексты и пр.). У “островных” лингвоэтнических групп, как уже отмечалось, диалекты нередко функционируют в высших коммуникативных функциях, являясь в своем роде аналогами литературного языка метрополии. Наконец, они играют роль языка так называемой “малой родины”, служа средством этнолокальной идентификации. Навыки владения диалектной речью подсознательно сохраняются даже в тех случаях, когда носители того или иного этнического языка становятся активными пользователями литературного языка, применяя в своем повседневном общении иные, уже не диалектные, а интегрированные разговорные идиомы. В этом случае использование местного говора при посещении родных мест, в общении с родственниками или же земляками нередко приобретает характер доверительности, своеобразного землячества (ср. по этому поводу: Chloupek 1986).

В рамках разговорной речи (впрочем, и в системе этнического языка в целом) диалекты являются единственным идиомом, имеющим, наряду с региональной, социальную маркированность. Важно также отметить, что в отличие от других манифестаций разговорной речи диалекты обладают достаточно четко оформленной конвенциональной нормой. Их структура, однако, не комплектна, в ней есть множество лакун, заполнение которых (за счет других идиомов, в частности и литературного языка) неминуемо превращает исконно гомогенную норму в норму гетерогенную.

Релевантной основой объединения языковых манифестаций под общим названием “разговорный язык” является не только их изофункциональность, т.е. обслуживание одного и того же ареала

с нерегулируемым (или же с ослабленной регулируемостью) речевым поведением, но и наличие у всех у них сходных дифференциальных признаков. К их числу относятся, например, следующие: а) устное воспроизведение текста (уточним, что “устность” не является прерогативой лишь разговорного языка, устным может быть и литературный язык); б) нерегулируемость речевого поведения, проявляющаяся в ослабленном речевом самоконтроле (автоцензуре) и в отсутствии внешней языковой цензуры в виде кодификационных предписаний; в) диалогический характер организации текста; г) спонтанный отбор языковых средств, не исключаяющий, впрочем, возможности их некоторой корректировки в ходе коммуникативного взаимодействия собеседников; д) вариативный характер нормы; е) стихийный характер эволюции нормы (у территориальных диалектов, также включаемых нами в состав разговорного языка, норма является конвенциональной, т.е. она соблюдается в рамках конкретного региона распространения данного диалекта); ж) континуальная, т.е. непрерывная динамика нормы; з) стихийный характер освоения нормы (не через систему специального обучения); и) гетерогенность инвентаря языковых манифестаций; к) альтернативность выбора идиома; л) замедленное протекание центрации языковых манифестаций, т.е. формирования общезнаковой разговорной речи и т.п. Имеются и другие более конкретные структурные признаки.

По всем перечисленным выше параметрам языковое обеспечение данного коммуникативного ареала контрастирует с языковым обеспечением ареала высших коммуникативных функций (см. таблицу на стр. 59–60). Эти отличия затрагивают важнейшие аспекты строения и функционирования обеих подсистем этнического языка, что является красноречивым подтверждением правомерности их обособления друг от друга.

К числу конституирующих признаков феномена разговорного языка относится, с одной стороны, отсутствие **жесткой** регулируемости речевого поведения; с другой – использование специфического выразительного ряда. Все это обеспечивает ту степень речевой и эмоциональной свободы, вербальной комфортности, которая столь необходима для непринужденного повседневного спонтанного общения.

В состав этого ареала нами не включаются не только такие виды устной межличностной коммуникации, как официальное общение (ср. дипломатические переговоры и пр.), но и полуофициальное общение людей при отсутствии доверительных отношений, например разговор лиц с различным социальным стату-

сом (“начальник – подчиненный”), настороженное общение малознакомых людей и пр. Сопутствующая этим видам общения коммуникативная установка предполагает выстраивание определенной речевой стратегии, обусловленной наличием психологического барьера между коммуникантами, что исключает непринужденность речевого поведения, делает его контролируемым и, соответственно, регулируемым.

Одной из характерных особенностей непринужденного повседневного общения является **непосредственное, контактное** взаимодействие собеседников в ходе повседневного межличностного общения как внутри семьи, так и за ее пределами. Неслучайно появление любого физического препятствия, отделяющего собеседников друг от друга (стена, закрытая дверь и пр.), использование любого устройства, опосредующего общение (телефон, телеграфный аппарат, факс, пейджер и пр.), как уже ранее отмечалось, нарушают атмосферу непринужденности, делают неизбежным “включение” автоцензуры. Роль своеобразного фильтра, своего рода сдерживающего фактора играет, на наш взгляд, и графическая фиксация речи (письмо, записка и т. д.).

В ситуации непринужденного повседневного общения непрелюбимым условием успешности коммуникативного акта является **соотнесенность** наборов речевых средств, используемых собеседниками, – без этого их коммуникативное и речевое взаимодействие вряд ли будет возможным. Ср. в чешском диалог преступника и следователя в произведении художественной литературы: (преступник) *No přece, že ho nějakej frajer sejmul!* – (следователь) *Vy víte, kdo ho sejmul? – přizpůsobil se Vanha* (Halb sobota 1982). Ср. перевод на русский (перевод наш. – Г.Н.): (преступник) *Да его фраер какой-то снял!* – (следователь) *Вам известно, кто его снял? – подделался под него Ваньга* (т.е. следователь намеренно приспособливается к речевому поведению подозреваемого). Примером речевой интеракции собеседников является и диалог собеседников в программе “Момент истины” на телевидении в 1997 г. (его участники – журналист и известный профессор, изъясняющийся сугубо литературно). В ходе этого диалога журналист последовательно произносит *феномэн*; профессор же, хотя ему и привычнее произносить *фенóмен*, тем не менее в ряде случаев все же приспособливается к речи журналиста, чтобы его не обидеть, произнося так же, как и он, *феномэн*.

Непринужденное повседневное общение не имеет строгой локализации, оно может происходить в семье, на работе, в учебном заведении, в магазине, в городе, деревне и т.п. Ему свойст-

венна **любая** тональность: от нейтральности или же дружелюбности вплоть до враждебности (по непонятной причине в литературе обычно упоминается лишь дружелюбное общение).

Функционирование этнического языка в ареале непринужденного повседневного общения, и это мы хотим особенно подчеркнуть, является одним из важнейших показателей его жизнеспособности. Утрата языком этой функции лишает его живой силы, превращая в язык мертвый. В силу **непрерывности** поступательного развития нормы разговорных идиомов (в отличие от литературного языка, континуальность развития которого по тем или иным причинам может прерываться) они играют важнейшую роль в сохранении этнического самосознания, стабильности этнической традиции.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА

Неофициальность, непубличность, спонтанность и непринужденность коммуникации, подкрепленные тесным контактным взаимодействием говорящих, являются теми коммуникативными предпосылками, которые способствуют формированию таких выразительных примет любого разговорного дискурса, как диалогическое построение высказывания, его линейное развертывание, отражающее поток сознания (отсюда особая значимость контекста), повышенная экспрессивность (наличие эмфаз, различного рода оценочной лексики, клиширование), апеллирование к внеязыковой реальности, связанное с подключением внеязыкового ассоциативного ряда. При этом, как правило, предполагается наличие у собеседников некоторой сходной информационной основы разговора (именно это, на наш взгляд, является одной из причин появления эллипсисов). Ср. разговор в очереди: *Где вы купили яички? – Да там, где глухонемые. На бульваре* (в данном случае речь идет о бульваре перед “Театром мимики и жеста” в Измайлово, где играют глухонемые артисты, т.е. предполагается осведомленность собеседников) или *Принеси мазалку, смажь горло люголью*, где также имеется некоторое сходное представление об искомом предмете у обоих участников коммуникативного акта.

Важной особенностью разговорной речи является то, что используемый в ней выразительный ряд допускает активное подключение **невербальных** средств (например, жестикуляции, мимики и пр.). Это, с одной стороны, делает возможной

определенную недосказанность коммуниката; с другой, что весьма существенно, обуславливает **экономия** языковой материи. Приводимые ниже факты во многом подтверждают это наблюдение, поскольку практически во всех случаях речь идет о языковой экономии.

К числу типичных особенностей разговорной речи относится и ее **ускоренный** темп, приводящий к упрощению групп согласных, стяжению и элиминированию целых речевых сегментов; ср. в м. *сейчас, вообще, будет, говорит, человек, новость, Мария Павловна, Мария Ивановна* и пр. – соответственно *ща, воище, буит, грит, чек, новоссь, Марьпаллна, Марьванна* (ср. также чешское *čěče, dyt', dycky, kerej, ěákýho, ěák, třa* и многие другие в м. соответственно *člověče, vždýt', vždycy, který, nějakého, nějak, třeba*) и т.п.; ср. также просторечное *боисся, нарываеяся* в м. *боишься, нарываеяшься*. Приведем пример из В. Высоцкого: *Ты, Зин* (с особой усеченной формой зв. падежа), *на грубось нарываеяся* и пр. Примечательно, что некоторые иностранцы, даже хорошо владеющие русским языком, улавливая наличие в русской разговорной речи усеченной формы звательного падежа, иногда могут употребить ее и на письме, что не вполне корректно для русской письменной речи: *Галь, напиши мне, пожа-луйста...*

Особый интерес представляет словообразование разговорной речи, характеризующееся значительной активизацией деривационных возможностей. Это проявляется в большей регулярности воспроизведения традиционных деривационных схем, в повышенной частотности использования тех или иных структурных преобразований, а также в их разнообразии (см. по этому поводу, в частности, Нецименко 1973). Особенно примечательным является широкое применение таких словообразовательных приемов, которые в конечном итоге способствуют большей **компрессации** речи, усилению ее **экспрессивности** – мы имеем в виду прежде всего явление универбизации, т.е. свертывания многословных наименований в одну лексему. Ср. в русском языке: *вольник – спортсмен, занимающийся вольным стилем, например в плавании; маршрутка – маршрутное такси; напряженка, напярэ – напряженная ситуация; наличка, нал, налик – наличные деньги; опорник (профессионализм) – больной с заболеванием опорно-двигательной системы; сольник – сольный концерт; неучтенка – неучтенные доходы; машиновременцы – музыканты из ансамбля “Машина времени”; гуманитарка – гуманитарная помощь; минималка – минимальная зарплата; Пушка – Пушкин-*

ская площадь; *Горбушка* – Дворец культуры имени Горбунова; *фальшак* – поддельный (фальшивый) алкоголь; ср. также в контексте “подать на *постоянку*” (на постоянное местожительство – при подаче заявления на эмиграцию); *повременка* – временная оплата (за телефон и за труд), *сделка* – сделанная оплата либо новый универб “*виртуалка*”, правда, закавыченный, употребленный, наряду с *виртуальная реальность*, в тексте одной и той же статьи в “Новой газете” за 1998 г. и многие другие. Приведем чешские примеры: *celovečerač* – *celovečerní film*; *děcák* – *dětský domov*; *fiňák* – *finský domek*; *kožák* – *kožený kabát*; *Kulat’ák* – *Kulaté náměstí*; *Maliňák* – *náměstí Malinovského*; *Václavák* – *Václavské náměstí*; ср. также на вывеске булочной в Праге: *Pekařství u Strossmayeráku* (*Strossmayerovo náměstí*); *obchod’ák* // *obchodňák* – *obchodní dům*; *pedák* – *pedagogická vysoká škola*; *plyšák* – *plyšová revoluce* (шутливое); *samet’ák* – *sametová revoluce*; *spacák* – *spací pytel*; *snubák* – *snubní prsten*; *cestovka* – *cestovní kancelář*; *odpoledka* – *odpolední přestávka*; *rozvodka* – *rozváděcí kleště*; *závodka* – *závodní jídelna*; *Paláč* – *náměstí Palackého*; *Ipáč* – *náměstí (stanice) I.P. Pavlova*; *polárkáč* – *polárkový dort*; *totáč* – *totalitní režim*; *sekáč* (встречается на вывеске магазина *Second Hand*); *dálkař* – *dálkově studující*; *trvča* – *trvalá (ondulace)* и др.

Большей компрессии речи служит и образование таких компактных обозначений, как *челночить* “сновать с товарами, как челнок, туда и сюда”; *бомжевать* “жить, как бомж”; *инженерить* “работать инженером”; разговорные профессионализмы: *попыточные данные* “данные о попытках самоубийства”; *маячная информация* «информация, передаваемая по радиостанции “Маяк”»; *новостные передачи* “передача новостей по радио и ТВ” и пр. Подобные примеры широко встречаются в современной прессе.

Экспрессивную нагрузку несут различного рода усечения структуры слова, граничащие порой с ее намеренной деформацией. Данная процедура получила особое распространение в чешской разговорной речи; ср.: *bezvadně* – *bezva*; *dvojka* – *dvója*; *družina* – *družá*; *frajer* – *frája*; *katastrofa* – *kát’a*; *konzervatoř* – *konz-erva*; *profesor* – *prófa*; *režisér* – *réža*, *rejža*; *ředitel* – *říd’a*; *senzačně* – *senza*; *svačina* – *sváča*; *tragédie* – *trága*; *učitel* – *úča*; *večeře* – *věča*; *vzrušení* – *vzrušo*; *žurnální služba* – *žúra* (ср. на вывеске ресторана *svařo*, *limo*, *nealko* вм. *svařené víno*, *limonáda*, *nealkoholické nápoje* или же в контексте: *jen něco lehkého k pití nějaké nealko*. 1978. J. Švejda. *Dva tisíce* – Архив Института чешского языка) и многие другие. Ср. также рус. *преп* – *преподаватель*; *фак* – *факультет*;

универ – университет; *мерс* – мерседес; *комп* – компьютер; *кор* – корреспондент и пр. В числе приводимых примеров есть немало студенческих жаргонизмов.

Ярко выраженной экспрессивностью отличаются и дериваты с ударным суффиксом типа *псевдúха*, *порнúха*, *прессúха*, *чернúха*, *экзистúха* и др., приводившиеся нами выше.

Некоторые из перечисленных особенностей отмечаются и в устном литературном языке, однако там их использование имеет меньшую частотность и проводится менее последовательно, чем в разговорной речи.

Выбор конкретной речевой манифестации, подходящей для той или иной коммуникативной ситуации, определяется комплексом факторов: языковой компетенцией говорящего, стремлением к коммуникативной комфортности, желанием быть понятым, нежеланием обращать внимание посторонних на свои речевые навыки (“чтобы не смеялись, не передразнивали”) и т.п. Однако в целом здесь отчетливо прослеживается функциональное пересечение языкового обеспечения обоих ареалов.

В выборе языковых средств немалую роль играет инерция привычного речевого поведения индивидуума. Так, если в ситуации непринужденного повседневного общения оказываются люди, профессионально связанные с использованием литературного языка, имеющие устойчивые навыки культивированного устного общения, речевой саморегламентации (например преподаватели старшей генерации, главным образом, словесники и пр.), то они в силу сложившейся привычки могут использовать в функции разговорного идиома (хотя далеко не всегда так делают) устный, но не разговорный (!) литературный язык. Нельзя, однако, не учитывать, что употребление литературного языка в данном ареале является не престижным, а маркированным, поскольку его норма диссонирует с коммуникативной нормой данного ареала. Мало того, это может сопровождаться появлением негативных коннотаций, истолковываться окружающими, например, как отсутствие сердечности, желание противопоставить себя собеседнику, установить дистанцию и пр.; ср. в чешском языке диалог между учителем и учениками (речь идет об ученике, влюбленном в свою одноклассницу) в произведении художественной литературы: (учитель) *Zamilovaný?*; (ученики) *On je zamilovanej!*; (учитель) *Do koho?*; (ученики) *Do Kutilový* (Vlasta 1982). В данном примере реплики учителя, очевидно, для сохранения социальной и генерационной дистанции выдержаны в литературной огласовке, реплики детей – в разговорной (obecná čeština). Примечателен и диалог ме-

жду отцом и ребенком: (отец) *Koukej se obléknout*; (ребенок) *Mě oblíká maminka* (Vlasta 1982), где в речи рассерженного отца глагол имеет литературную огласовку, в речи ребенка – разговорную и пр. Как пишет М. Крчмова, “сестрам в яслях и воспитателям в детских садах вменяется в обязанность говорить с детьми на разговорном литературном языке. Впрочем, не всегда эта обязанность неукоснительно выполняется” (Křčmová 1990: 130).

Данное обстоятельство представляется весьма существенным, так как в условиях непринужденного общения, основывающегося на тесной интеракции собеседников, факт несоответствия речевой и коммуникативной норм может нарушить контактное взаимодействие коммуникантов.

Мнение о функциональной универсальности литературного языка и, в частности, о возможности его использования не только в ареале регулируемого речевого поведения, но и как средства неофициального общения (в том числе и внутрисемейного), имеет среди исследователей весьма широкое распространение. Как полагает Р.П. Усикова, у македонцев литературный язык в этой сфере используется, начиная с 1950 г. Сам по себе факт столь точной хронологизации использования литературного языка в ареале нерегулируемого речевого поведения не может не вызывать сомнения, тем более, что по утверждению той же исследовательницы, период с 1950 по 1970 г. был всего лишь “периодом привыкания к использованию македонского литературного языка как основного средства официального и полуофициального общения и вытеснения прежних навыков использования сербскохорватского языка” (Усикова 1994: 223). Иными словами, в один и тот же период македонский литературный язык, с одной стороны, еще не вполне утвердился в сфере официального и полуофициального общения; с другой – уже служил комфортным средством спонтанного, непринужденного, повседневного общения. Об уязвимости этого утверждения свидетельствуют, впрочем, и наблюдения, сделанные тем же автором во время его пребывания в языковой среде: “Проф. Л. Минова-Гюркова дома со своими детьми (студенткой и молодым дипломированным специалистом) разговаривает на скопском городском койне (просторечии), со мною – иностранкой-македонистом – на чистейшем литературном македонском языке” (Там же: 230). Таким образом, реальные факты подтверждают обратное: в ситуации самоконтроля, т.е. регулируемого речевого поведения (общение с иностранкой), используется литературный язык; в непринужденном общении с близкими людьми – более привычный разговорный идиом.

СТРУКТУРИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА ПОДСИСТЕМЫ НЕРЕГУЛИРУЕМОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Структурирование языкового пространства в ареале нерегулируемого речевого поведения сопряжено с немалыми трудностями, поскольку многие из методических приемов, эффективно используемых при анализе языкового обеспечения ранее рассмотренного ареала, здесь не всегда дают желаемый результат. Причина этого – не только множественность форм реализации разговорной речи. Не менее важно и отсутствие **рельефного** членения языкового континуума на отдельные системные манифестации, или же формы существования языка.

Как показывает проведенное исследование, при построении разговорного дискурса норма какого-то одного идиома, как правило, строго не соблюдается. Чаще всего в этом случае приходится иметь дело со **смешанными** текстами, соединяющими в себе элементы **разных** идиомов. Данное явление, разумеется, можно наблюдать и в литературных текстах, однако там это регулируется действием различных форм речевого контроля.

Тем самым для получения более или менее адекватного представления о характере вербальной коммуникации в ареале непринужденного повседневного общения необходимо либо изменить критерии оценки самого текста с учетом **паролевой** (коммуникативной) коррекции, либо скорректировать традиционно сложившееся представление о языковом идиоме как о целостной и гомогенной структуре, наделенной выраженными системными признаками. Так или иначе, одного лишь “идиомного” (т.е. “лангвового”) подхода в этом случае оказывается недостаточно.

Существенную роль в гетерогенности дискурса играет повышенная **проницаемость** межидиомных границ, являющаяся одной из характерных особенностей разговорного языка. Это отчетливо проявляется при построении высказывания; ср. многочисленные включения (лексические, морфологические, словообразовательные и пр.) в узус повседневного общения не только из литературного языка, но и из других разговорных манифестаций, например просторечия, профессиональной речи, молодежного сленга, криминального жаргона и т.п.

Функциональное назначение этих включений может различаться. Так, включения из литературного языка, как правило, компенсируют имеющиеся номинационные лакуны. Что касается включений из других разговорных идиомов, то их функция мо-

жет зависеть от специфики конкретной коммуникативной ситуации, от позиции “говорящий–слушающий” и пр. Так, например, при непринужденном общении в профессионально однородной, т.е. корпоративной среде, стилистически нейтральными как для говорящего, так и для слушающего могут быть профессионализмы с ударенной флексией типа *дизеля*, *привода́*, *северá*, *масла́* или же *слесаря*, *токаря*, *тренера́ми*, *компáс*, *Мурма́нск* и пр. За пределами этой профессиональной среды, а также для стороннего слушателя подобные включения могут восприниматься как стилистически маркированные, знаковые; ср. услышанные нами профессионализмы *кекса́* (в речи продавца в магазине, обращенной к кассиру: за *кекса́* не выбивать, т.е. вм. *кексы*) и *вызова́* (в речи врача: у меня сегодня одни *вызова́* вм. *вызовы*, т.е. посещение больных на дому). Ср. также в речи врача (по радио – Эхо Москвы 1997) лечение *опухолéй*, на что сразу же последовала раздраженная реакция слушательницы по поводу неправильно поставленного ударения. Сюда же относятся и шуточные (т.е. стилистически маркированные) реплики типа *отдыхать на юга́х* (т.е. на юге) или же: *где же есть непьющие слесаря́!* (ответ радиокomentатора “Эхо Москвы” 1996, шуточно подстроившегося к узусу радиослушателя, позвонившего по телефону в редакцию). Заметим, что смещение ударения в русском языке нередко может выполнять экспрессивную функцию; ср.: *что ты мне мо́зги пудришь!*

Проницаемость межидиомных границ может проявляться и на **системном** уровне, т.е. при конституировании (на основе типологии определенных видов текста) конкретных разговорных манифестаций. Так, например, жаргонам и сленгам изначально присущ **симбиотический** характер: они сочетают в себе характерные приметы строя разговорной речи и профессиональную терминологическую номенклатуру, подвергнушуюся, впрочем, соответствующей разговорной адаптации. Таким образом, по сути дела, речь идет о лексической надстройке над общеразговорной текстовой основой. Не случайно поэтому, как уже говорилось выше, Вл. Барнет определял данные идиомы как неструктурные формы существования языка.

Не менее важна и другая особенность разговорного языка, тесно связанная с рассмотренной выше. Мы имеем в виду преимущественно **дисперсное** функционирование разговорных манифестаций при построении высказывания.

Как показывают наблюдения, в повседневной разговорной коммуникации, особенно современной, идиомы, в том числе и с

выраженной региональной или же социальной маркированностью, чаще всего функционируют в виде больших или же меньших, обычно разрозненных, включений в тексты, релевантную первооснову которых составляет разговорная речь со всеми присутствующими ей атрибутами, о которых уже говорилось выше.

При этом структурные компоненты тех или иных идиомов нередко выполняют функцию своего рода маркеров, или же речевых мет, свидетельствующих о реальном уровне языковой (и вместе с тем культурной) компетенции индивидуума; ср. *кажний* вм. *каждый*; *волебол* вм. *волейбол* в речи врача, в целом неплохо владеющего литературной нормой. Или же – также в речи врача – в беседе на радио “Эхо Москвы” (1996): *ларинголо/x/*, *хирур/x/*, *гинеколо/x/* (им. ед.); во мн.ч. – последовательно соблюдалось взрывное “г”. Несмотря на наличие подобных отклонений, речь данного индивидуума вряд ли можно квалифицировать как просторечие – скорее всего это рефлексы исходного регионального субстрата. Ср. также: (пожилая женщина в очереди в регистратуру поликлиники, 1995) *я забыла свой страховой полюс*; (беседа старых женщин в период ваучерной приватизации) *пойду в ЖЭК, там маузеры выдают* (в данном случае вместо малознакомого *ваучер* используется сходное и, соответственно, более знакомое *маузер*); (вторая половина 60-х годов – разговор женщин в новом пансионате, корпуса которого назывались тогда еще не очень освоенным в бытовом общении словом “отель”) *в каком ателье ты живешь?* (т.е. малознакомое заимствование заменяется на более знакомое).

Подобные речевые меты нередко встречаются в речи приезжих, не ассимилировавшихся полностью в городском речевом узусе; ср., например, *яво*, *тама*, *слабже* и пр. В речи коренных горожан, в том числе и интеллигенции, их использование, напротив, может быть нарочитым, стилистически маркированным; ср. использование таких просторечных включений, как *чижало*, *не боись*, *терпежу нет*, *не знамо как*, *страсть как хочется*, *ужасти какие-то*, *опять на ефтом самом месте*, *уштамиш*, *выпимиш*, *стаканом*, *бамажка*, *выступать* ‘вести себя’, *намылиться* ‘направиться куда-либо’, *возникать* ‘лезть, выпячивать себя’ и др. (ср. также “дразнилки” типа “*по сялу идет тьялушка...*”) и пр. Ср., например, письменное воспроизведение названия передачи на ТВ “*Щас спюю*” и многие другие.

Дисперсное функционирование разговорных манифестаций в каком-то смысле может исказить реальную языковую картину, создавая впечатление “живучести” феномена там, где на самом деле речь идет уже о некоем фантоме. Так, например, некоторые ви-

ды разговорных манифестаций типа криминального жаргона со временем меняют сферу своего использования, утрачивают исконно присущую им коммуникативную замкнутость, растворяясь в молодежном сленге, просторечии и т.п. Тем не менее отдельные их лексические компоненты продолжают активно, с довольно высокой частотностью, использоваться в узусе, создавая иллюзию жизнеспособности структуры в целом. Важно подчеркнуть, что соответствующие иноидиомные включения очень часто используются людьми, являющимися не носителями, а лишь **спорадически пользователями** (обычно в экспрессивных целях) отдельных элементов того или иного идиома; ср., например: *НТВ шьют дело* (из криминального сленга) – НТВ в связи с передачей “Куклы”.

Действие названных выше факторов (проницаемость и дисперсность) не может не “размывать” норму языковых идиомов, что в свою очередь не может не снижать их операциональную силу как единиц членения языкового пространства, как мерил оценки состояния речевой коммуникации в непринужденном повседневном общении, превращая их лишь в некую **ориентационную сетку**. Сказанное делает более очевидной необходимость пересмотра сложившегося представления о функционировании идиомных структур.

Анализ материала, как собранного нами самостоятельно, так и извлеченного из работ других исследователей, наглядно показывает, насколько затруднительной подчас бывает идиомная маркировка конкретных высказываний (даже при наличии у исследователя некоторой “фоновой” информации о характере языковой компетенции индивидуума).

Используем в качестве примера некоторые тексты, приводимые М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой (Китайгородская, Розанова 1994). Заметим, что для сравнения нами были выбраны два типа текстов, из которых, судя по ремаркам авторов, один (тип А) манифестирует разговорную речь носителя литературного языка; другой (тип Б) – носителя просторечия:

тип А

(студентка-гидролог, не знает о записи): *Вообще-то | И там его опустить, прям сразу | ну это очень сложно | понимаешь | туда надо опускать веревку | У нас Вадик был с лотом || Мы ехали-ехали | значит опускаем там | пять метров, четыре метра | я грю “Вадик заколебал (= надоел, молодежный жаргон. – Г.Н.) такими глубинами” || Я грю “Есть хоть где-нибудь хоть семь?” Нет ||*

Три четыре | три четыре | три четыре | Доезжаем до узкого места такого | это к земснарядам || Значит к нам подъезжает этот самый || гэт “какие глубины?” Мы грим “Ну вот мы щас проверим” || На катере наш преп (= преподаватель, молодежный жаргон. – Г.Н.). || Ждут || Вадик выкидывает лот, и сам еще вот туда вот так вот уходит | Впадина | двенадцать с половиной метров | Он туда еще | рука вообще была вся в воде (с. 100)

(разговор в магазинной очереди): Так! и-и | вот здесь картошка || Я не буду вытаскивать | а то она так хорошо лежит (с. 113)

тип Б

(разговор в магазинной очереди):

а) Я го(во)рю | весь | лагерь || Этот Ху[сейн] / он же тоже коммунист! Вот только так они могут! Хусейн же | он же... он же... У них там не коммунистическая партия, но все равно, вот я ве... портрет Хусейна, э читала || Он значит был как коммунистом | возглавлял революционную деятельность | его из са... страны, его приговорили к смертной казни | в стра... в Ираке | он бежал, там где-то опять группировку где-то... и... и все-таки завоевал власть | с помощью | я... не думаю... с помощью наших коммунистов || И вот это сталинс (кого) || Ну как на Кубе диктат этого... проходимца | Фиделя Кастро ||

Да, я помню! Я еще совсем юная была (с. 109) (обе реплики принадлежат одной и той же женщине. Заметим, что в последнем примере слово “юный” является книжным).

б) Ой гос(по)ди | ну вы же отлично знаете | почему вступали в партию | для того чтобы | по должности подвинуться || Сколько угодно людей вступало не с... и не скрывая говорили | ...да | я хочу быть начальником.

в) У меня... У меня брат военный | он был на Кубе | вот когда там Микоя-ан | вот эта [заварушка] была || И вот он приехал | я и спраш(иваю) || “Коль / ну как?” Он гэт “а как гэт | они гэт только пляшут говорит” (все три реплики принадлежат одной и той же женщине).

г) Вы призываете к гражданской войне! Вы бандит... В митинг превращаете... превратили всю Москву... Зачем это я (буду) выходить (из партии) (с. 111–113).

Во всех приведенных примерах отражена специфика неподготовленного спонтанного высказывания. Нетрудно, впрочем, заметить, что непринужденная речь лиц, являющихся, по пометам авторов, носителями литературного языка и, соответ-

ственно, лиц, таковыми не являющимися, практически не отличается друг от друга. На характер речевого поведения не оказывает влияния и уровень полученного образования (ср. речь студентки, владеющей литературной речью, и носителя просторечия).

Несколько иначе обстоит дело с речью носителя диалекта (приводится там же):

– У Ельцина ни дачи |ничего нету || Чо вы на него-то?... У яво (в)он он ин[тэ]рвью брал | эти (т.е. журналисты. – комментарий авторов) тогда | в Ленинграде (с. 113)

– Свеклы надо взять | там (е) ще ее и не возьмешь || ...Да есть | а подойдешь что ли? Там щас (в)от картошку начали (выгрузать).

ДИНАМИКА ПОДСИСТЕМЫ ЯЗЫКОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕРЕГУЛИРУЕМОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Данная проблема настолько широка и многоохватна, что мы сможем остановиться лишь на некоторых ее аспектах, наиболее существенных для решения стоящих перед нами задач. В основном нас будет интересовать изменение сферы функционирования отдельных речевых манифестаций, их коммуникативной роли, а также состава носителей и пользователей. При этом мы будем учитывать не только функционирование этих манифестаций в качестве целостных структур (т.е. при достаточно строгом соблюдении нормы идиома в тексте), но и их **дисперсное** применение, что, кстати, в современной языковой ситуации имеет более существенное значение.

При изучении динамики разговорного языка обращает на себя внимание наличие двух **противоположных** тенденций: с одной стороны, это **увеличение** многообразия конкретных форм общения (например появление новых видов сленга: сленг “челночников”, сленг лиц, профессионально занимающихся электронной почтой и т.п.), что, несомненно, приводит к дроблению языкового пространства; с другой – **нейтрализация** этого многообразия путем становления интегрированных речевых манифестаций, организующих языковое пространство.

В ходе противоборства этих двух тенденций возникает равновесное состояние данной подсистемы, обеспечивающее ее “гибкую стабильность”.

Эволюция данной подсистемы, равно как и подсистемы регулируемого речевого поведения, осуществляется в результате действия как **центростремительных**, так и **центробежных** тенденций.

В первом случае мы наблюдаем интеграционные процессы, приводящие к **центрированию** репертуара языковых манифестаций, т.е. к становлению функциональной доминанты. Во втором происходит оттеснение определенной части идиомов (прежде всего регионально и социально маркированных) на периферию подсистемы. В первую очередь это относится к территориальным диалектам и к феноменам типа русского просторечия с выраженной **региональной** окрашенностью, значимость которого в системе коммуникации постепенно снижается.

Возможно, впрочем, и обратное движение периферийных идиомов к центру. Мы имеем в виду активизацию феноменов типа сленга, арго, воздействующих на коммуникацию в этносе; ср. усиление влияния молодежного сленга, криминального жаргона на узус неофициального, а порой даже официального общения.

В отличие от регулируемого речевого поведения, где процесс центрирования форсируется внешними факторами и, в частности, специально ориентированной языковой политикой, процесс “уплотнения”, центрирования в рамках разговорной речи протекает стихийно и замедленно. Соответственно и дистанция между центральным и периферийными феноменами здесь менее контрастна, а переход от периферии к центру – более плавный. Тем не менее и в этой подсистеме в результате взаимодействия центробежных и центростремительных сил мы имеем возможность наблюдать ее структурирование, приводящее к постепенному формированию функциональной доминанты в виде разговорного общезтнического языка.

Рассмотрим действие интеграционных тенденций на разных уровнях подсистемы разговорного языка.

А. Становление центральной манифестации подсистемы разговорного языка

В роли функциональной доминанты разговорного языка, (в связи с отсутствием адекватного термина мы условно называем ее субстандартом), может выступать лишь такая ее манифестация, которая наделена общезтническим статусом, т.е. способна обеспечить непринужденное повседневное общение в рамках этнической общности в целом. Получение языковым идиомом столь высокого социолингвистического статуса, вполне естест-

венно, “оплачивается” нивелировкой региональной и социальной маркированности, противоречащей речевым навыкам носителей языка из разных регионов и социальных слоев этнической общности.

Формирование подобного феномена отвечает коммуникативным потребностям социума, способствует его интеграции. Это облегчает индивидууму комфортное (в языковом отношении) вживание в меняющуюся коммуникативную среду, делает его регионально и социально более мобильным. На данном этапе языкового развития практически ни один славянский этнос **не обладает** в полной мере сложившимся разговорным феноменом общезнаковой значимости.

Нельзя не учитывать, что становление функциональной доминанты в подсистеме непринужденного повседневного общения имеет свою специфику. На эту роль может претендовать лишь феномен, рожденный в недрах разговорного языка **данного** этноса и вычлененный из многообразия форм его реализации стихийно, путем длительной интеграции, путем постепенного развития центростремительных тенденций. Несколько иначе этот процесс протекает в подсистеме регулируемого речевого поведения, где при отсутствии сформировавшегося культурного идиома в его функции при необходимости может использоваться язык **иного** этноса с более длительной культурной традицией. В разговорной речи подобная субституция возможна лишь на уровне конкретно-идиолекта, а не на общезнаковом уровне.

Важно и другое: функциональные доминанты обеих подсистем не могут сформироваться и существовать изолированно, без взаимодействия друг с другом. Так, разговорные включения в литературный язык обогащают выразительную палитру последнего, используются для стилистического варьирования, стимулируют динамику нормы. Со своей стороны литературный язык не только компенсирует лексическую некомплектность разговорной речи, закрывает номинационные лакуны – своим унифицирующим воздействием он способствует преодолению центробежных региональных различий, усиливает действие интеграционных тенденций.

Амплитуда разброса нормы обеих функциональных доминант в разных этнических языках не одинакова. Так, в чешском языке, характеризующемся, с нашей точки зрения, максимальным отличием литературной и разговорной норм, представлен весь спектр дифференциальных признаков (фонетика, морфология, лексика, словообразование, синтаксис и пр.); в русском – это

прежде всего синтаксис, лексика и лишь отчасти морфология, словообразование и т.п. Польские социолингвисты констатируют высокую степень интегрированности польского языкового пространства, что, впрочем, на наш взгляд, все же нуждается в дополнительной проверке.

Так или иначе, поскольку основу обеих норм составляет общетнический фонд, имеющиеся между ними отличия не препятствуют вербальной коммуникации внутри этнической общности.

Базой для формирования разговорной функциональной доминанты являются **смешанные** тексты как наиболее распространенная манифестация разговорной речи.

Судя по всему, субстандарт продолжительное время будет реализовываться в виде двух (не всегда легко дифференцируемых) разновидностей, отличающихся друг от друга долей литературных включений в **разговорной** текстовой основе. Во многом это определяется действием таких факторов, как: а) языковая компетенция носителя языка, характерные для него речевые навыки; б) социальный статус; в) коммуникативная ситуация (тематика общения, эмоциональная настроенность, обстановка, в которой происходит общение и пр.); г) контакт с собеседником и т. д.

У индивидуумов с более прочными навыками регулируемого речевого поведения удельный вес литературных включений, естественно, будет выше, что, однако, отнюдь не означает, что весь строй речи, принципы построения и организации текста утратят характерные приметы разговорного языка.

Становление центрального разговорного идиома предполагает достаточно высокую степень языковой интеграции, которая на современном этапе языкового развития пока что еще отсутствует. Поэтому ныне речь идет скорее об идеальном, чем о реально существующем структурно оформленном языковом феномене. Весьма возможно, что его основой станет один из интердиалектов (городских койне), который в процессе долговременной языковой интеграции сможет настолько расширить свой коммуникативный спектр, что выйдет за рамки своего региона и начнет функционировать в более широких этнических масштабах (нечто подобное мы наблюдаем в чешской языковой ситуации).

На время переходного периода подсистема языкового обеспечения непринужденного повседневного общения может быть организована по принципу **полицентризма**, когда коммуникативное пространство распределяется между несколькими ведущими интердиалектами или же городскими койне, являющимися своего рода центрами языкового и культурного влияния.

В силу того, что, как уже говорилось выше, ни в одном славянском языке единый феномен подобного рода не сформировался окончательно, правомерно говорить лишь о разной степени приближенности к его конституированию. Немалые трудности для исследователя представляет, впрочем, отсутствие апробированной методики решения данной проблемы. Не имеется и приемлемого терминологического обозначения для этого феномена. В настоящей работе мы вынужденно пользуемся термином “субстандарт”, сознавая, что он не вполне удачен (выше уже отмечалась неоднозначность его трактовки в лингвистической литературе), тем более, что мы не применяем логически соотносенный с ним термин “стандарт”. Сказанное, однако, не снижает актуальности проблемы становления общетнического разговорного идиома, поскольку изучение узуса непринужденного повседневного общения в славянских языках все больше убеждает в возрастании интеграционных тенденций в разговорной речи.

Как уже отмечалось выше, российские социолингвисты видят в роли общенародной разговорной речи разговорный литературный язык (РР). Логически это означает, что практически всю систему вербальной коммуникации в социуме будет обслуживать литературный язык: в разговорном общении – в некодифицированной манифестации; в общении интеллектуальном – в кодифицированной. Все остальные идиомы как менее перспективные и менее престижные, очевидно, рано или поздно будут вытеснены литературным языком. Из этого следует, что по мере нивелировки нижних ярусов функциональная пирамида этнического языка как бы “просядет”, в результате чего гипотетически литературный язык будет обеспечивать все коммуникативное пространство.

Подобный **моноцентрический** подход с заложенной в нем идеей **неравноценности** языковых идиомов основывается на безоговорочном признании примата литературного языка над всеми другими экзистенциональными формами, на его полном господстве во всем спектре этнической коммуникации.

Данная проблема, впрочем, имеет и иной аспект, существенный для определения направленности языковой политики в период национальной суверенизации, через который проходила и отчасти проходит и сейчас РФ. Дело в том, что занижение значимости разговорных идиомов по сравнению с преференцией литературного языка как универсального, наиболее престижного идиома, способного обслуживать всю этническую коммуникацию, стимулирует намерение любой ценой, **ускоренно**, в том числе для поддержания национального престижа создавать литературные

языки, невзирая на то, имеются ли для этого реальные предпосылки или же нет.

Не ставя под сомнение значимость литературного языка как идиома, обладающего совершенной нормой, наиболее развернутым функциональным диапазоном, мы тем не менее не считаем, что он имеет необходимые субстанциональные предпосылки для полноценного функционирования в ареале нерегулируемого речевого поведения. Многие из очевидных достоинств литературного языка, обретенных им в результате многовековой целенаправленной шлифовки, в этом ареале общения не только не нужны, но даже не могут быть и востребованы, препятствуют непринужденному повседневному общению.

Нам представляется весьма спорным, чтобы носитель литературного языка (за исключением социально ограниченной группы профессионалов, о которых мы упоминали выше) в условиях непринужденного, неподготовленного, т.е. спонтанного, общения, характеризующегося минимальной автоцензурой, утруждал себя соблюдением литературной нормы, пусть даже смягченной; ср. по этому поводу следующие красноречивые высказывания носителей чешского языка: *Já mám, holka zlatá, svoji poslední dovolenou v životě a nenechám si ji nikým otravovat. Nemíním se totiž nudit a spisovně mluvit “polévku, prosím?” nebo “mléko a trochu cukru”* (Vlasta 1982) – У меня, дорогая моя, последний отпуск в жизни, и я не позволю никому его себе отравлять. Мне и в голову не придет занудствовать и говорить по-литературному... (перевод наш. – Г.Н.). Или же диалог в кафе: *Smím si přisednout? – Je tady volné, – odpověděla násilně spisovnou češtinou.* (Vlasta 1982). Ср. перевод: Можно присесть? – Здесь свободно, – заставила она себя ответить на литературном языке (перевод наш. – Г.Н.); прилагательное *volné* дано в литературной огласовке.

Использование литературного языка в качестве разговорного идиома “экстра-класса” (в результате повышения языковой культуры общества, роста образования, влияния СМИ и пр.) потребовало бы коренного преобразования структуры литературного языка, что с очевидностью сопровождалось бы вторжением живой разговорной стихии, удержание которой в литературных рамках вряд ли было бы возможным. Не случайно в богатейших коллекциях русской литературной разговорной речи (РР), имеющих в настоящее время, многие тексты настолько отличаются от литературной нормы, что за большинством из них вряд ли можно сохранить статус литературности (ср.: *дай мне, чем писать*). Практически до сих пор продолжает оставаться неясным

порог литературности или же нелитературности текста, т.е. та грань, которую нельзя преступить, чтобы не нарушить целостности литературной нормы.

Не является решением проблемы и расширительное толкование литературного языка, допускающее наличие у него кодифицированной / некодифицированной норм, хотя само по себе обсуждение вопроса различных “стандартов” привлекает внимание ученых. См. по этому поводу работы польских лингвистов, а также словацкого исследователя Я. Горецкого (Horecký (b) 1979). О наличии нескольких видов стандарта пишет и чешский исследователь Зд. Старый (Starý 1994), хотя в целом в богемистике не признается возможность некодифицированного употребления литературного языка (ср.: Jedlička 1974).

Нельзя не отметить, что уже на протяжении многих десятилетий исследователи в основном подчеркивают значимость влияния литературного языка на все остальные идиомы русского национального языка; обратное воздействие на литературную норму нормы разговорной, напротив, во многом недооценивается.

Динамика современной вербальной коммуникации отчетливо подтверждает активность и в определенном смысле “агрессивность” позиции именно разговорного языка. Вспоминая известный афоризм о том, можно ли “впрячь в одну телегу коня и трепетную лань”, мы должны признать, что в этой паре именно литературный язык является трепетной ланью, в то время как разговорный язык, имеющий более мощные корни в языковом сознании носителей этнического языка, несомненно, занимает более прочное и неуязвимое положение.

Напомним в этой связи слова Л.В. Щербы: “Литературный язык принимает многое, навязываемое ему разговорным языком и диалектами, и таким образом и совершается его развитие, но лишь тогда, когда он приспособил новое к своей системе, подправив его и переделав его соответственным образом. Но беда, если разнородное, бессистемное по существу новое зальет литературный язык и безнадежно испортит его систему выразительных средств, которые только потому и выразительны, что образуют систему. Тогда наступает конец литературному языку, и многовековую работу по его созданию приходится начинать сызнова, с нуля” (Щерба 1957: 128).

То, что опасения Л.В. Щербы за судьбу литературного языка как культурного идиома высокого функционального назначения не были лишены основания, подтверждает, например, следующее признание журналистки (Столица, 1992, № 47: 39): “Мне бы-

ло ужасно стыдно за то, что мы, учившиеся по розенталевским учебникам, почти не используем столь любимый Розенталем литературный русский язык: все разговорный, да разговорный, если не хуже, и пишем на нем и письма, и статьи, и книги”.

Что же касается чешского языка, то здесь предпосылки стать общецентрическим разговорным идиомом, несомненно, имеет обесná čeština, однако “платой” за повышение ее социолингвистического статуса, очевидно, будет нивелировка некоторых региональных признаков (начального “ou”; “v” протетического; последовательного “ej” в м. “ý, í” и пр.). Только в этом случае, судя по всему, она сможет приобрести более высокий ранг – станет общецентрическим идиомом, называемым нередко “kulturní obecná čeština”.

То, что именно идиом обесná čeština, а не какой-то другой интердиалект имеет в этом отношении наибольшие перспективы, обуславливается его большей престижностью как обиходно-разговорного языка метрополии и большей части чехоязычной территории. Немалую роль играет и консолидированность нормы, большая структурная близость к норме литературного языка, генетически восходящего к идентичной диалектной основе – среднечешским диалектам. В целом позиции феномена обесná čeština более устойчивы в городах, в речи молодежи.

Таким образом, в чешской языковой ситуации языковое пространство непринужденного повседневного общения делят между собой обесná čeština (ученые моравского происхождения считают ее интердиалектом), интердиалекты моравский, силезский. В составе городских койне чешского языка обесná čeština является единственным идиомом, в той или иной мере выполняющим функции **наддиалектного** обиходно-разговорного языка. Ныне эта форма существования чешского языка все в большей степени начинает рассматриваться не как интердиалект, соотношенный с определенными группами территориальных диалектов, т.е. в аспекте региональной маркированности, а (по мере усиливающейся экспансии его в Моравию) как **престижная** форма существования чешского этнического языка, обслуживающая сферу непринужденного повседневного общения (подробнее см. в следующей главе).

Вместе с тем обесná čeština (чаще всего с нивелированными региональными приметами) способна не только обслуживать более широкое коммуникативное пространство, но и представлять обиходную речь в произведениях культуры.

Повышение престижа именно этого идиома во многом стимулируется СМИ, произведениями художественной литературы, кино, где он, хотя и не всегда последовательно, используется в ре-

чи не только персонажей (ср. воспроизведение речи уборщицы: *Helejte, ředitelskej, jestli si myslíte, že mi budete v hotách vod háhna šramtat po čistý podlaze* – Haló sobota 1982), но и автора как репрезентант языка непринужденного повседневного общения.

Как отмечает А. Стих (Stich 1975), “вторжение” идиома *obespá čeština* в художественную литературу начинается со второй половины 50-х годов XX в., до этого ее роль здесь была периферийной, поскольку она служила лишь средством социальной характеристики. Причем, вполне резонные опасения, что именно *obespá čeština* станет основным языковым идиомом, используемым в художественной прозе, со временем не подтвердились. Наступил период некоторого “отрезвления”, корректировки. Существенно и то, что в художественном тексте *obespá čeština* воспроизводится не в своем первоизданном виде, а с определенной селекцией – основной акцент делается лишь на некоторых морфолого-фонетических особенностях.

Сходное наблюдение делает и А. Стих в статье, вынужденно опубликованной под псевдонимом “М. Недведова и коллектив” (Nedvěďová a kol. 1981), отмечая, что переводчик (мораванин по происхождению), прибегая при переводе к феномену *obespá čeština*, использует лишь те ее фонетические приметы, которые не слишком противоречат его собственному региональному речевому узусу, т.е. происходит адаптация (менее последовательно воспроизводятся такие черты, как *ej* в основе, *v* протетическое, начальное *ou* и пр.).

Б. Становление интегрированных наддиалектных образований

Рассматривая разговорные манифестации с точки зрения их динамики, нельзя не отметить, что наиболее стабильным звеном подсистемы разговорного языка является диалектный язык. Здесь эволюция сдерживается конвенцией, обычаем (оппозиция “наш-не наш”). Тем не менее и диалекты также не оказываются в стороне от общих процессов языковой эволюции, постепенно вращаясь, интегрируясь в более обобщенные языковые манифестации – интердиалекты.

Скорость протекания диалектной интеграции в различных этнических языках не одинакова (ср. большую сохранность диалектов в болгарском, польском, русском, словацком языках). Разнится она и в пределах одного и того же этнического языка. Так, неодинаков темп диалектной интеграции в восточной и за-

падной частях чехоязычного континуума (см., в частности, Нецименко 1985).

Ныне, по единодушному мнению ученых, территориальные диалекты в основном обслуживают семейно-бытовое общение в менее индустриализованных районах. Несомненным является снижение коммуникативного престижа территориальных диалектов за пределами очерченной выше сферы общения, а также сокращение состава их носителей и активных пользователей. Все отчетливее проявляется некомплектность диалектного лексического инвентаря.

Принимая во внимание все эти симптомы надвигающегося разрушения структурной целостности диалектов, нельзя не учитывать, что на данном этапе существования этнического языка в число носителей и пользователей территориальных диалектов входят два генерационных слоя сельского населения: старший и младший. Представители среднего поколения, хотя и являются потенциальными носителями диалекта, в практической жизни довольно редко принадлежат к числу его активных пользователей. Тот факт, что именно диалект является основным средством приобщения к этническому языку сельских детей младшего возраста, представляется нам принципиально важным.

Таким образом, невзирая на постепенную нивелировку, диалекты все же продолжают играть важную роль в повседневном общении определенной части этноса. Как справедливо утверждает Я. Хлоупек, городская интеллигенция в своей литературной речи с довольно большим трудом избавляется от диалектных (точнее говоря, территориально обусловленных) артикуляционных навыков (Chloupek 1986: 73). Так, в речи жителей Праги – выходцев из Моравии – эпизодически могут встречаться моравизмы типа *co chcou, s ní* и пр. Региональным рефлексом является также русское “оканье” или же фрикативное “г” в официальной или же публичной речи людей, владеющих нормой русского литературного языка. При этом чем сильнее волнуется говорящий, тем заметнее снижение речевого контроля, тем отчетливее у него проступает региональный субстрат. Примерно сходное впечатление у нас возникало при анализе текстов радио- и теледебатов (материалы Института чешского языка Чешской академии наук), когда по мере нарастания усталости собеседников их речевой контроль ослаблялся, они начинали допускать все больше погрешностей в отношении литературной нормы, все чаще употребляя элементы более привычного для них идиома *obesná řečtina*. Аналогичное снижение речевого самоконтроля мы на-

блюдали при синхронном переводе художественного фильма на чешский язык: у переводчика (чеха по национальности), в целом последовательно соблюдавшего литературную норму, по мере того, как он начал отставать от темпа речи оригинала и, соответственно, стал нервничать и торопиться, сразу же начали появляться более привычные для его устна флексии из идиома *obesná čeština* (например, *Jaronseta* вм. *Jaronsi*).

Постепенное уменьшение значимости диалектного фундамента обуславливает переоценку статуса всех последующих наддиалектных образований. К их числу нами относятся как **обобщенно-региональные** манифестации, так и манифестации **остаточно-региональные**.

Под первыми мы имеем в виду региональные интердиалекты, образующиеся в результате интеграции **одноуровневых** идиомов, т.е. территориальных диалектов. Иными словами, это более низкий уровень интеграции, наиболее приближенный к региональным идиомам. В социолингвистических описаниях болгарского языка этому понятию, очевидно, соответствует термин “народно-разговорная речь”. В словацком языке подобный статус, судя по всему, имеет феномен общенародного койне, или же, по словам Й. Ружички, стандартный идиом с региональной восточно-, западно-, среднесловацкой окрашенностью (Ružička 1981: 134).

Во втором случае речь идет о городских койне, формирующихся в результате интеграции **разноуровневых** идиомов. Так, например, городское койне Брно включает элементы литературного языка, идиома *obesná čeština*, среднеморавского интердиалекта и местного диалектного субстрата (Křtřmová 1981). Как отмечает исследовательница, преодоление региональной специфики происходит быстрее при равнонаправленном воздействии литературного языка и феномена *obesná čeština*.

Периферийное положение в подсистеме языкового обеспечения непринужденного повседневного общения занимают регионально или же социально маркированные идиомы.

В этой связи мы хотели бы отметить целесообразность разграничения идиомов с субстанциональной и функциональной периферийностью.

Под **субстанционально** периферийными мы имеем в виду идиомы, которые по своим субстанциональным, т.е. структурным, особенностям имеют ограниченную сферу употребления – это прежде всего диалекты, сленги, городские койне с выраженной региональной маркировкой. Отсутствие у них целостной структуры, наличие различного рода лакун, в том числе и лексических,

делают необходимым подключение дополнительных компенсаторов, заимствованных у других идиомов.

К **функционально** (или же ситуативно) периферийным идиомам мы относим такие языковые феномены, которые хотя и не отличаются выраженной структурной ущербностью, тем не менее “не вписываются” в характерный для данной ситуации общения речевой стандарт. Так, к периферии данного ареала может быть отнесен устный литературный язык, используемый в повседневном общении некоторой частью носителей этнического языка, имеющих устойчивые навыки автоцензуры.

В какой-то мере сходный характер имеют и идиомы, используемые на периферии подсистемы высших коммуникативных функций лицами со сниженной языковой компетенцией, однако в этом случае речь идет обычно о периферийности функциональной, сочетающейся с субстанциональной.

Вопреки утверждениям русистов, мы склонны сомневаться в том, что общеэтнический разговорный язык, вынужденно называемый нами субстандартом, сможет сформироваться на базе не разговорной, а литературной речи путем “усреднения”, расширения кодификационных предписаний. Удержание живой разговорной стихии в рамках кодификации, пусть даже самой толерантной, едва ли было бы реальным. Впрочем, решающую роль здесь играет не столько наличие кодификации и ее характер, сколько иная организация разговорного дискурса, использование выразительного ряда, существенно отличающегося от литературного.

В целом иноидиомные включения в разговорную речь (будь то из литературного языка или же из других разговорных идиомов, например сленга) свободно входят в речевой поток, не привлекая обычно к себе внимания ни говорящего, ни слушателя. Трансплантируясь в живую ткань разговорной речи, они не меняют коренным образом ее специфики, за исключением, разумеется, тех случаев, когда в количественном и качественном отношении это выходит за определенный нормативный порог.

Широкое использование иноидиомных включений не только является одной из характерных особенностей разговорного дискурса. Во многом оно обусловлено расширением социального состава пользователей (подчеркиваем: не носителей, а именно **пользователей**) отдельных разговорных феноменов, в том числе и таких, как сленги, жаргоны, просторечие и пр. Причем зачастую речь идет не столько о лицах, реально владеющих их нормой (численность последних может и сокращаться), сколько о тех,

кто использует отдельные их элементы в качестве своеобразной текстовой инкрустации.

Тем самым можно говорить о снижении социальной закреплённости идиомов за определёнными слоями и группами носителей этнического языка как о маркантной тенденции в развитии современной разговорной коммуникации. В противоположность этому усиливается **возрастная** дифференциация речевого поведения. Так, речь молодого поколения отличается особенно высокой частотностью употребления арготизмов и сленгизмов. Ср., например, использование в разговорной речи молодого человека, кстати, в совершенстве владеющего нормой русского литературного языка, высказываний типа *мне это фиолетово* = мне это безразлично; *он прав в натуре* = он, действительно, прав; *опять все делать по новой* = опять все делать заново; *дай мне спрейтá* вм. *дай мне спрейт*; *он в отпаде* = он ошеломлен и пр. Примечательно, что шуточно повторенный взрослым (его матерью) сленгизм *борзеть* 'злиться' (*ты, пожалуйста, не борзей*) шокирует подростка, о чем и свидетельствует его ответная реакция: "*Ты так, пожалуйста, не говори!*", т.е. ребенок воспринимает подобную цитацию как нарушение норм речевого поведения взрослого человека (т.е. по принципу "Кесарю – кесарево"). Возможно и обратное, когда более старшего человека раздражает речевая манера молодежи. Приведем в качестве примера диалог на ТВ-передаче "Акулы пера" (1997), в котором участвуют, с одной стороны, молодые журналисты, изъясняющиеся достаточно развязно; с другой – гость, известный высокопоставленный журналист с более корректной речевой нормой: *А если я не волоку?* – Гость (раздраженно): *Не понимаю, что Вы хотите сказать. – Ну, значит, не разбираюсь.*

Весьма динамичным звеном разговорного языка является городская речь, которая по мере возрастания урбанизации привлекает к себе все больше внимания самых различных национальных социолингвистических школ; ср. название статьи "Городской язык как центр социолингвистических исследований в Европе" (Калмайер 1995). Оправданность этого внимания подтверждает, помимо прочего, и тот факт, что, например, в РФ по статистике численность городского населения к концу XX в. достигла 74% (в конце XIX в. она составляла всего лишь 16%) (данные приведены в статье М.Б. Ешича, подготовленной к печати – Ешич 1998). Важно и то, что именно обиходно-разговорный язык больших городов со временем может стать очагом формирования будущей общеэтнической разговорной речи.

Статус этого феномена в отдельных языках весьма отличается друг от друга. Так, в чешской языковой ситуации он, несомненно, занимает более престижное положение (мы имеем в виду феномен *obesná řečtina*), чем русское просторечие. Нельзя, однако, не видеть, что отмеченные выше закономерности (контактное взаимодействие различных норм, уменьшение числа носителей исконной нормы, диффузное использование идиома и т.п.) в полной мере касаются и этого феномена.

В современной городской речи, особенно в больших городах, феномен, традиционно называемый просторечием (в соответствии с концепцией Л.П. Крысина это скорее всего просторечие-1), в целостном виде встречается довольно редко, однако он продолжает существовать диффузно; в виде соответствующих цитатных включений.

Наиболее динамичным звеном в ряду манифестаций разговорной речи, по нашему мнению, являются социолекты (особенно молодежный жаргон). Во многом это обусловлено тем, что они представляют собой, как уже выше отмечалось, лексическую надстройку, которая, как известно, весьма чувствительна к изменению экстралингвистических обстоятельств жизни.

Динамика молодежного сленга, даже в пределах одного и того же синхронного среза, настолько велика, что, к примеру, молодые люди с десятилетним возрастным разрывом не всегда понимают друг друга (в качестве иллюстрации приведем всего лишь один пример: при восторженной оценке чего-либо молодежь 70-х годов широко употребляла выражение *какая экибана!*, молодым людям более позднего времени оно в этом значении абсолютно неизвестно. Число подобных примеров может быть умножено).

Сфера функционирования и состав пользователей социолектов за относительно непродолжительный период (буквально за два последних десятилетия) существенно изменились. Так, в силу экстралингвистических причин, в том числе и возрастающей криминализации общества, за узкие рамки своего исконного функционирования вышел криминальный сленг. Можно привести множество примеров включения в повседневную речь арготизмов, элементов молодежного сленга типа *авторитет* (воровской); *наезд* 'нападение, провокация'; *замести* 'поймать, арестовать'; *кинуть* 'обмануть'; *пахан* 'главный вор'; *разборка* 'разбирательство, сведение счетов'; *засветиться* 'выдать себя'; *замочить кого-нибудь* 'убить'; *врубиться* 'понять'; *общак* 'воровская касса' или же произведенное от него *общаковский*; *обло-*

миться кому-либо ‘перепасть’; *тянуть резину* ‘затягивать дело’; *катить бочку на кого-нибудь* ‘взваливать вину на кого-либо’; *слинять* ‘тихо уйти’; *не сечет* ‘не понимает’; *никак не въедет* ‘не поймет’; *вешать лапшу на уши* ‘обманывать’; *борзеть* ‘злиться’ и многие другие. Нередко они используются в современной прессе без разъясняющего комментария. Приведем в качестве иллюстрации примеры всего лишь из одной газетной статьи (Новая газета, 1997, речь автора очерка): “**Братков** разыскивают дома, чтобы посадить на **нары** (заголовок статьи); И Дания вздрогнула. Здесь впервые столкнулись с **разборками** нашей **братвы**; установить за объектом “**наружку**”; Таких называют мошенниками, или по-русски “**кидалами**”; у него возникли проблемы с “**крышей**” обманутых фирм и пр. Примечательно, что в чешском языке, по нашим наблюдениям, иногда встречаются случаи полностью идентичных жаргонизмов; ср.: *odvázat se* – *отвязаться* ‘бурно развлекаться’; *najíždět* – *наезжать* ‘шантажировать, угрожать’. Сленговые включения используются и в художественной литературе; ср. чешск.: *máma šla rovnou na fízlárnu a shodila mě, že jsem jí ho čajzla*. 1990. I. Klíma. Má veselá jitra (архив Института чешского языка) (мама отправилась прямо в полицию и выдала меня, что это я его у нее свистнула – перевод наш. – Г.Н.). Ср. также *kilo* “одна тысяча”.

Небезынтересны с этой точки зрения фрагменты из случайно услышанного нами разговора в поезде (в разговоре участвуют два торговца почтовыми марками, совершающие “челночный” заграничный вояж): *Деньги лежат мертвяком. Деньги крутятся; приклеить* (‘предложить’) свой вариант; *Стекляшка, стекло* (‘человек со вставным стеклянным глазом’) *все поймет; гашенка* (‘гашеная марка’); *может, туда можно еще что-нибудь впилить* (‘подсунуть’); *вы меня обжали, кинули* (‘обманули’). За исключением отдельных лексических вкраплений или же специфического словоупотребления, характерного для сферы корпоративного общения, которое обычно довольно легко “расшифровывается”, данные высказывания не отличаются от обычной разговорной речи. Заметим, что оба собеседника производили впечатление вполне образованных людей, лишь в силу обстоятельств занимающихся данным промыслом.

В результате активизации дисперсного использования социолекты как бы выходят на более широкий коммуникативный простор, утрачивая или же существенно смягчая при этом свое исконное функциональное назначение – служить тайными или же специализированными языками.

Особого внимания заслуживает и формирование новых видов профессиональных сленгов, к числу которых мы бы отнесли сленг системных операторов электронной почты (“сисопов”, как они сами себя называют), пользователей электронной почты. Речевые особенности данного вида профессионального общения, ставшего возможным благодаря достижениям технического прогресса, на материале славянских языков, насколько нам известно, до сих пор мало изучены (что касается, чешских работ, то можно было бы назвать относительно недавние публикации И. Боздоховой, Л. Углиржовой, Св. Чмейрковой и др. Специальный раздел о компьютерном языке включен в монографию *Český jazyk na přelomu tisíciletí*, автор раздела И. Боздохова). Несколько лучше обстоит дело с западными языками, в частности с английским, как правило, используемым при подобном виде общения (ср.: Eklundh 1986). Между тем, речь идет о весьма своеобразном языковом феномене – о профессиональном (или же полупрофессиональном) интерперсональном **письменном** общении (с использованием электронных средств), состоящем из обмена репликами, “разведенными” во времени, т.е. отсутствует “сиюминутность” реакции, столь характерная для обычной устной диалогической речи.

По сути, мы имеем специфическую и принципиально новую разновидность диалогической речи. Посылаемая по каналу коммуникативной связи информация, профессионального или же полупрофессионального характера, по своей изначальной коммуникативной установке предназначена для **индивидуального** восприятия (ситуация межличностного общения), однако в силу специфики используемой коммуникативной связи данные тексты приобретают **секундарную** публичность, становясь достоянием неограниченного количества потребителей, пользующихся этим же каналом коммуникативной связи. Нетрудно заметить, что анализируемый феномен сродни публичной трансляции по радио и ТВ доверительного межличностного общения (во время интервью, опросов и пр.), где также отмечается секундарная публичность.

Порождаемые в этом случае тексты представляют собой некий симбиоз монологической и диалогической речи. В какой-то степени их можно было бы определить как однонаправленный диалог, осуществляемый при отсутствии контактного взаимодействия с собеседником, ответ от которого может быть получен либо с разрывом во времени, либо не получен вообще.

Противоречивость рассматриваемого феномена заключается также в том, что продуцируемые тексты по способу трансляции коммуниката, казалось бы, должны принадлежать к **регулируе-**

тому речевому поведению с использованием речевой автоцензуры, однако, как будет показано ниже, они в полной мере отражают специфику **нерегулируемого** речевого поведения, представляя собой типичные образчики диалогической разговорной речи. Если отвлечься от факта хронологической несовместимости реплик, а также от отсутствия прямого и непосредственного контакта коммуникантов, то у нас возникнет полная иллюзия доверительного и даже интимного общения. Так, речь партнеров по диалогу носит неформальный характер, в ней фиксируется поток сознания, отражается специфика индивидуальных речевых навыков субъекта (а порой и ущербность его языковой компетенции, как в случае следующего объявления: *сейчас можно купить незанятый АКМ-74? (модефикация не принципиальна)*).

Иными словами, налицо противоречие между типом текста, его коммуникативной установкой и способом трансляции информации. Не вдаваясь в детальную мотивировку этого явления, отметим все же, что неформальный характер общения здесь во многом определяется тем, что в ситуации коммуникативного контакта, как правило, находятся лица, не только хорошо знающие друг друга (отсюда отсутствие коммуникативного барьера), но и обладающие в целом адекватной профессиональной компетенцией (т.е. понимающие друг друга с полуслова). Свою роль, вполне возможно, играет удобство использования компьютерной связи, не препятствующей протеканию мыслительного процесса, а также столь характерное для программистов одушевление компьютера и пр.

Анализируя языковые особенности приводимых ниже диалогов (орфография и пунктуация коммуникантов нами сохраняется), мы не можем не заметить, что их текстовую основу составляет разговорная речь (причем во многом в ее просторечной и сленговой манифестации), с широким включением профессионализмов (прежде всего англицизмов, адаптированных и неадаптированных). Примечательно, что отсутствие прямого межличностного контакта нередко восполняется включением специальных значков, фиксирующих реакцию собеседника, его улыбку, недоумение и пр.; ср. –:(“опечаленный”; :-) “Ваша основная улыбка”; :- (“хмурая физиономия” и пр. Приведем ниже некоторые тексты:

– Вот это правда: Такие штуки с некоторыми драйверами приключаются. Виноват скорее всего разработчик данного драйвера... С другой стороны, если девайс идет с заводскими установками, то драйвер его задетектит, а если у юзера хватило ума эти установки поменять – то скорее всего это как мини-

мум авансед юзер. Правда бывает новая модель девайса... Но от этого никто не застрахуется покачто...

– Этого не может быть разве что если ты действительно сам полез раскрывать образы и раскрыл 1 диск не с тем образом. Так вот не надо было крутого изображать.

– Еще раз повторю – когда я ставил WC с CD, я выбрал правильный образ первого диска – с поддержкой Panasonic CD-ROM. И обломился. У меня адрес контроллера был 320, а осевый драйвер по умолчанию ищет этот CD на адресе 230, и поиска контроллера на других адресах не делает. Я, конечно, не буду вспоминать про то, что linox ищет этот контроллер примерно на 10 адресах. И находит.

– Я не буду конечно вспоминать, что к линуксу надо выбрать дискету из 40! Потом сделать еще 2 непонятно зачем, и после этого он встает только с харда, сидюка или локалки. Фря же почему-то грузится с одного флопаря и позволяет мне поставится по PPP...

– Блин, и что он там нюхает собака... Ведь никакой активности нету при его загрузке. Кстати, если в вынь 95 сделать “залогиниться другим юзером”, то нюхает ничуть не меньше, впрочем как и дос, NT...

– Ну уж три файлика io.sys, msdos.sys и command.com можно ради такого дела на диске оставить и целый FAT раздел, да еще как я понял Primary?

– технолоджи, который без мсдоса просто не жилец. Крутая бредятина.

– Да уж... Так вот, наверное, почему она называется New Technology!

– Гыгы, будто ни ты ни Кирюша никогда на новый винт NT не ставили, что так думаете. Ей DOS также нужен, как собаке пятая нога. Прямо в сетипе разбиваешь винт и ставишь. Какой там нахрен DOS, чушь какая...

Ср. также: – Че-то меня все чаще на субж стало прошибать...

– А меня всегда на него прошибает. Я вообще в последнее время раньше четырех никогда не ложусь – бабы дома нету, почти много. Монитор мерцать перестал (глаза теперь не устают – на 90 герц его забубенил). Вот щас раскупорил две бутылки “Каберне” и сижу от фидо офигеваю. Правда, вот хавчик-то у меня как раз кончился. Кстати, это вообще загадка – почему фидо ночью читать лучше. Я этого до сих пор понять не могу.

Как мы видим, в результате достижений научно-технического прогресса применение профессиональных языков значительно активизировалось.

* * *

В заключение мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что использование коммуникативной коррекции позволяет построить **дихотомическую** двуцентровую модель этнического языка. Выделяемые в его составе две подсистемы вполне автономны. Они достаточно четко противопоставлены друг другу по целому ряду весьма существенных признаков, как коммуникативных, так и языковых. Отличаются они также и своей внутренней динамикой, т. е. характером и скоростью протекания в них процессов, сложившимся представлением о речевом этикете.

Из сказанного, однако, не следует, что эти подсистемы отделяет друг от друга некая демаркационная линия, тем более, что доля общеэтнического фонда достаточно высока (в чешском языке, по мнению ученых, она составляет около 60%). Доказательством этого служат многочисленные факты контактного взаимодействия, проявляющегося на самых различных уровнях: как при построении высказывания, т.е. в рамках идиолекта, так и между подсистемами регулируемого и нерегулируемого речевого поведения в целом.

В первом случае имеется в виду, что включения из литературного языка в текст разговорной речи компенсируют ее лексическую некомплектность, восполняют имеющиеся номинационные лакуны; включения из разговорной речи в литературную делают последнюю менее педантичной и книжной, особенно в морфологии, словообразовании, лексике и пр.

Во втором случае речь идет о взаимодействии на уровне как центральной, так и периферийной зон подсистем. Причем именно периферия является зоной, наиболее динамичной и наиболее открытой для взаимодействия подсистем друг с другом. Нельзя, однако, не учитывать, что вторжение идиомов-пришельцев (или же компонентов их нормы), как правило, не ведет к сколько-нибудь значительной перестройке в наборе языковых манифестаций, поскольку наличие у них явной маркированности, чужеродного "генетического" фона блокирует их потенциальное продвижение по ценностной шкале.

Существенно и то, что как носители, так и пользователи этнического языка заинтересованы в адекватном использовании языковых идиомов, поскольку только в этом случае они могут

оптимально осуществить свое коммуникативное намерение. Так, применяя литературный язык в ареале непринужденного повседневного общения, они рискуют утратить необходимый коммуникативный контакт с собеседником. И, напротив, использование разговорного идиома в ареале регулируемого речевого поведения может создать впечатление ущербности языковой компетенции.

Особого внимания заслуживает изучение различного рода промежуточных, или же переходных зон, связанных с использованием не свойственного для данного вида коммуникации способа репродукции текста. Мы имеем в виду в данном случае эпистолярный жанр, включающий в том числе и письменную фиксацию информации из сферы повседневного общения. К разряду этих же явлений может быть отнесена и публичная трансляция доверительного межличностного общения, характерная для радио- / телеинтервью и пр.

Важно также подчеркнуть, что определение степени престижности той или иной манифестации этнического языка следует осуществлять не в рамках этнического языка в целом, а в контексте каждой из входящих в его состав подсистем.

Из сказанного выше следует, что полноценная языковая компетенция с неизбежностью предполагает **диглоссию** индивидуума. Прогнозирование возможности общеэтнической интеграции на базе литературного языка, т.е. универсализации последнего, нам не представляется реальным.

Примечательно, что, выступая в дискуссии на II заседании Международной комиссии по славянским литературным языкам (Скопье, 1972), акад. Б. Гавранек совершенно справедливо отметил необходимость разграничения теоретического (системного) членения национального языка от его конкретной реализации в идиолекте носителя языка. Если первое отличается **многосложностью** структуры (применительно к чешскому языку чаще всего речь идет о **трихотомии**), то во втором, т.е. в конкретной речевой практике, обычно имеет место **дихотомия** (ср.: Говорните форми и словенските литературни јазици 1973: 84). Таким образом, даже при множественной манифестации форм существования национального языка идиолект конкретного индивидуума чаще всего бинарен, т.е. отличается диглоссией.

КОНЦЕПЦИИ ОПИСАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СИТУАЦИЙ

В предыдущей главе нами были изложены основные принципы предлагаемой нами **коммуникативной** модели строения этнического языка. При этом мы старались показать на конкретном материале целесообразность ее использования при описании этнической языковой ситуации.

В социолингвистической литературе, во всяком случае в **доступных** нам работах, описание языковой ситуации осуществляется чаще всего на основе иной модели – модели **стратификационной**, т.е. онтолого-таксономической, на характеристике которой мы кратко останавливались в первой главе.

Ниже будут проанализированы концепции социолингвистического описания ряда славянских языков. Предпошлем, однако, их рассмотрению важный, на наш взгляд, уточняющий комментарий:

1. Объем работы не давал нам возможности представить весь спектр славянских языковых ситуаций, хотя это, несомненно, могло бы повысить доказательность некоторых концептуальных утверждений. В дальнейшем, очевидно, было бы целесообразно расширить исследовательское поле за счет включения не только славянских, но и неславянских языков, поскольку наблюдаемые закономерности во многом являются универсальными, выходящими за пределы славянского региона.

2. Проводя вынужденную селекцию языкового материала, мы сочли разумным рассмотреть в монографии концепции описания болгарской, русской и чешской языковых ситуаций, т.е. по одному языку от каждой группы славянских языков. Именно они в тексте работы представлены в виде самостоятельных подразделов. Изучение социолингвистической специфики других славянских языков, прежде всего польского и словацкого, проводилось “в рабочем порядке”, однако его результаты в исследовании также последовательно учитывались.

3. В наши задачи не входило монографическое описание выбранных языковых ситуаций – речь шла лишь о рассмотрении лежащих в их основе концепций. Не считали мы себя вправе высказывать и конкретные рекомендации по поводу направленности проводимой языковой политики, кодификации и т.п., полагая, что это относится к компетенции ученых соответствующих стран. Что касается болгарского языка, то, учитывая специфику нашей профессиональной специализации, мы сочли полезным предварительно ознакомить с готовым текстом подраздела некоторых видных болгарских социолингвистов, в частности, М. Виденова, Р. Ницолову, В. Попову, что и было сделано во время служебной командировки в Болгарию в мае 1995 г.

4. При анализе результатов имеющихся в литературе социолингвистических описаний нами использовался **сопоставительный** метод. Насколько нам известно, ранее подобное исследование не проводилось. Целесообразность применения именно сопоставительного метода обуславливается тем, что он (при условии его корректного использования) позволяет не только показать суть сопоставляемых социолингвистических концепций, но и выявить имеющиеся между ними расхождения, в частности, в интерпретации ключевых позиций понятийно-терминологического аппарата (сказанное в особенности касается внутренней дифференциации литературного языка). Вряд ли нужно специально доказывать, что подобные разночтения затрудняют, а порой и делают невозможной конвертацию терминосистем, используемых в различных национальных социолингвистических школах. Это в свою очередь может повлечь за собой проведение ошибочных, не вполне соответствующих действительности параллелей.

5. При написании данной главы нами принимались во внимание и новейшие публикации, появившиеся за последнее десятилетие. Как известно, конец XX столетия в славянской социолингвистике ознаменовался выходом целого ряда обобщающих трудов большой теоретической и практической значимости, результаты которых в той или иной степени вводятся в научный оборот (назовем лишь выборочно: Markowski 1992; Zybatow 1995; Русский язык конца XX столетия 1996; Český jazyk na přelomu tisíciletí 1997; Slovenčina na konci 20. storočia 1997; Wilkoń 2000; Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert 2000 и мн. др.). Новаторский характер имеет подготовленная под руководством С. Гайды уникальная серия монографий “Najnowsze dzieje języków słowiańskich”, посвященных отдельным славянским языкам (Русский язык 1997; Български език 1997; Český jazyk 1998; Slovenský

jazyk 1998; Македонски јазик 1998, Hrvatski jezik 1998; Slovenski jezik 1998; Serbščina 1998; Беларуская мова 1998; Українська мова 1999 и др.). Каждая из этих монографий включает социолингвистический очерк. Заслуживают внимания и вышедшие за это время многочисленные сборники, например: Медиите и езикът 1999; Möglichkeiten und Grenzen der Standardisierung 2002 и многие другие. На некоторых из этих трудов мы впоследствии кратко остановимся.

КОНЦЕПЦИЯ ОПИСАНИЯ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

Литература, посвященная данной проблеме, настолько велика, что даже ее беглый анализ в настоящем исследовании не представляется возможным. Обращает на себя, однако, внимание то, что русская языковая ситуация, как правило, рассматривается через призму отдельных языковых идиомов – в первую очередь литературного языка (в том числе разговорного литературного языка – РР). Само же строение русского языка как самостоятельная научная задача исследуется гораздо реже. Так, даже в коллективной монографии “Функциональная стратификация языка” раздел о русском языке (Баранникова 1985) строится на материале разговорной речи, интерпретируемой как составной компонент литературного языка, выполняющий в русском языке, наряду с просторечием, т.е. общерусским койне, стоящим за пределами литературного языка, функцию повседневного, непринужденного, неофициального общения (Там же: 55). Что же касается модели строения русского национального языка в целом, то она воспроизводится лишь информативно, в начале и в конце статьи. Так, на с. 54 приводится как бы свернутая **трехкомпонентная** модель, без спецификации позиций: литературный язык, общерусское койне (просторечие), диалекты. Далее (с. 66) та же модель дается с соответствующей внутренней спецификацией: 1) социально-территориальные диалекты; 2) общерусское койне (просторечие), наддиалектное, внетерриториальное, ограниченное в социально-функциональном плане; 3) литературный язык, представленный двумя разновидностями: а) разговорная речь, используемая для нужд неофициального повседневного общения; б) функционально-стилевые варианты литературного языка, используемые в высших сферах общения. При этом отмечается, что последовательность расположения компонентов

модели отражает их **иерархическое** соотношение: от низших форм – к высшим.

В своем исследовании русской разговорной речи Е.А. Земская (Земская и кол. 1973: 7) также оперирует **трехкомпонентной** моделью русского языка, в состав которой на правах языковых систем включаются литературный язык, диалекты и просторечие.

Из числа новейших публикаций, исследующих данную проблему, обращает на себя внимание прежде всего монография Л.П. Крысина (Крысин 1989), в которой не только обобщены результаты предшествующих исследований, но и по-новому интерпретируется целый ряд важнейших вопросов социальной и функциональной дифференциации современного русского языка. В связи с тем, что в данной работе представлено детальное социолингвистическое описание как современного русского языка, так и его отдельных манифестаций, мы в дальнейшем будем к ней неоднократно обращаться.

Основу концепции Л.П. Крысина составляет **четырёхкомпонентная** модель, в состав которой на правах подсистем (терминологический аналог по отношению к “форме существования языка”) входят: литературный язык; территориальные диалекты; городское просторечие; социальные жаргоны (последние дифференцируются на профессиональные, групповые, а также молодежный).

При вычленении языковых подсистем автор оперирует прежде всего **социальным** критерием, т.е. наличие у данного языкового образования своих собственных носителей. Этот же критерий взят за основу при разграничении понятий “подсистема” и “стиль”: подсистема имеет своих носителей – стилевые различия наблюдаются в речи одних и тех же лиц (Там же: 30). Не можем не отметить, что повышенное внимание к роли социальных, т.е. внешних, факторов является одной из характерных особенностей цитируемой монографии.

Напомним, что чешский русист Вл. Барнет, оперируя **собственно лингвистическим** критерием (наличие – отсутствие целостной структуры), в отличие от Л.П. Крысина несколько снижает социолингвистический статус социолектов. Он квалифицирует последние как неструктурные образования, не входящие в состав самостоятельных языковых разновидностей (*řiznotvar*), или же форм существования языка (Barnet 1973). Как мы видим, от выбора оценочного критерия зависит итоговый результат.

Л.П. Крысин отмечает, что понятие “языковая подсистема” является исторической категорией, поскольку языковая и социаль-

ная природа этого феномена не является раз навсегда данной. Так, в XX в. некогда единый литературный язык разделяется на две самостоятельные разновидности – книжную и разговорную. Что касается территориальных диалектов, то по оценке ученого они подверглись сильнейшему расшатывающему и нивелирующему влиянию литературного языка и почти нигде не существуют в чистом виде. Соответственно все большее распространение получают промежуточные образования, совмещающие черты диалекта, литературной речи и просторечия. Среди социальных жаргонов не имеют социальной базы для своего существования (хотя бы “реликтового”) корпоративные “языки”, вроде “языка” офеней, зато получают развитие различные формы профессионального просторечия, и в социальном, и в функциональном отношении принципиально отличающиеся от корпоративных жаргонов. Наконец, социальный статус просторечия и его языковая сущность за последние полстолетия претерпели столь значительные изменения, что в русистике иногда ставится под сомнение сам факт существования городского просторечия (Там же: 31).

Анализируя сложившуюся в современной русистике концепцию членения русского языка, нельзя не заметить, что она основывается на следующих аксиомах:

а) национальный язык имеет **иерархическое** устройство, в соответствии с которым литературный язык занимает **доминирующую** иерархическую позицию по отношению ко всем другим языковым идиомам;

б) использование литературного языка характеризуется **высокой социальной престижностью**, отличающей его употребление от употребления других идиомов;

в) литературный язык является **универсальным** языковым идиомам, пригодным практически для **всех** сфер общения;

г) литературный язык имеет **двуединую** структуру, характеризующуюся наличием двух норм (кодифицированной и некодифицированной) и, соответственно, двух манифестаций: **книжной** (кодифицированной) и **разговорной** (некодифицированной);

д) использование литературного языка в ситуации непринужденного, неофициального, повседневного, спонтанного общения ставится в **прямую зависимость** от овладения нормой кодифицированного литературного языка (далее в терминологии Е.А. Земской – КЛЯ) и, в частности, от **уровня образования**, полученного индивидуумом;

е) в прогностическом отношении литературный язык является **наиболее перспективным** языковым идиомам, **успешно кон-**

курующим с другими языковыми идиомами, в частности просторечием, территориальными диалектами, обреченными, впрочем, на быстрое вымирание.

Иначе говоря, сутью концепции является **примат** литературного языка в сфере вербальной коммуникации на русском языке.

Что же касается разговорного **литературного** языка (вариативные терминологические обозначения: “разговорная речь”, “устно-разговорная речь” – в терминологии О.А. Лаптевой), то ему, несомненно, отводится важное место не только в теоретической концепции, но и в проводимой языковой политике. Именно ему предрекается овладение всей сферой непринужденного повседневного общения.

Рассмотрим ниже ключевые языковые идиомы, входящие в состав модели социально-функционального членения русского национального языка.

1. Литературный язык

Все социолингвистические описания русского языка, как уже отмечалось, исходят из безоговорочного признания максимально высокого иерархического статуса литературного языка в модели русского национального языка. Так, А.Н. Кожин не только характеризует литературный язык как ведущую форму, но и отмечает его “неоспоримое превосходство” над иными разновидностями национального языка (Кожин 1983: 14).

По мнению Л.П. Крысина, одним из важнейших свойств литературного языка является его высокая социальная престижность: “Будучи компонентом культуры, литературный язык представляет собой такую коммуникативную подсистему национального языка, на которую ориентируются все говорящие, независимо от того, владеют они этой подсистемой или какою-либо другой” (Крысин 1989: 46).

Практически все исследователи русского языка единодушно утверждают, что литературный язык является **универсальным** языковым идиомом, способным обслуживать все без исключения сферы общения. Из этого логически следует и вывод, что литературный язык “имеет тенденцию к развитию в будущем и к вытеснению (подчеркнуто нами. – Г.Н.) иных разновидностей как средства общения людей, говорящих по-русски” (Иванов 1958: 73).

Данный тезис, формулируемый достаточно определенно, содержится и в монографии Л.П. Крысина: “Использование литературного языка не имеет ситуативных и социальных ограни-

чений: он уместен в любых речевых условиях (разумеется, с необходимым стилистическим варьированием его средств), в общении с разными собеседниками” (Крысин 1989: 91).

Не является в этом отношении исключением и социолингвистический прогноз, сделанный в свое время Д. Буттлер на материале польской языковой ситуации. Отмечая стремительный темп исчезновения территориальной оппозиции “город–деревня”, исследовательница полагает, что “на первый план выдвигутся различия, проходящие внутри литературного языка (выделено автором. – Г.Н.), обусловленные различным уровнем образования, принадлежностью к различным профессиональным группам и пр.” (Buttler 1979: 34). Здесь же она констатирует, что литературный польский язык (польский терминологический эквивалент – *język ogólny*) “является единственной (выделено автором. – Г.Н.) коммуникативной системой по крайней мере для 60% молодого поколения” (Там же: 33).

В ряду признаков, выделяющих литературный язык из числа других идиомов, обычно называются: 1) обработанность, упорядоченность; 2) нормативность, узаконенная обществом (обычно кодифицированная); 3) стабильность, непрерывность традиции; 4) обязательность для всех членов коллектива, владеющих литературным языком, его наддиалектность, ведущая роль в системе разновидностей национального языка; 5) развитая стилистическая дифференциация; 6) универсальность, т.е. обслуживание всех сфер общения и выражения (производства, общественно-политической и культурной жизни, науки, быта, субъективных переживаний и т.п.); 7) наличие устной и письменной разновидностей, взаимосвязанных и дополняющих друг друга (Филин 1981: 175–176).

В сущности, сходным набором признаков оперирует и Л.П. Крысин, особенно акцентирующий следующие дифференциальные свойства литературного языка: 1) последовательная функциональная дифференцированность средств; 2) коммуникативная целесообразность нормы; 3) литературная норма является результатом не только традиции, но и целенаправленной кодификации; 4) стабильность и известный консерватизм нормы, ее медленная изменяемость (Крысин 1989: 46). Несколько раньше он говорит также о том, что норма литературного языка обладает свойством единства и общеобязательности, не исключаящей, впрочем, вариативности (Там же: 36).

Что касается внутреннего структурирования литературного языка, то он дифференцируется на книжную и разговорную раз-

новидности (дифференциация на функциональные стили нами не рассматривается, так как она выходит за рамки языковой стратификации). В этой дихотомии книжный язык обычно квалифицируется как основной носитель и передатчик культурной информации: “Все виды непрямого, дистантного общения осуществляются средствами книжного языка. Научные труды, художественную литературу, деловую переписку, законодательство, газетно-журнальную продукцию и даже такие устные по форме, но в целом строго кодифицированные сферы использования литературного языка, как радио и телевидение, невозможно себе представить без книжного языка” (Там же: 41).

По мнению того же ученого, дихотомическое членение литературного языка на книжную и разговорную разновидности произошло лишь в XX в., в то время как раньше, и в частности для периода конца XIX – начала XX в., русский литературный язык представлял собой **единое**, внутренне недифференцированное образование (Там же: 31).

Дихотомия книжно-письменного и разговорного литературного языка выдвигается на первый план и в работах таких исследователей современного русского языка, как Е.А. Земская, Л.И. Баранникова, О.Б. Сиротина и др. При этом утверждается, что носители КЛЯ одновременно являются и носителями РР. Что касается самого КЛЯ, то он подразделяется на письменный и устный.

Несколько иначе моделирует структуру литературного языка О.А. Лаптева; ср.: **кодифицированная норма** – письменная литературная речь; **устная литературная речь**, воспроизводящая соответствующий письменный текст, т.е. озвучивающая его; **некодифицированная норма, спонтанная речь** – устная литературная речь (научная, публицистическая, телевизионная, радио-); **устно-литературная (разговорная) речь** (Лаптева 1994: 160). В связи с этим не можем не отметить, что устная речь в публицистике, на радио и телевидении в зависимости от жанровой принадлежности текста может быть как кодифицированная, так и некодифицированная.

Для понимания специфики литературного языка, в том числе и его нормы, важное значение имеет состав носителей данного идиома, существенно изменившийся за последнее столетие.

Как справедливо отмечают ученые, до Октябрьской революции формирование нормы русского литературного языка было строго социально детерминировано: в состав его носителей входил достаточно узкий круг высокообразованной интеллигенции, использовавшей литературный язык в высших сферах куль-

турной и общественной жизни. Для указанного периода литературный язык был, таким образом, не только элитарным идиомом, но и идиомом с однородной и единой нормой.

После революции литературный язык начинает обслуживать слои нового общества, различающиеся по своим социальным, географическим, профессиональным характеристикам, по уровню образования и культуры. Хотя основным носителем литературного языка продолжает оставаться интеллигенция, им пользуются культурные слои рабочего класса и значительные по численности группы учащейся молодежи (Крысин 1989: 38).

В силу сказанного традиционно сложившаяся норма литературного языка оказалась под мощным воздействием **гетерогенных** речевых навыков лиц с самой различной языковой компетенцией, что не могло не повлечь за собой расшатывания сложившихся кодификационных предписаний.

Учитывая пестроту состава лиц, в той или иной мере приобщенных к литературному языку, исследователи (в частности Е.А. Земская, Л.П. Крысин и др.) используют следующие критерии для определения круга носителей современного русского литературного языка: 1) русский язык является для них родным; 2) они родились и/или длительное время (всю жизнь или большую ее часть) живут в городе; 3) они имеют высшее или среднее образование, полученное в учебных заведениях с преподаванием всех предметов на русском языке (ср., в частности, Крысин 1989: 33).

Не можем в этой связи не отметить, что хотя учет данного совокупного критерия и позволяет вычленить лиц, являющихся носителями русского языка, однако нет никакой гарантии, что их речевое поведение во всех ситуациях общения будет соответствовать норме литературного языка. Иными словами, установление прямой взаимосвязи здесь нам кажется весьма проблематичным. Еще более уязвимо установление прямой взаимозависимости между уровнем полученного образования и речевым поведением в сфере непринужденного повседневного общения. Не случайно при отборе информантов исследователям приходится вводить дополнительные ограничения. Так, Е.А. Земская в конечном итоге фактически выводит из состава носителей литературного языка лиц со средним образованием: в качестве информантов привлекаются преимущественно лица с высшим образованием и студенты вузов. Речь лиц со средним образованием обследовалась лишь в том случае, если «их высокая степень культуры, а также “речевые традиции” нам хорошо известны» (Земская и кол. 1973: 7).

Думается, что речевое поведение при непринужденном повседневном общении хотя и зависит от уровня языковой компетенции, в частности от владения нормой литературного языка, однако решающую роль при выборе языковых средств здесь все же играет сохранение ощущения коммуникативной комфортности.

По мнению исследователей, изменился и характер освоения литературного языка. Так, если раньше приобщение к нему осуществлялось главным образом преимущественно в семье, от старшего поколения к младшему, то в новых условиях это делается через книгу, через образование (ср.: Крысин 1989: 38).

Последнее утверждение также вряд ли можно принять безоговорочно, поскольку и в предшествующий период, помимо внеинституционных (т.е. в семье) факторов, важную роль в языковом воспитании играли и факторы институционные (лицеи, гимназии и другие учебные заведения).

Нарекания вызывает и недифференцированное употребление самого понятия “носитель языка”.

Так или иначе, при подобном подходе состав носителей литературного языка, несомненно, будет весьма разнородным, в чем, кстати, легко убедиться по следующей цитате: “Повышение образовательного уровня рабочего класса означает приобщение многих представителей рабочих к литературному языку... технизация и индустриализация сельского хозяйства способствуют формированию в современной деревне такого слоя населения (трактористов, комбайнеров, шоферов и др.), язык которых в значительной степени приближен к литературному и к профессиональным “языкам”, а связь с диалектной речью обнаруживается лишь в некоторых чертах фонетики, интонации, синтаксиса” (Крысин 1989: 81).

Подобная оценка речевого узуса названных групп населения представляется нам более чем завышенной. Судя по всему, это осознает и сам автор, комментируя: “Понятно, что далеко не все, кого мы причислили к кругу носителей литературного языка, отличаются этими качествами. Что же объединяет столь разнородные и в социальном, и в профессиональном, и в культурном отношении группы людей, помимо выдвинутых нами трех признаков? Все они в своей речевой практике следуют **литературной** (выделено автором. – Г.Н.) языковой традиции (а не, скажем, диалектной или просторечной), ориентируются на литературную норму... Можно было бы, конечно, считать литературной речь лишь высокообразованных, высококультурных людей, как, например, это

делают некоторые английские лингвисты... Но в таком случае “за бортом” оказались бы многочисленные слои нашего общества, язык представителей которых – не территориальный диалект, не просторечие, не профессиональный или социальный жаргон, а ... что? Образование, промежуточное между литературным языком и всеми названными подсистемами русского национального языка?” (Там же: 34–35).

Как нам представляется, при оценке речевого узуса имело бы смысл не только “примерять” его к норме того или иного идиома, а учитывать и возможность существования смешанных текстов. Полезным было бы и разграничение понятий “носитель” и “пользователь” литературного языка. Причем расширительное толкование состава носителей русского литературного языка, характерное для отечественной социолингвистики, приводит к тому, что круг лиц, относимых к “носителям”, становится весьма разнородным; ср.: «Интуитивно совершенно ясно, что внутри таким образом выделенной общности достаточно велики различия в степени владения литературной нормой. В самом деле, университетский профессор – и рабочий со средним образованием, журналист и писатель, профессионально имеющие дело со словом, – и заводской инженер или геолог, профессии которых не основываются на использовании языка, учитель-словесник – и шофер такси, коренной москвич – и выходец из костромской деревни, с детства живущий в Москве, – все эти и другие представители разнородных социальных, профессиональных и территориальных групп оказываются у нас объединенными в одну совокупность “носители литературного языка”. А между тем очевидно, что владеют они этим языком по-разному и мера приближения их речи к идеально литературной весьма различна. Они располагаются как бы на разном расстоянии от “нормативного ядра” литературного языка...» (Там же: 81).

Иную точку зрения высказывает Е.А. Земская, считающая, что “однородность (не гетерогенность) говорящего коллектива является непременным условием единства языковой системы” (Земская и кол. 1973: 6).

В социолингвистике основным источником познания нормы литературного языка длительное время считался язык произведений **художественной литературы**. Так, по мнению В.В. Виноградова (Виноградов 1982), эволюция нормы русского литературного языка непосредственно соотносится с теми или иными художественными направлениями, а также творческими личностями. Во второй половине XX в. наметилась смена эталона об-

разовой литературной речи: акцент сместился на язык СМИ, научно-публицистическую литературу. Языковой стандарт именно этих сфер употребления литературного языка учитывается ныне прежде всего при установлении литературной нормы.

В составе литературной нормы, как правило, отмечается наличие двух видов речевых стандартов – кодифицированного и разговорного (ср.: Varret 1981: 126). Вместе с тем высказывается мысль о том, что “речевая практика людей, пользующихся литературным языком, обгоняет нормативные рекомендации: в их речи могут появляться элементы, не предусмотренные ею, запрещаемые ею, отражающие тенденции развития современного просторечия или каких-либо иных разновидностей живой речи” (Крысин 1989: 39).

В связи со сказанным правомерно возникает вопрос о том, как же тогда быть с кодификацией, поскольку основной костяк литературного языка (а в нашем представлении и весь литературный язык) по определению имеет кодифицированную норму, что, разумеется, отнюдь не исключает вариативности кодификации. Ср. по этому поводу мысль М. Докулила о перспективной глубине кодификации (Dokulil 1952).

2. Разговорный литературный язык

Согласно существующей в русистике концепции РР не является самостоятельной формой существования. В триаде идиомов русского языка (литературный язык – просторечие – диалекты) он представлен не “отдельной строкой”, а включен в литературный язык. И тем не менее социолингвистическое изучение русского языка во второй половине XX в. во многом проходило под знаком исследования именно этого феномена. Большой вклад в теоретическое осмысление, а также в создание корпуса текстов РР внесли Е.А. Земская и возглавляемый ею научный коллектив. Сформировавшаяся в результате многолетних усилий теоретическая концепция получила признание в лингвистической среде.

Несмотря на то, что изучение РР осуществлялось в различных лингвистических центрах, подход к ее описанию и в какой-то мере итоговые результаты во многом оказались сходными. Ниже мы рассмотрим некоторые концептуальные положения.

В отечественной русистике РР по определению является **литературным** феноменом. Альтернативное решение попросту отсутствует.

Предметом дискуссии является лишь определение статуса РР в системе литературного языка. Разброс мнений здесь достаточно велик. Так, Вл. Барнет более склонен считать, что речь идет о **функциональном стиле** литературного языка, который пока еще полностью не стабилизировался (Barnet 1970; 1973).

Чешская русистка Кв. Кожевникова, не претендуя на выяснение соотношения между понятиями “язык – литературный язык – стиль – форма речи – разновидность” и т.д., предпочитает пользоваться рабочим понятием “спонтанная устная речь”, понимая под этим термином “всякий говоримый коммуникат, цель которого – достижение непосредственной коммуникации с присутствующим адресатом (адресатами) и психическое условие которого – субъективно неофициальные взаимоотношения участников коммуникации” (все выделено автором. – Г.Н.) (Кожевникова 1970: 13).

В.В. Виноградов применительно к разговорной речи предпочитал использовать понятие “тип/форма речи”, при этом он акцентировал ее значительное отличие от письменного литературного языка (Виноградов 1955: 78, 83).

Ф.П. Филин характеризует РР как “свободную разговорно-бытовую речь” (Филин 1973: 15).

Наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой РР квалифицируется как **разновидность** литературного языка. Так, Л.П. Крысин определяет данный феномен как разновидность, противопоставленную кодифицированному книжно-письменному литературному языку. При этом он полагает, что речь идет об основной дихотомии, присущей литературному языку (см. выше).

О.А. Лаптева называет РР “устно-разговорной разновидностью литературного языка”, или же “устно-литературной (разговорной) речью”, отличающейся от устно-литературной неразговорной речи (Лаптева 1976; 1983 и др. работы).

О.Б. Сиротинина дает следующее определение РР: “Разговорная речь – некодифицированная, но нормированная (выделено автором. – Г.Н.) разновидность литературного языка” (Сиротинина 1983: 21).

По мнению Л.И. Баранниковой, в применении к разговорной речи более удачным был бы термин “функциональная разговорная разновидность литературного языка”, но не “функциональный стиль”: «Думается, что само понятие “стиль” несовместимо с сущностью разговорной речи, так как предполагает сознательный, преднамеренный отбор соответствующих данной сфере

коммуникации элементов, соответствующую обработку и организацию их» (Баранникова 1985: 62).

Наконец, Е.А. Земская, также использующая в данном случае понятие “разновидность”, утверждает, что “РР и КЛЯ представляют собой две разновидности русского литературного языка, реализация которых определяется экстралингвистическими условиями” (Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 70).

Для концепции Е.А. Земской принципиально важным является то, что данная разновидность имеет характер особой, **самодостаточной** системы.

Заметим, что все эти разноречия в интерпретации данного феномена хронологически практически совмещены.

Уточняя свое понимание РР, Е.А. Земская утверждает, что она не видит возможности интерпретации ее ни как функционального стиля литературного языка, ни как компонента КЛЯ. “Исследования последних лет показали очень существенные различия между РР и КЛЯ. Эти различия столь велики, что объединять их в пределах одной системы нет оснований. РР не может быть включена (вернее, втиснута) в систему КЛЯ... мы признаем РР особой, отличной от КЛЯ системой” (Земская и кол. 1973: 17–18). В данном высказывании существенно то, что, с одной стороны, РР обособляется от КЛЯ; с другой – акцентируется системность ее организации – это система, притом система самодостаточная (Там же: 20). Несколькоми годами позже Е.А. Земская вновь подтверждает свою приверженность данной оценке: “Мы рассматриваем РР как особую языковую (выделено автором. – Г.Н.) систему, противопоставленную в пределах литературного языка кодифицированному литературному языку. С нашей точки зрения, РР – это особый литературный язык (выделено автором. – Г.Н.)” (Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 5). Далее следует вывод: “Мы считаем, что русский литературный язык функционирует в двух системах: КЛЯ и РР” (Там же: 20).

Интерпретируя РР как особую разновидность языка, как особую языковую систему, Е.А. Земская подчеркивает факт комплектности этой системы, поскольку она имеет “специфический набор единиц и специфические условия их функционирования на всех уровнях языка (синтаксис, фонетика, морфология, словообразование, номинативные средства). Именно поэтому, а также потому, что РР не имеет тематических ограничений, она является самодостаточной языковой системой” (Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 49).

Оценка РР как самостоятельной самодостаточной системы вызвала полемику. Эта точка зрения не была принята Л.И. Баранниковой, О.А. Лаптевой, О.Б. Сиротининой, Д.Н. Шмелевым и некоторыми другими. Ее уязвимость была подмечена оппонентами из числа чешских русистов. Так, Кв. Кожевникова совершенно справедливо комментирует: «Можно поставить под сомнение взгляд, согласно которому “разговорная речь – это особый литературный язык, который имеет специфический набор единиц на каждом уровне языковой системы и специфические законы чередования и сочетания единиц” (речь идет о Проспекте Русской разговорной речи. – Г.Н.). Если литературный язык связать с основной функцией удовлетворения интеллектуальных потребностей речевого общения (такое понимание характерно для так называемой пражской школы), то вопрос о разговорной речи как особом литературном языке, разумеется, отпадает. Если же основным критерием его считать системность, т.е. взаимосвязанность и взаимообусловленность всех его элементов, можно справедливо возразить, что в данном случае специфический набор “разговорного языка” сравнительно узок и не отличается обязательностью употребления (выделено автором. – Г.Н.)» (Кожевникова 1970: 12).

Таким образом, трактовка феномена русского разговорного литературного языка в ряде моментов весьма противоречива. Очевидно, следовало бы задуматься о возможности поиска иного решения. Так, в частности, В.Д. Девкин предлагает несколько иную оценку статуса РР: “По этическому измерению она бывает нейтральной и сниженной. Степень снижения бывает разной. Если она очень незначительна, то РР (так же, как и в случае стилистической нейтральности) включается в понятие литературного языка. Если снижение выражено достаточно сильно, литературность нарушается. Таким образом, РР одной стороной находится в пределах литературности, другой вне ее” (Девкин 1979: 34).

Вопрос об определении состава носителей РР в целом решается единообразно: к их числу относят лиц, владеющих нормой кодифицированного литературного языка. Только при соблюдении этого условия, по мнению Е.А. Земской (Земская и кол. 1973: 6), может идти речь об однородности говорящего коллектива, что в свою очередь является непременным условием единства языковой системы. Тем самым каждый носитель литературного языка, как правило, владеет и КЛЯ, и РР. Лишь в виде исключения существует феномен невладения РР. Он может объясняться либо профессиональными навыками (например у некоторых учи-

телей средней школы), либо индивидуальной психологией говорящего (Там же: 23).

Сходную позицию занимает и Л.П. Крысин, утверждающий, что носители и книжного, и разговорного литературного языка – одни и те же лица, хотя между ними могут наблюдаться различия в степени владения той и другой разновидностями (Крысин 1989: 42).

В этом же духе он формулирует и понятие “носитель литературного языка”: “Владение обеими разновидностями литературного языка, книжной и разговорной, и их уместное использование ... только таких людей и можно назвать носителями литературного языка. Напротив, владение только одной разновидностью и невладение другой воспринимается как аномалия” (Там же: 42–43). Как мы видим, позиции обоих ученых совпадают. Как считает Л.П. Крысин, “чем выше общая и речевая культура говорящего, тем естественнее сочетаются в его идиолекте обе разновидности и тем налаженнее механизм переключения с одной на другую в повседневной речевой деятельности” (Там же: 42).

Уточняя уровень языковой компетенции носителей РР, Е.А. Земская отмечает, что лица, говорящие на ней, “являются носителями литературного языка, но не являются носителями городского просторечия и диалектов” (Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 23).

Из сказанного выше, мы заключаем, что носители РР, с одной стороны, **моногlossны**, так как, кроме литературного языка, они не владеют никакой другой формой существования национального языка (что, по нашему мнению, весьма спорно, поскольку та часть интеллигенции, которая изначально владела, скажем, диалектом, сохраняет в своем подсознании норму языка своей “малой родины” и при необходимости может им воспользоваться); с другой – они **дигlossны**, так как владеют нормой **двух** литературных систем: КЛЯ и РР.

Остается также не вполне ясным, что же является первичным: владение нормой КЛЯ или же РР? Если исходить из гетерогенности состава носителей современного литературного языка (см. выше точку зрения Л.П. Крысина), то тогда нетрудно заключить, что значительная (если не большая) их часть, т.е. так называемая новая интеллигенция, некогда использовала в обиходно-бытовом общении просторечие или же территориальный диалект. В этом случае она могла усвоить норму РР уже после активного овладения КЛЯ, приобщение к которому осуществлялось внесемейным путем, т.е. через систему образования, книги,

СМИ и пр. Впрочем, в двух последних случаях (книги, СМИ) речь может идти прежде всего о **пассивном**, а не об активном освоении нормы. Что же касается школьного и пр. образования, то здесь учащиеся приобщаются прежде всего к письменному и устному, а отнюдь не к разговорному литературному языку.

Таким образом, возникает явно тупиковая ситуация. Примечательно, что, по словам Л.И. Баранниковой, “когда началось систематическое изучение русской разговорной речи, сразу же было внесено уточнение, что имеется в виду речь носителей литературного языка, не осложненная влиянием какого-либо диалектного или языкового субстрата, т.е. что исследовалась речь людей, для которых русский язык – родной, которые родились и выросли в городе, имеют высшее или среднее образование и обычно являются носителями литературного языка не в **первом** (выделено нами. – Г.Н.) поколении” (Баранникова 1985: 62). В связи с последним не можем не заметить, что подобное генерационное ограничение у Е.А. Земской и Л.П. Крысина отсутствует. Его введение существенно сужает исследовательское поле.

Небезынтересно, что, по мнению О.Б. Сиротининой, РР стихийно усваивается ребенком уже на первом году жизни. Так, она пишет: “Следует помнить, что разговорная речь, естественная для детей, освоенная ими с первого года жизни, оказывает воздействие на письменную речь учащихся, которой они начали обучаться в школе, но которая еще не стала для них привычной” (Сиротинина 1983: 4).

Нельзя не отметить, что возможность спонтанного освоения разговорной литературной нормы годовалыми детьми или же школьниками младших классов нам представляется весьма сомнительной; ср.: “Школьники, особенно младших классов, фактически владеют только одной разновидностью литературного языка – разговорной речью” (Там же: 3). В этой связи приведем примеры из наших собственных наблюдений за речью детей младшего возраста, вырастающих в интеллигентной среде: в одном случае в речи ребенка полностью отсутствует средний род существительных (*всю мясу смолол*); в другом – трехлетняя девочка последовательно употребляет в тв. мн. флексию *-ама*, столь типичную, кстати, для разговорной чешской речи (*лапкама, игрушкама, ручкама, ножкама* и пр.)

Разногласия имеются и при установлении хронологии возникновения РР. Так, Л.П. Крысин относит ее формирование к первой половине или же середине XX в.: “Литературный язык, относительно периода конца XIX – начала XX в. рассматривавшийся как

единое образование, сейчас отчетливо подразделяется на две самостоятельные разновидности – книжную и разговорную” (Крысин 1989: 31). Совершенно иная датировка приводится у Л.И. Баранниковой: “Есть основания считать начальным этапом формирования русской разговорной речи первую треть XIX в. (точнее 20–30-е годы), а социальной средой, в которой наиболее активно разворачивался этот процесс, – среду тех культурных дворянских кругов, которые прямо или косвенно были связаны с декабризмом, с отрицанием галломании, со стремлением к развитию и обогащению русской культуры и русского языка. И в первую очередь это деятельность Пушкина и его друзей” (Баранникова 1985: 59). Далее она добавляет, что процесс формирования РР, начавшийся в дворянской среде, еще более интенсивно развивался в демократических слоях, в кругу разночинцев, не получавших в семейном общении навыков использования “дворянского просторечия” и французской речи.

Не вдаваясь в детали этого вопроса, мы хотели бы все же отметить, что тот феномен, о котором говорит Л.И. Баранникова, на наш взгляд, является устным литературным языком (см. предыдущую главу).

Сфера функционирования РР исследователями очерчивается достаточно четко. Так, по мнению Е.А. Земской, “РР предназначена для общения: а) не только в семье, но и в любом кругу лиц, между которыми имеются непринужденные отношения; б) не только на бытовые темы. Учитывая эти обстоятельства, кроме сферы семейно-бытового общения следует выделять более широкую коммуникативную сферу – сферу непринужденного личного общения (выделено автором. – Г.Н.)” (Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 20). В числе экстралингвистических факторов, обуславливающих использование РР, здесь называются: неофициальность, неподготовленность, непринужденность (Там же: б).

С учетом данных критериев под РР имеется в виду неподготовленная речь носителей литературного языка, обнаруживающаяся в условиях непосредственного общения при неофициальных отношениях между говорящими и отсутствии установки на сообщение, имеющее официальный характер (Земская и кол. 1973: 17). Другие исследователи этого феномена очерчивают сферу его функционирования примерно сходным образом. И тем не менее тезис о том, что носитель литературного языка в условиях непринужденного, неподготовленного, т.е. спонтанного, общения, характеризующегося минимальной автоцензурой, будет непременно соблюдать пусть и смягченную, но все же ли-

тературную норму, нам представляется весьма уязвимым. Не случайными поэтому являются рекомендации О.Б. Сиротининой о необходимости целенаправленной корректировки РР школьников (т.е. речевой регламентации при непринужденном и спонтанном общении): «К сожалению, иногда наблюдается стремление противопоставить свою речь официальной книжной речи, что приводит к засорению речи грубыми словами, жаргонными словечками и даже ругательствами. Хотя вкрапления такого рода в разговорной речи допустимы, но в нормы ее нелитературная лексика не входит. Следует предостеречь школьников даже от нарочитого употребления нелитературных слов. Все эти нелитературные слова и словечки не придают речи ни выразительности, ни эмоциональности. Они лишь свидетельствуют о бедности (выделено автором. – Г.Н.) лексики, неумении четко и ясно выразить мысль. Эмоциональность разговорной речи достигается специальным интонированием и без таких словечек (*He едет, Таня, не едет!* фактически означает нечто вроде: *He едет, Таня, черт ее поберет*). Поэтому в речи культурных людей “специальных” слов, выражающих эмоции говорящих, обычно немного. Основная масса слов разговорной речи – самые обычные, общелитературные нейтральные, а вовсе не особые “разговорные” словечки» (Сиротинина 1983: 31). Как мы видим, применительно к описываемому случаю вряд ли можно говорить о спонтанной речи. Налицо, напротив, речевое поведение, регулируемое и даже регламентируемое различными ограничениями.

За последние десятилетия была проделана значительная работа по созданию свода текстов РР, весьма тщательно изученных и интерпретированных, по описанию нормы РР, которая единодушно определяется как некодифицированная, хотя и литературная. Она реализуется в том случае, когда носитель литературного языка оказывается в ситуации неподготовленности и непринужденности акта коммуникации, а также при непосредственном участии говорящих в этом акте (ср.: Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 5). При этом не подвергается сомнению тот факт, что итоговый “речевой продукт” непременно будет иметь признаки хотя и некодифицированного, но тем не менее литературного высказывания.

Невзирая на проделанный детальный анализ, установить **рельефные** нормативные контуры РР, на наш взгляд, все же не удалось. Кстати говоря, подобное не удалось сделать и в богемистике, хотя в свое время было предпринято все возможное для насаждения феномена *hovorová čeština*. Анализ эксцерптивного материала

выявляет настолько разительные языковые отличия конкретных разговорных текстов от существующей литературной нормы, что порой создается впечатление, что РР именуется литературным феноменом лишь формально. Действительно, трудно усмотреть литературность во фразах типа: “Дай чем писать”, “Я не успела врубиться”, “Работает в институте Чего-то паразитологический институт какой-то” – последний пример заимствован у К. Кожевниковой из цитированного труда (Кожевникова 1970: 16) и т.п.

Характер наблюдаемых отличий, на наш взгляд, не дает реальных оснований для квалификации РР как особой, **самодостаточной** системы. Об этом в свое время также говорили и русисты из Карлова университета в Праге К. Хлупачова, О. Кафкова, И. Цамуталиова, комментируя, что приведенный материал “нередко колеблется между полюсами литературность/нелитературность и категорически не представляет собой никакой определенной, полностью определившейся однородной формации. Материал разговорного языка ... содержит в действительности средства разных языковых формаций, которые говорящие свободно избирают в соответствии с функциями сообщения, адресатом, связями между обоими говорящими и т.д. Эти языковые формации содержат целую шкалу синонимичных средств, которые простираются от эксплицитности до разных ступеней эллиптичности” (Chlupáčová, Kafková, Camutaliová 1975: 130).

3. Городское просторечие

Городское просторечие представляет собой очень важное и, на наш взгляд, до сих пор недостаточно описанное, и тем более оцененное, звено в системе русского языка. Причина этой недооцененности во многом коренится в том, что за данным феноменом традиционно закрепилась “репутация” **непрестижного**, социально маркированного идиома, используемого людьми необразованными, не владеющими нормой литературного языка. Так, в современных работах под просторечием понимается, с одной стороны, совокупность стилистических средств сниженной экспрессии; с другой (и прежде всего) – “имманентно нейтральные с точки зрения стилистики и не закрепленные территориально особенности речи лиц, не владеющих в необходимой мере нормами литературного языка” (Городское просторечие 1984). Ср. также определение современного просторечия как языка необразованных слоев города, прежде всего языка старшего поколения (ср.: Капанадзе 1984).

Между тем престиж просторечия в истории русского языка далеко не всегда был таким низким, о чем, в частности, убедительно пишет В.В. Виноградов в “Очерках по истории русского литературного языка XVII–XIX веков” (Виноградов 1938).

На протяжении длительного времени просторечие рассматривалось как живая разговорная русская речь, используемая образованными слоями общества в повседневном непринужденном общении. Вплоть до середины XVIII в. эта часть русского общества «не чуждалась мещанского просторечия и свободно включала элементы “простонародного” крестьянского языка, даже областные, диалектальные» (Там же: 141). Бытовое просторечие образованных кругов общества тесно взаимодействовало с литературным языком.

Позднее, в первой половине XIX в., т.е. в период, когда в России распространилась мода на использование в светском общении французского языка, а также всемерно культивировался кружковый, салонный, светский язык с определенными элементами нарочитости, значимость просторечия как живой обиходно-разговорной русской речи стала еще более очевидной.

Чрезвычайно важным представляется проводимое В.В. Виноградовым разграничение между **просторечием** и **простонародным языком**, в соответствии с которым просторечие им определяется как «обиходные, не “светские”, не связанные нормами этикета стили живой устной речи» (Там же: 231). Соответственно под простонародным понимается обиходный язык сельского населения в его общих, не имевших резкого местного, областного отпечатка формах; язык дворни, городских ремесленников, мещанства; язык мелкого чиновничества (без профессиональных выражений). Иными словами, на простонародном языке говорили широкие демократические массы, не тронутые просвещением (Там же: 227–228). Впрочем, по словам В.В. Виноградова, “элементы этого простонародного языка были очень сильны и в просторечии образованного общества” (Там же: 228).

Оценивая просторечие как гетерогенный феномен, ученый подчеркивал, что “просторечие представляло собой литературно не нормированную массу фамильярнобытовых диалектов города, одни из которых сливались с разговорной речью высших классов, другие – с говорами мещанского и крестьянского языка... Таким образом, просторечие включает в себя не только разговорно-фамильярные стили интеллигенции, но и бытовой язык разных социальных групп города, поместья, иногда даже деревни” (Там же: 232–234).

Следует только сожалеть, что в существующих в русистике концепциях членения национального языка возобладала сниженная оценка данного феномена, что, впрочем, не уменьшает интереса ученых к исследованию этой формы существования языка. Важный вклад в изучение русского просторечия внес коллективный труд "Городское просторечие" (М., 1984). Интересная и весьма перспективная для дальнейшей разработки интерпретация просторечия содержится в труде Л.П. Крысина.

Ниже будут кратко рассмотрены некоторые аспекты современной концепции городского просторечия.

Основными признаками русского просторечия, по мнению Е.А. Земской, являются: 1) несоответствие нормам литературного языка; 2) его широкое распространение в речи лиц недостаточно образованных; 3) принадлежность к речи горожан (Земская 1983).

В ряду отличительных примет просторечия обычно называют: наддиалектность, территориальную неприкрепленность, непрестижность, стихийность функционирования, гетерогенность как носителей, так и нормы, граничащую с аномативностью, и т.п. (Крысин 1989: 55). Нельзя не заметить, что во всех этих признаках содержится "минусовая" характеристика, создающая впечатление полной "обреченности" данного феномена в прогностической модели русского языка.

Одной из причин этого, на наш взгляд, является функциональное пересечение просторечия и РР. Как отмечает Л.И. Баранникова, "функцию повседневного, непринужденного, неофициального общения в русском языке выполняет разговорная речь, являющаяся составным компонентом литературного языка, и просторечие... т.е. общерусское койне, стоящее за пределами литературного языка. Объединяет эти два типа страт прежде всего сходство (но не полная идентичность) их функций, наддиалектность, спонтанность, устная форма существования, определенное сходство принципов структурной организации, порожденное сходством экстралингвистических признаков" (Баранникова 1985: 55).

Как совершенно справедливо отмечает исследовательница, наличие двух разновидностей языка, выступающих в одинаковой функции, является не только русской особенностью. Оно отмечается и в других языках, но характер отношений между этими разновидностями, их место в общей системе русского языка своеобразны и заслуживают особого рассмотрения (Там же).

В продолжение этой мысли мы хотели бы подчеркнуть, что оценка степени социальной престижности идиома типа русского

просторечия во многом зависит от соответствующей оценки его конкурента, а именно – РР. Поскольку значимость данного конкурента в системе этнической вербальной коммуникации оценивается довольно высоко, престижность его антипода, напротив, котируется низко. Тем самым русское просторечие находится как бы в тени более сильного партнера, каковым является РР и, соответственно, оказывается в слабой позиции. Не случайными поэтому являются утверждения о малочисленности носителей просторечия, о его исчезновении и т.п.

Не можем мы согласиться и со встречающимся в литературе утверждением о “монолингвизме” носителей просторечия (Крысин 1989: 55), их неспособности варьировать свою речь в зависимости от характера ситуации, цели и адресата. На наш взгляд, активное владение нормой просторечия не исключает **пассивное** освоение нормы литературного языка либо владение (пусть и остаточное) нормой диалекта.

Сомнительным нам представляется и прогнозирование стремительного сокращения социальной базы таких подсистем, как территориальный диалект и просторечие, а также сужения сферы их применения (Крысин 1989: 174).

Есть все основания думать, что скорость протекания интеграционных процессов не будет столь стремительной, как это ожидалось, да и само развитие процесса может оказаться не столь прямолинейным, как это гипотетически выстраивается. Характерно, что и сам Л.П. Крысин приводит немало фактов, подтверждающих значимость просторечия в системе современной вербальной коммуникации; ср. хотя бы следующее его высказывание: “Важно, однако, как кажется, не преуменьшать роль просторечия, которое, несмотря на значительные изменения в его социальной базе, функционально еще достаточно активно” (Там же: 55). Не случайно он признает за просторечием статус подсистемы национального русского языка.

Особого внимания заслуживает предлагаемая Л.П. Крысин дифференциация русского просторечия на две манифестации, отличающиеся друг от друга как хронологически, так и социально: это просторечие-1 и просторечие-2.

Просторечие-1 отмечается у горожан старшего возраста (главным образом пожилых женщин), не имеющих образования или имеющих начальное образование. Их речь обнаруживает явную преэминентность по отношению к диалекту и полудиалекту.

Носителями просторечия-2 являются горожане среднего и молодого возраста, (преимущественно мужчины), имеющие неза-

конченное среднее образование, не владеющие нормами литературного языка; их речь лишена диалектной окраски и в значительной степени жаргонизирована (см. подробнее: Крысин 1989: 56 и далее).

Особенно существенной нам представляется квалификация просторечия-2 как более молодой разновидности городской речи с характерным для нее уменьшением контрастности средств выражения (сравнительно с литературным языком), сближением их, по крайней мере в формальном отношении, со средствами выражения, присущими социально престижным разновидностям национального языка – разговорной и кодифицированной литературной речи.

Важным является и уточнение статуса просторечия-2 в модели национального языка: “оно занимает промежуточное положение не только между литературным языком и территориальными диалектами (это характерно для просторечия-1), сколько между групповыми и профессиональными жаргонами, с одной стороны, и литературным языком – с другой. Тем самым просторечие-2 играет, по сути, роль проводника, через который в литературную речь идут различные иносистемные элементы – профессиональные, жаргонные, арготические” (Там же: 62).

Не можем, однако, не отметить, что на уровне текста проведение четких границ как между манифестациями просторечия, так и между просторечием как феноменом и более культивируемыми формами речевого поведения далеко не всегда представляется возможным. Так, Л.П. Крысин утверждает, что выражения типа *надо же, подсуесться* и т.п. являются просторечными, однако в действительности подобная лексика свободно используется и современными носителями литературного языка. Соответственно трудно согласиться с просторечной квалификацией таких слов, как *часик, часок, рехнуться, ловить кайф, трепач, ловкач, хохмач, трюкач, фирмач, поправиться* “прибавить в весе”, *получка* “зарплата”, *он с какого года?* (Капанадзе 1984). Далее, высказывание типа *в марте месяце* (Там же), на наш взгляд, является не просторечным, а клишированным, широко используемым как в устных, так и письменных высказываниях, причем нередко официальных. Высказывание типа *он живет дом восемь*, характеризующее как просторечное (Земская, Китайгородская 1984), в сущности, ничем не отличается от дай чем писать, которое оценивается как литературно-разговорное. Число подобных примеров может быть умножено.

Как мы полагаем, наметившаяся в настоящее время смена речевой эстетики (см. первую главу) делает все более очевидным преобладание в речевом узусе непринужденного повседневного общения феномена смешанных текстов, не “привязанных” к какому-то конкретному идиому. Именно такой симбиозный характер имеет феномен просторечия-2.

4. Территориальные диалекты

Значимость диалектов как объекта социолингвистического наблюдения двояка: с одной стороны, в аспекте исторической перспективы их роль в модели этнического языка, несомненно, снижается; с другой – в условиях русскоязычного континуума они все еще продолжают играть важную роль в силу значительной сохранности диалектного ландшафта. Так или иначе, при моделировании строения этнического языка им обычно отводится нижняя позиция в иерархической пирамиде. Основанием для этого служит их сниженная социальная престижность, социальная и возрастная ограниченность круга носителей “чистого” диалекта, ограничение сферы использования диалекта семейными и бытовыми ситуациями (Крысин 1989: 51).

В современных социолингвистических описаниях русской языковой ситуации акцентируется, что территориальные диалекты дифференцированы социально и ситуативно (диалект в чистом виде сохраняется у сельских жителей старшего поколения, главным образом женщин). При этом особое значение придается влиянию социально-экономических преобразований в деревне.

В литературе довольно часто высказывается мнение о разрушительной силе влияния литературного языка на диалекты. Не отрицая значимости последнего как интегрирующего фактора, мы тем не менее считаем, что диалекты и литературный язык представляют собой **разнопорядковые** явления, взаимодействие которых вряд ли можно интерпретировать столь упрощенно. Тем более, если учесть, что значительная масса сельского населения является лишь **пассивным**, а отнюдь не активным пользователем литературного языка. Это означает, что уровня их языковой компетенции вряд ли достаточно для порождения корректного с точки зрения литературной нормы текста.

Важные наблюдения по поводу восприятия диалектоносителями языка устных СМИ (как монологической, так и диалогической речи) содержатся в упоминавшейся выше монографии Л.Э. Калнынь и Л.И. Масленниковой: “Для носителей русского

(как и всех славянских) диалектов литературная форма языка безусловно вполне понятна. Однако ситуация контакта с радио- и телеречью имеет свою специфику. Для слушателя язык средств массовой информации принципиально монологичен; диалог, в котором не участвует аудитор, также воспринимается как монолог (подчеркнуто нами. – Г.Н.) (т.е. речевая деятельность, протекающая без его участия). Форма же монолога, имеющего к тому же определенные лингвистические отличия от языка аудитора, не обеспечивает полного понимания передаваемой информации” (Калнынь, Масленникова 1995: 23–24). Иными словами, происходит потеря информации, чрезвычайно нежелательная для коммуникативного контакта.

По мнению исследователей, современные территориальные говоры имеют весьма неоднородную структуру. Так, в классификации диалектной речи, приводимой Л.М. Орловым, выделяются три типа диалектной речи: тип “Д” с сохранением примет территориального диалекта-основы; тип “Л”, близкий к литературному языку; тип “С”, наиболее полно соединяющий элементы диалекта и литературного языка (Орлов 1968: 156–158). Как мы видим, в этой классификации оценочным критерием является именно отношение к литературному языку.

Важной формой эволюции диалектов является междиалектное выравнивание, приводящее к формированию полудиалектов, или же интердиалектов.

* * *

Помимо рассмотренных выше трех функциональных блоков в состав модели современного русского языка включаются также (хотя и с разным социолингвистическим статусом) **социальные диалекты**, значимость которых в современном речевом узусе существенно возросла.

Заключая характеристику концепции членения русского языка, считаем необходимым отметить, что столь характерный для нее “литературноцентризм”, присущий стратификационной концепции в целом, оказал влияние не только на систематизацию языковых идиомов. Он сказался и на оценке состояния речевого узуса, и на определении направленности языковой динамики, и, наконец, на выработке стратегии и тактики в области языковой политики.

В соответствии с рассматриваемой концепцией литературный язык аттестуется, по сути, как **универсальный** идиом с практически неограниченным диапазоном функционирования.

В свете рассмотренной выше теоретической концепции логически закономерным является следующий прогноз развития русской языковой ситуации (Крысин 1989: 173–174): а) дальнейшее расширение социальной базы литературного языка; б) вовлечение в круг носителей литературного языка все новых слоев и групп населения в результате действия таких факторов, как урбанизация, сильный отток сельского населения в города, повышение образовательного уровня большинства групп населения, численный рост интеллигенции, развитие средств массовой информации и др.; в) демократизация состава носителей литературного языка, приобщение к норме которого осуществляется ныне не через преобладавшую ранее семейную традицию, а через книгу, через образование; г) возрастание полифункциональности литературного языка, обусловленное его использованием с различными коммуникативными функциями и в разных сферах общения; д) стремительное сокращение социальной базы таких подсистем, как территориальный диалект и просторечие, сужение коммуникативной сферы их применения (в основном внутрисемейные и бытовые ситуации); е) совершенствование системы литературного языка в противоположность расшатыванию (под влиянием литературного языка) системы некодифицированных языковых образований, которое сопровождается утратой их целостности.

Вряд ли нуждается в доказательстве то, что данная оценка в ряде отношений была слишком прямолинейна и что реальная языковая картина, в том числе и в ее футурологическом варианте, во всех языках, включая и славянские, оказалась гораздо сложнее и противоречивее как по существу протекающих в них процессов, так и по темпу их развития.

Достаточно сказать, что, вопреки всем предположениям, не состоялся “победный марш” литературного языка, поскольку по своим сущностным свойствам этот идиом не может обеспечить весь коммуникативный спектр, и что, в частности, в сфере непринужденного повседневного спонтанного общения его многочисленные и несомненные достоинства попросту не нужны и, следовательно, не могут быть востребованы.

Как показывает речевая практика, уровень полученного образования (без учета его качественной характеристики), равно как и воздействие СМИ, книг и т.п., не являются гарантией приобщения к норме литературного языка и тем более не являются гарантией того, что именно литературному языку будет отдано предпочтение при повседневной непринужденной коммуни-

кации. Что касается последнего, то здесь нельзя недооценивать и роль психологии индивидуума.

Возрастание общественной и, соответственно, вербальной активности граждан (особенно выступления без заранее подготовленного письменного текста, т.е. “без бумажки”) отчетливо выявили погрешности в языковой компетенции носителей этнического языка в сфере устной публичной коммуникации.

Спорным, на наш взгляд, является и тезис об **одностороннем** (под влиянием литературного языка) расшатывании нормы некодифицированных языковых идиомов, без учета встречного влияния их нормы на литературный язык, т.е. феномен взаимодействия норм речевого поведения. В этом отношении нам представляется совершенно справедливым мнение чешского ученого А. Едлички об одновременном действии в современной языковой ситуации двух противоположных процессов: 1) укрепление нормы литературного языка в сознании его носителей; 2) ослабление нормы литературного языка под давлением новых коммуникативных потребностей и задач, а также под влиянием расширения и изменения состава носителей языка (см. по этому поводу: Jedlička 1974).

Значительно большей сохранностью, чем предполагалось, отличаются территориальные диалекты. Недооцененной оказалась и жизнеспособность таких интегрированных региональных форм общения, как русское просторечие и т.д.

В целом в современной русистике сохраняется приверженность “идиомному” членению языкового пространства, с преобладанием “литературноцентристского” подхода. Остается в силе и интерпретация литературного языка как триединого феномена (литературный письменный язык, литературный устный язык и, наконец, разговорный литературный язык), что, на наш взгляд, создает дополнительные трудности для исследователей, тем более, что по-прежнему остаются не ясными контуры грамматической системы РР. Нет ответа и на вопрос, на какой уровень грамматической системы языка следует прежде всего ориентироваться при диагностировании текста как литературного и каким должен быть порог “литературности”.

В 90-е годы в российской социолингвистике появился ряд итоговых обобщающих трудов, имеющих непосредственное отношение к интересующей нас проблематике. Назовем прежде всего “Русский язык конца XX столетия” (издания 1996 и 2000 г.), а также том по русскому языку в упоминавшейся выше “опольской” серии (Русский язык 1997) и др. В целом, анализируя напра-

вленность проводимых исследований, нельзя не отметить усиление внимания к изучению явлений интерференции, включающей проблему взаимоотношения между литературным языком и другими формами существования русского языка (территориальными диалектами, городским просторечием, профессиональными и социальными жаргонами). Одним из результатов интерференции является, в частности, образование промежуточных языковых форм (ср.: Русский язык 1997: 42, автор раздела Л.И. Крысин). Ведется интенсивная и успешная разработка коммуникативного аспекта. Упомянем в этой связи исследования городской речи, например, речи москвичей (Китайгородская, Розанова 1994; Китайгородская, Розанова 1999) и др. Предметом пристального внимания ученых служит язык СМИ как одной из важнейших сфер функционирования русского языка, изучаются и современные социолекты, прежде всего жаргоны, языковые изменения, обусловленные усиленной миграцией, ростом урбанизации и т.д. Немалый вклад в разработку проблематики функционирования современного русского языка вносят и зарубежные русисты – назовем для примера книгу Л. Зыбатова о русском языке новейшего времени (начиная с эпохи перестройки) (Zybatow 1995).

КОНЦЕПЦИЯ ОПИСАНИЯ ЧЕШСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

Изложение данной концепции мы хотели бы предварить небольшим вступительным комментарием. Выше уже говорилось о том, что привлечение чешского материала имеет особую значимость для решения проблемы моделирования строения этнического языка. Дело в том, что чешская языковая ситуация в силу своей специфичности может служить тем контрастным фоном, благодаря которому можно увидеть в новом свете целый ряд важных социолингвистических проблем, в том числе и таких, в отношении которых уже, казалось бы, сложилось однозначное мнение.

Сказанное отнюдь не означает, что чешская языковая ситуация развивается по каким-то особым законам. Универсальной регулирующей тенденцией здесь, как, очевидно, и в любой другой языковой ситуации, является развитие **интеграционных общезначеских** процессов. Различие, однако, состоит, с одной стороны, в **скорости** протекания этих процессов; с другой – в их **качественных** проявлениях.

Напомним в этой связи ранее высказанную нами мысль о том, что значение сопоставительного изучения близкородственных языков во многом заключается в том, что оно позволяет наблюдать различие в **темпе** протекания идентичных языковых процессов. В результате этого “**синхронная** конфронтация близкородственных языков дает возможность наблюдать **диахронно в пространстве**, то есть **синхронно** зафиксировать **различные** стадии протекания **одного и того же** процесса. Данное обстоятельство ... позволяет прогнозировать направленность эволюции для тех языков, в которых тот или иной процесс по каким-то причинам протекает более медленно” (Нещименко 1983: 49).

Для чешской языковой ситуации характерно то, что интеграционные процессы в ней проявляются, во-первых, в **более выраженной** форме; во-вторых, более очевидным является **встречное** взаимодействие разговорных феноменов и литературного языка. Причем роль первых является весьма существенной.

Мощное развитие интеграционных процессов охватывает не только сферу экономики, культуры и т.п. чешского этноса, оно оказало значительное опосредованное воздействие на само языковое пространство, ускорив формирование обобщенных разговорных надрегиональных феноменов **общеэтнического** значения. К числу последних в первую очередь относится феномен *obecná čeština*, характеризующийся как выраженной функциональной экспансией, так и экспансией территориальной в восточную часть чехоязычного континуума.

Таким образом, в чешской языковой ситуации роль интегрирующего начала активно выполняет не только литературный язык, но и разговорный (нелитературный!) идиом, отличающийся высокой конкурентоспособностью как в сфере устной коммуникации, так и в культурном творчестве. Не случайно именно это функциональное звено в модели чешского языка, и прежде всего *obecná čeština* как его типичный репрезентант, концентрирует на себе внимание исследователей. Об уникальности статуса данного феномена пишет в своих работах и Д. Брозович (ср., в частности, Брозович 1967).

Важным фактором в развитии чешской языковой ситуации является и наличие ощутимой дистанции между узусом непринужденного повседневного общения на чешском языке и действующей кодификацией чешского литературного языка. Эти отличия наблюдаются на всех уровнях языковой системы. Мало того, они настолько велики, что могут способствовать возникновению определенной коммуникативной дискомфортности. Данное обстоя-

тельство косвенно подтверждает невозможность “узурпации” литературным языком всего этнического коммуникативного пространства, оно разрушает иллюзию литературного “говорения” при непринужденном повседневном общении лиц, в отношении языковой компетенции которых, казалось бы, нет сомнений – это носители литературного языка.

Иными словами, то, что в других языках является как бы “тайным”, замаскированным близостью (но не тождеством!) норм регулируемого и нерегулируемого речевого поведения, в чешском языке, благодаря маркантным отличиям этих норм, становится явным, а именно: литературный язык не имеет субстанциональных предпосылок для полноценного функционирования в ареале нерегулируемого речевого поведения.

Не случайно именно чешские ученые достаточно рано стали осознавать уязвимость феномена “разговорный литературный язык”. Сказанное заметно уже в ранних работах Б. Гавранека. К сожалению, позже его позиция несколько изменилась (см. ниже).

Таким образом, благодаря маркантности нормативных различий чешской литературной и непринужденной, спонтанной (разговорной) речи, более определенным становится ответ на са크раментальный социолингвистический вопрос, говорят ли, в действительности, литературно в своем повседневном общении носители литературного языка и, вообще, насколько правомерен сам феномен разговорного литературного языка. Анализ непринужденной коммуникации носителей чешского литературного языка, как правило, не оставляет сомнений в том, что порождаемые в этом случае тексты по своей организационной структуре не являются литературными, хотя и содержат литературные включения.

Закljučая этот краткий комментарий, подчеркнем, что для понимания специфики языкового развития чешского этноса важно учитывать следующие факторы:

1) отсутствие непрерывности в развитии чешского литературного языка, процесс возрождения которого в конце XVIII в. ознаменовался возвратом к норме литературного языка конца XVI – начала XVII вв. В отличие от других славянских языков чешский литературный язык возник не на базе существующего современного литературного узуса или же современного разговорного языка, а на основе литературной нормы двухвековой давности.

Не углубляясь в причины, повлиявшие на принятие подобного решения, отметим лишь, что здесь сыграла свою роль и господствовавшая в ту пору эстетическая концепция, согласно ко-

торой литературный язык, предназначавшийся прежде всего для элитарной литературы “высших жанров”, в частности поэзии, должен был значительно отличаться от языка произведений “низших жанров”, а тем более от речевого узуса повседневного общения (ср.: Jungmann 1948);

2) непрерывность поступательного развития языковой нормы непринужденного повседневного общения. В отличие от литературного языка языковые идиомы данной сферы общения развивались непрерывно и органично. В течение длительного времени (по крайней мере с середины XVII до середины XX в.) именно они были основным компонентом формирования этнического самосознания чешского народа. Новый литературный язык сформировался лишь к 30-м годам XIX в., впрочем и тогда в силу архаичности кодификации он был “роковым образом”, по словам В. Матезиуса (Mathesius 1974: 442), отдален от разговорного языка.

* * *

Проблема функциональной стратификации современного чешского языка привлекает внимание ученых как в Чехии, так и за ее пределами (в числе последних могут быть названы М. Вей, А. Широкова, Л. Гаммер, Г. Кучера и многие другие). В отдельные периоды, особенно на рубеже 60-х годов XX в., интерес к ней достигал своеобразного апогея, что особенно четко проявилось во время известной лингвистической дискуссии. Изучение этой проблемы не утратило своей значимости и ныне, когда после почти двадцатилетнего перерыва, использованного для накопления огромного фактографического материала, ученые в начале 80-х годов вновь вернулись к обсуждению глобальной проблемы чешской языковой ситуации.

Несмотря на то, что проблема функциональной стратификации чешского языка была предметом постоянного и систематического внимания, вряд ли можно с уверенностью сказать, что она решена с исчерпывающей полнотой и что существует концепция, вполне адекватно отражающая современную чешскую языковую ситуацию. Сказанное, разумеется, отнюдь не умаляет значимости вклада чешской лингвистической школы в разработку этой чрезвычайно сложной проблемы.

Стратификационная модель, по которой обычно описывается чешская языковая ситуация, в основном сходна с моделью, используемой для русского языка. Это обусловлено как типологической близостью языков, так и сходством экстралингвистических обстоятельств жизни данных этносов. Немалую роль играет

и традиционно тесное научное взаимодействие обеих социолингвистических школ.

В формировании концепции функционального членения чешского языка условно могут быть выделены три этапа, каждый из которых знаменует собой дальнейшее продвижение в изучении проблемы: а) до дискуссии; б) дискуссия (конец 50-х. – начало 60-х годов); в) последискуссионный период (вторая половина 60-х годов – по настоящее время). Данная рубрикация будет нами учитываться при последующем изложении.

*А. Первый этап разработки
концепции чешского национального языка
(до лингвистической дискуссии)*

В классическом виде стратификационная концепция членения чешского языка была разработана прежде всего в трудах Б. Гавранека, а также Я. Белича. Важное значение имели и работы А. Едлички, в большинстве своем появившиеся несколько позже.

В ходе этих исследований были выделены основные блоки модели, во многом остающиеся в силе и ныне.

Последовательное применение идей Пражской лингвистической школы, и прежде всего системно-функционального метода, позволили Б. Гавранеку отойти от традиционной **дихотомической** дифференциации национального языка на литературный язык и диалекты, увидеть многослойность его системы. В соответствии с концепцией Б. Гавранека модель чешского языка включает, помимо литературного языка, занимающего высший ярус, и территориальных диалектов, находящихся на низшей иерархической ступени, также промежуточное звено, объединяющее языковые идиомы, используемые в сфере повседневного непринужденного общения. Интерпретация именно этих промежуточных манифестаций имеет принципиальное значение для понимания существа социолингвистических описаний чешского языка. В связи со сказанным наше внимание будет обращено в дальнейшем на феномены обиходно-разговорного языка – *obecná čeština* (Common Czech) и разговорного литературного языка – *hovorová čeština* (Colloquial Czech).

Попутно отметим, что если в русистике, особенно в последние годы, предметом исследования был прежде всего разговорный литературный язык (РР), то в богемистике повышенное внимание уделялось идиому *obecná čeština*, характеризующемуся выразительными субстанциональными признаками, а также четко очер-

ченным функциональным диапазоном. Специфика исторической судьбы чешского народа предопределила особую значимость этого феномена в системе коммуникации на чешском языке.

1. Идиом *obecná čeština*

Феномен *obecná čeština* (далее – ОЇ) является старейшим, наиболее консолидированным интердиалектом, городским койне Праги, культурного и политического центра государства. Начало его формирования восходит к XV–XVI вв., период стабилизации – к XVII–XVIII вв.

Интерпретация данного феномена в работах Б. Гавранека с течением времени претерпевала изменения.

Принципиальная новизна позиции Б. Гавранека заключалась в том, что уже в своих ранних работах он отказался от понимания ОЇ лишь как территориального диалекта (среднечешского, с локализацией вокруг Праги), четко определив ее **интердиалектную** сущность. Утверждая это, он рассматривал ОЇ в ряду других интердиалектов (общеганацкого, общеляшского и т.д.), манифестирующих “общий”, т.е. общечешский язык (Navránek 1963: 36).

Как пишет Й. Гронек, именно Б. Гавранек предложил такую трактовку ОЇ, в результате которой стало очевидным, что чешский национальный язык не следует дифференцировать лишь на литературный язык и диалекты, что необходимо признать наличие такого идиома, который “не имеет ни всех признаков литературного языка, ни регионального ограничения, присущего диалектам” (Hronek 1972).

При определении нормы ОЇ Б. Гавранек акцентирует признаки, свидетельствующие о ее соотнесенности с собственно чешскими (без моравских) диалектами, прежде всего со среднечешской группой диалектов; ср. последовательное *ej* (*bejt*), полное отсутствие “*ě*” в собственночешских словах (кроме вариантов под ударением типа *Jěžiš*), последовательное *vo* в начале слов (*vo**kno*), долгота под ударением (*rád**nice*, *pí**vo* и пр.), формы на *-eji* (*mlátě**ji*, *trpě**ji*), а также *seš* и под.

По отношению к территориальным диалектам ОЇ выступает, таким образом, в роли наддиалектного образования, интердиалекта – именно в этом смысле она является языком **общим**, языком “*obecným*” (*společným*) (Navránek 1963: 65–66). Впрочем, “общность” эта имеет свою территориальную локализацию, т.е. это не “**всеобщность**”: на современном этапе существования чешского языка этот идиом пока еще не может претендовать на всеобщий

охват чехоязычного континуума. Напомним словарную интерпретацию семантики прилагательного *obecný*, входящего в состав обозначения *obecná čeština*. Так, *Příruční slovník jazyka českého* (d. 3, Praha 1938–1940) приводит следующие его значения: *všude rozšířený, všestranný, jsoucí pro všechny, všeobecný | neurozený, prostý | obvyklý, běžný | vztahující se k obci; obecní* (последнее значение маркируется как редкое). По отношению к литературному языку ОČ выступает, по словам Б. Гавранека, в роли языка **народного** (*lidový*) (Navránek: 66).

Мысль о региональной закреплённости ОČ проводится в ряде работ Б. Гавранека, однако уже с начала 50-х годов ученый отмечает тенденцию к появлению у данного идиома функции **общенародного койне**: ОČ “в своей основе является повседневной устной формой (*obecně běžně mluvenou formou*) общего языка, используемого на всей национальной территории; точнее говоря, имеет тенденцию стать такой формой” (Navránek 1963: 221). Впоследствии эта мысль была поддержана и другими учеными.

Идея Б. Гавранека о постепенном формировании ОČ **более высокого ранга**, без узкорегиональных примет (“пражских и среднечешских” – Там же: 222), включающей признаки, общие для всех интердиалектов, представленных на чехоязычной территории, основывалась на реальных интеграционных языковых процессах.

Таким образом, в работах Б. Гавранека термин ОČ употребляется в трех значениях: а) **региональный** собственно чешский интердиалект; б) обобщенное (но все же внутренне дифференцированное) обозначение **всей совокупности** областных интердиалектов: собственно чешского, моравского, остравского и т.д.; в) формирующийся языковой идиом общенародного ранга, т.е. единый язык повседневного непринужденного устного общения (Там же: 222). Нетрудно заметить, что в последнем случае ОČ, по сути, приобретает черты **общезначеской** разговорной речи.

Мысль о постепенной консолидации ОČ проводится ученым весьма последовательно: “Это определенная форма национального языка, его повседневная устная форма (*běžně mluvená podoba*), хотя еще и со значительными вариантами, провинциализмами (ОČ имеет некоторые отличительные приметы в Брно, на Гане, в Остравском крае и т.д.). ОČ не является полностью единой, но она стремится к единству” (Там же: 240).

Иными словами, динамика ОČ заключается в том, что из территориально локализованного идиома она постепенно преобразуется в общенародный феномен. Ее место в модели чеш-

ского национального языка определено достаточно четко: промежуточная зона между литературным языком и территориальными диалектами, т.е. это **наддиалектное** образование.

Несмотря на общую непротиворечивость интерпретации ОЇ, вокруг нее нередко ведется весьма острая полемика. Это касается, во-первых, возможности территориальной экспансии ОЇ в восточный регион языкового континуума; во-вторых, ее влияния на формирование литературной нормы, в частности на смягчение кодификации. В первом случае речь идет о конкуренции ОЇ с другими менее консолидированными региональными интердиалектами более позднего образования (западноморавским, восточноморавским, силезским – см. Utěšený 1962: 580). Некоторые ученые в противовес выделяют общеморавский интердиалект, однако его характеристика (см.: Krčmová 1979: 236; Utěšený 1980: 11) весьма расплывчата. Во втором случае, касающемся литературной кодификации, полемика протекает достаточно остро, вновь и вновь возникая при любых попытках пересмотра кодификации литературного языка (свидетелями чего мы являемся и в настоящее время). В этой связи уместно напомнить о позиции П. Сгалла, относящего ОЇ, наряду с литературным языком, к ядру чешского национального языка (ср.: Sgall 1962; Sgall, Hronek 1992; 1996 и др. работы), что, соответственно, “легализует” влияние ОЇ на литературный язык. Отзвуки этой полемики заметны и в таких новейших публикациях, как во вводной статье Ф. Данеша к труду “Čeština na přelomu tisíciletí” (Daneš a kol. 1997), в статье О. Уличного “Чешский язык в конце двадцатого века” (Uličný 2000) и т.д.

2. Идиом *hovorová čeština*

Несколько сложнее обстоит дело с феноменом *hovorová čeština* (далее – НЇ).

В концепции членения чешского национального языка этот идиом является одним из наиболее напряженных звеньев. Именно здесь отчетливее всего обнаруживаются расхождения теории с реальным состоянием узуса.

В чешской лингвистике этот феномен чаще всего включается в состав литературного языка в качестве его **нижнего яруса**, граничащего с ОЇ (некоторые уточняют: с ее потенциальным верхним ярусом). Важно иметь в виду, что чешские языковеды (в отличие от русских) единодушно оценивают норму литературного языка как **кодифицированную**. Соответственно возможность

некодифицированного использования литературного языка в расчет не берется.

Что касается структурной организации литературного текста, то в свое время Б. Гавранек достаточно определенно характеризовал ее как **монологическую** (а не диалогическую). В силу этого он противопоставлял, как функционально, так и по способу реализации, литературный язык так называемому “народному языку”: “Литературный язык как в настоящее время, так и в своем развитии является прежде всего речью письменной. Этим он отличается от языка народного (общего, разговорного), реализуемого, как правило, устной речью. Обычной формой его (литературного языка. – Г.Н.) проявления служит речь связанная (монолог), а отнюдь не разговор (диалог). Под разговором мы понимаем речь, постоянно прерываемую, по крайней мере потенциально... Чередование же говорящих, доводящих свою мысль до конца, является не разговором, а цепью связанных высказываний. В подлинном разговоре литературный язык используется – в особенности у нас – редко, в этом случае имеет место лишь транспозиция литературного языка либо деформация общего, или же разговорного языка” (Navránek 1963: 15). Данная точка зрения, высказанная Б. Гавранекем еще в 1929 г. на I съезде чехословацких профессоров философии, филологии и истории в Праге, полностью преемственна по отношению к позиции Л.П. Якубинского (Якубинский 1923), что, впрочем, подтверждает и имеющаяся в тексте отсылка.

Впоследствии, однако, Б. Гавранек несколько скорректировал свою точку зрения – во всяком случае он уже допускал возможность использования литературного языка в качестве разговорного идиома, отмечая, что внутри литературного языка может быть выделен функциональный разговорный язык; в свою очередь, в составе “народного языка” может быть обособлен “общий язык” (по уточнению Б. Гавранека, это региональные интердиалекты). В силу сказанного в составе разговорного языка вычлняются две манифестации: литературная и нелитературная. Ср.: “В коммуникативной функции, являющейся, собственно, основной сферой употребления народного языка, представители тех слоев населения, которые обычно говорят и пишут на литературном языке, могут использовать народный язык, т.е. язык общенародный, территориальный или же классовый диалект, разумеется, если они вообще могут на них говорить. Однако в этой функции может быть также использован литературный язык, как правило, в так называемой разговорной форме, т.е. в

форме, используемой именно лишь в разговоре (функциональный разговорный язык). Эту разговорную форму в целом даже применительно к нашим условиям нельзя отождествлять с общенародным языком, хотя она и имеет некоторые общие с ним элементы и даже может иметь и региональную окраску. Этого не следует делать, несмотря на то, что разговорная форма у нас недостаточно стабилизирована, поскольку имеется довольно неустойчивая шкала переходных ступеней” (Navránek 1963: 36).

Характеризуя НС как “функциональный слой литературного языка” (Там же: 66), Б. Гавранек акцентирует ее отличие как от ОС, так и от других функциональных слоев литературного языка.

В работах Б. Гавранека встречается и другое определение феномена НС, а именно: “*mluvená forma spisovného jazyka, tzv. hovorová čeština*” (Там же: 99). Последнее, на наш взгляд, нуждается в комментарии: прилагательное *mluvený* переводится на русский язык как ‘устный’, а *hovorový* соответственно как ‘разговорный’, т.е., строго говоря, речь идет о **разных** феноменах: в первом случае имеется в виду форма реализации литературного языка (‘устный литературный язык’); во втором – сфера его употребления (‘разговорный литературный язык’). Ср. в русской терминологической традиции: “устный литературный язык” и “разговорный литературный язык”). Подобное недифференцированное употребление этих терминов в литературе наблюдается довольно часто.

Носителями НС, по мнению Б. Гавранека, могут быть лица, активно или же пассивно владеющие литературным языком. Представляется, впрочем, сомнительным, чтобы последние могли быть носителями данного идиома. Не случайно, что впоследствии уровень необходимой для этого языковой компетенции был повышен, т.е. предполагалось уже **активное** владение нормой литературного языка.

Говоря о норме НС, ученый отмечает, что на практике всегда можно **без труда** отличить высказывания, относящиеся к ОС или же к НС: просто НС имеет фонологическую систему литературного языка, а также его морфологические средства, однако в распределении фонем в словах, а также в использовании морфологических средств она иногда учитывает норму ОС, не принимая, однако, последовательно ни ее специфическую фонологическую систему, ни присущие ей морфологические особенности (Там же: 67). Впрочем, тот же Б. Гавранек утверждает и иное: между НС и ОС **отсутствуют** резкие границы: “Просто между ними нельзя ставить знак равенства. Сам же я долго отстаивал то, что между НС и ОС существует довольно значительное отличие. Эта

точка зрения не получила всеобщего признания. Ныне же я считаю, что проводил резкие границы там, где их нет, и что между повседневной НС и ОС без региональной окраски имеется лишь количественное, а не качественное различие” (Там же: 222).

Важным является и выдвинутый им тезис о взаимном сближении НС и ОС.

Забегая вперед, скажем, что отношение к феномену НС в чешской лингвистике менялось самым кардинальным образом: от безоговорочного его признания и попыток насаждения (ср. перевод названия статьи Я. Белича “Так будем же бороться за укрепление и распространение *hovorové češtiny*” – Bělič 1959) до его полного отрицания. Факт скептического отношения к феномену НС отмечает и Б. Гавранек (Там же: 67). Впрочем, к этому вопросу мы еще вернемся ниже.

Помимо названных выше манифестаций НС и ОС, в состав модели чешского языка Б. Гавранек включает также, как упоминалось выше, территориальные и социальные диалекты (Havránek 1963: 36).

* * *

Важным этапом в развитии концепции членения чешского национального языка явились исследования Я. Белича.

В отличие от Б. Гавранека, рассматривавшего в большинстве своих работ проблему дифференциации национального языка через призму истории литературного языка, Я. Белич выбирает иной ракурс: диалектное членение чешского языка.

Широкое привлечение диалектного материала позволило ученому показать различие темпа протекания интеграционных процессов в диалектной среде в масштабах всего чехоязычного континуума. Он отмечает, что на территории собственно Чехии (без Моравии) в сфере непринужденного повседневного общения используется, главным образом, центральный интердиалект ОС, вобравший в себя наиболее общие черты окружающих диалектов (Bělič 1959). В остальных регионах диалекты сохранились лучше, соответственно там позднее сформировались интердиалекты. Так, западноморавский интердиалект сформировался в последнюю треть XIX в., среднеморавский – после первой мировой войны, восточноморавский и силезский – после 1945 г. В силу этого данные интердиалекты не столь консолидированы и престижны, как ОС, поэтому “активные носители литературного языка либо строже соблюдают книжную норму и в повседневной непринужденной речи, либо в официальных высказываниях употребляют

литературный чешский язык, а в обычном разговоре чаще говорят на родном диалекте (или же менее оформленном областном интердиалекте)” (Там же).

Так же, как и Б. Гавранек, Я. Белич отмечает тенденцию постепенного превращения ОЇ в идиом **более высокого ранга** в системе чешского национального языка. Комментируя экспансию ОЇ с нивелированными региональными чертами на территорию Моравии, Я. Белич подчеркивает, что ОЇ “имеет тенденцию стать общенародным нелитературным языком, очень близким, впрочем, к НЇ” (Там же).

Концепция Я. Белича, наряду с бесспорными положениями, содержит и положения дискуссионные. Это касается прежде всего его оценки роли НЇ в сфере устной коммуникации.

По мнению ученого, наличие развитого, полифункционального литературного языка, имеющего опору в широком, разнообразном в социальном отношении круге его активных носителей, предполагает и использование литературного языка (в виде НЇ) в сфере повседневного общения. При этом он отмечает, что в отличие от устного литературного языка, включающего книжные элементы (основная сфера его употребления – **официальные публичные выступления**), НЇ представляет собой **неофициальную** разговорную форму литературного языка.

Что же касается взаимоотношений между НЇ и ОЇ, то Я. Белич говорит об отсутствии резких границ между обоими феноменами: в формировании нормы НЇ заметно влияние как литературного языка в собственном смысле слова, так и нелитературных идиомов и прежде всего ОЇ. Так, в сфере лексики и синтаксиса НЇ ближе к ОЇ; в фонетике (особенно) и морфологии НЇ в принципе больше сближается с литературным языком в собственном смысле слова (Там же), хотя и имеет много сходного с ОЇ.

В целом, как полагает Я. Белич, подавляющее большинство примет ОЇ представлено и в НЇ, однако проведены они **менее последовательно**.

К числу носителей НЇ относятся лица, активно владеющие литературным языком и не употребляющие в повседневном устном общении ни территориальные диалекты, ни интердиалекты.

Иными словами, равно как и Е.А. Земская, Л.П. Крысин и др., Я. Белич говорит о **монологсии** данных индивидуумов.

По своему статусу в модели чешского языка НЇ занимает **промежуточное** положение между интердиалектами и прежде всего между самым древним и самым распространенным интерди-

алектом ОЇ и литературным языком в собственном смысле слова, т.е. официальным книжным языком.

Сопоставляя концепции обоих ученых, не можем не отметить общее сходство архитектоники модели чешского национального языка. Последняя состоит из **трех** страт: территориальные диалекты – интердиалекты с включением ОЇ – литературный язык с включением НЇ.

По мнению Я. Белича, НЇ по отношению к литературному языку выполняет функцию своеобразного фильтра, через который в литературный язык в собственном смысле слова проникают из интердиалектов некоторые общенародные элементы и, соответственно, осуществляется отток архаизмов.

Формирование НЇ Я. Белич относит ко второй половине XIX в., т.е. к периоду стабилизации нового литературного языка (впрочем, истоки данного языкового идиома возводятся им к более раннему периоду – ко второй половине XVI в.).

Потребность в идиоме типа НЇ обычно мотивируется наличием разрыва между архаической нормой книжного, официального литературного языка и нормой нелитературных идиомов. Тем самым НЇ рассматривается как обработанный феномен, пригодный для повседневной коммуникации **активных** носителей литературного языка.

По оценке Я. Белича, НЇ является системным образованием с четко оформленной, хотя и (временно) не вполне консолидированной структурной организацией. При этом предполагалось, что в будущем НЇ должна стать своего рода общенародным аналогом по отношению к общенародному нелитературному идиому, т.е. это будет ОЇ высшего типа. В связи со сказанным ученый предлагал **ненасильственно внедрять** литературный язык в сферу повседневного общения. Считая, что основные черты НЇ уже укоренились в сознании активных носителей литературного языка (Bělič 1959), Я. Белич прогнозировал, что со временем – по мере повышения языковой культуры – на НЇ перейдет **все** чехоязычное население, а сам этот идиом станет разговорным литературным языком **всей** чешской нации.

Как мы видим, Я. Белич достаточно определенно высказывался в пользу повышения статуса обоих языковых феноменов, т.е. как ОЇ, так и НЇ, полагая, что со временем они превратятся в совершенно самостоятельные языковые идиомы. Вместе с тем очевидным было и стремление повысить статус НЇ любым путем, в том числе и **волевым**.

Невзирая на все прогнозы, логика языкового развития убедительно показала, что феномен НС был смоделирован теоретически, практической реализации он не получил. Немалую роль в этом сыграла ошибочная, на наш взгляд, исходная посылка, согласно которой лица, владеющие нормой литературного языка, непременно должны и в ситуации **непринужденного повседневного общения** изъясняться **литературно**.

Так или иначе, вопреки всем прогнозам, ни целенаправленное языковое воспитание, ни пропаганда языковой культуры не смогли ускорить проникновение НС в повседневную речь самых широких слоев населения.

Проведенное Я. Беличем в конце 50-х годов обследование показало, что “для значительной части членов нации литературный язык является обычным коммуникативным средством, как правило, лишь в письменных текстах (при чтении, в письмах и т.д.), если же он используется в устных высказываниях, то только лишь в официальных (например в лекциях, особенно заранее написанных, а отнюдь не импровизированных). В обычном же повседневном разговоре в большей степени, чем у других культурных народов, говорят нелитературно; я имею здесь в виду не столько доживающие старые диалекты, сколько использование интердиалектов... а также той неустойчивой формы, сочетающей элементы литературные и нелитературные, употребление которой отмечается и в тех случаях, когда мы могли бы ожидать использование разговорного литературного языка (*hovorová čeština*. – Г.Н.), а иногда и в официальных высказываниях, в школе и т.д.” (см: Bělič 1959: 436).

Тот факт, что использование литературного языка как средства непринужденного общения отмечалось лишь у **незначительной** части активных носителей литературного языка, Я. Белич не вполне обоснованно, на наш взгляд, связывал исключительно с неблагоприятными условиями развития языка чешского этноса. При этом не учитывалось, что литературный язык как особый общенародный языковой идиом изначально предназначался для **высших** коммуникативных функций и отнюдь не был **приспособлен** для использования в сфере непринужденного повседневного, т.е. нерегулируемого речевого поведения. В настоящее время эта точка зрения в чешской лингвистике пересматривается – см., в частности, монографию Зд. Старого (Starý 1994).

По словам Я. Белича, НС “до сих пор относительно мало распространена, а в деталях она даже полностью не стабилизирована” (Bělič 1959: 439).

Действительно, как показывают наблюдения, в конкуренции с другими идиомами, используемыми в сфере повседневного непринужденного общения, она оказалась в слабой позиции. Примечательно, что практически двадцать лет спустя, в своем докладе на VIII съезде славистов в Загребе (1978 г.), Я. Белич был вынужден констатировать слабость позиций НС (по сравнению с ОС) даже в менее официальных публичных высказываниях: “ОС здесь подменяет НС, последняя в том числе и под влиянием ОС, в регионе собственно чешских диалектов мало распространена, а в масштабах территории в целом и недостаточно консолидирована” (Bělič 1978: 17).

Неудачным был и прогноз Я. Белича в отношении будущего так называемых **гибридных** текстов, произвольно сочетающих литературные и нелитературные элементы, т.е. когда “один и тот же человек в одном и том же разговоре скажет то *voko*, то *oko*, то *hilej*, то *hílý* и т.д.” (Bělič 1959: 434). Характеризуя указанные тексты как нежелательные, как неблагоприятное наследие прошлого, Я. Белич вместе с тем отмечает, что они широко распространены, возникли естественным путем, имеют длительную традицию употребления. По мнению ученого, в ходе длительной конкуренции подобные образования со временем будут вытеснены идиомом НС (Bělič 1959: 440).

Практика современной коммуникации на чешском языке, равно как и на других языках, показала, что подобные смешанные тексты не только не были вытеснены, но, напротив, получили широкое распространение (см. предыдущую главу), став, по сути, основой для конституирования новых, гибридных языковых идиомов. Тем не менее заслуживает внимания тот факт, что, насколько нам известно, именно чешские ученые, и в частности Я. Белич, впервые выделили феномен смешанных текстов как объект научного изучения.

* * *

Подводя итог первому, додискуссионному, этапу, отметим, что его значение заключалось не только в постановке проблемы функциональной дифференциации чешского национального языка. В результате целенаправленных усилий ученых было предложено и ее конкретное решение (см. рис. 3), подвергшееся впоследствии лишь некоторой коррективке.

Как мы видим, модель чешского языка выстраивается в виде **иерархизованной вертикали**, включающей три самостоятельных блока, манифестирующих, соответственно, высшую, среднюю и

Рис. 3

низшую страты функциональной парадигмы: литературный язык, обиходно-разговорный язык и территориальные диалекты. Данные блоки имеют множественную манифестацию, что делает возможным их последующую спецификацию.

Таким образом, при систематизации форм существования чешского языка принимается во внимание как **территориальный** признак (наличие / отсутствие территориальной локализации), так и признак **функциональный** (соотнесенность / несоотнесенность с определенной сферой общения).

Важно отметить, что иерархия страт модели отражает постепенное уменьшение региональной закрепленности языковых идиомов. Наиболее сильно региональная локализация выражена на нижней страте (она особенно возрастает в направлении с запада на восток; ср. лучшую сохранность диалектов в восточной ча-

сти страны). Что касается функционального распределения, то литературный язык закреплен в основном за высшими коммуникативными функциями, сферой официального общения; ОЅ – за обиходно-разговорным общением; территориальные диалекты – за интимно-семейным.

Функциональный принцип соблюдается и при дифференциации литературного языка на функциональные стили, в ряду которых особый статус имеет НЅ.

Созданная концепция не только фиксировала основные функциональные блоки, но и намечала **динамику** идиомов, в частности формирование ОЅ **высшего** типа, являющейся результатом адаптации региональной ОЅ. Последняя “оплачивает” повышение своего социолингвистического статуса нивелировкой некоторых узкорегionalных признаков, не характерных, например, для мораван (ср. устранение начального *ou*, “*v*” протетического, последовательного *ej* вм. *ý*, *í* и пр.). Заметим, что экспансия ОЅ облегчалась не только ее большей престижностью как обиходно-разговорного языка метрополии и большей части чехословацкой территории, но и структурной близостью к литературному языку, генетически восходящему к идентичной диалектной основе – среднечешским территориальным диалектам.

Общая направленность эволюции чешской языковой ситуации учеными определялась как формирование **двух** манифестаций **общенародного** языка: литературной и нелитературной.

В данной концепции последовательно выдерживается принцип **двуединности**, столь типичный, как отмечалось выше, для стратификационной концепции; ср.: литературный язык (разговорный и книжный); общенародный язык (литературный и нелитературный); разговорный язык (литературный и нелитературный); обиходно-разговорный язык (высшего и регионального типа).

Одним из наиболее напряженных мест модели продолжала оставаться НЅ. Так, если интерпретация ОЅ в целом была непротиворечива, сохраняя свою актуальность и поныне, то понятие НЅ подверглось впоследствии весьма значительной ревизии, вплоть до его отрицания.

По мнению приверженцев данной концепции, НЅ должна была служить своего рода буфером между архаизованным книжным литературным языком и обиходно-разговорной нелитературной речью. Предполагалось также, что НЅ в будущем станет литературным аналогом ОЅ высшего типа, однако лабильность нормы этого феномена, нерельефность круга носите-

лей, нечеткость функциональной сферы и т.п. давали повод для многочисленных сомнений. Примечательно также, что даже активные носители литературного языка в ситуации непринужденного общения обычно прибегали не к НС, а к ОС, т.е. к речи “более свободной, менее педантичной, чем сам литературный язык и его разговорная форма” (Věliš 1958: 431).

*Б. Второй этап в разработке концепции
чешского национального языка
(лингвистическая дискуссия)*

Второй этап ознаменовался острой дискуссией по вопросу о дифференциации чешского национального языка, развернувшейся вначале в советской, а затем продолженной в чешской лингвистической печати (конец 50-х – начало 60-х годов). Суть его заключалась в смене целевой установки в изучении проблемы, в результате чего акцент сместился на исследование использования форм существования языка при построении высказывания, т.е. на синхронное функционирование этих форм в системе коммуникации. Этот период связан с активным включением в разработку данной тематики молодого поколения ученых, обогативших науку новым видением проблемы.

Импульсом для развертывания дискуссии послужили расхождения, возникшие при интерпретации ряда аспектов чешской языковой ситуации того времени. Это касалось, в частности, определения значимости диалектного фундамента в разных регионах чехословацкого континуума, стандартизации ОС, оценки статуса феномена НС, характера кодификации литературного языка и т.п. В ходе дискуссии наметился новый подход к проблеме членения национального языка, основывавшийся на **типологии текстов**.

Особый интерес в этом отношении представляла статья К. Гаузенблаза (Hausenblas 1962), использовавшего при систематизации языковых идиомов стилевой критерий (под речевыми стилями понимались индивидуальные и интериндивидуальные способы построения высказывания, текста).

Позиция К. Гаузенблаза основывалась на установлении взаимосвязи между отдельными идиомами и речевыми стилями, что не предполагало, впрочем, **жесткой** закреплённости соответствующего идиома за определенным типом текста. Исключением являлись лишь тексты, фиксируемые в сфере официальной публичной культурной коммуникации, как письменной, так и устной, где доминирующую роль играл литературный язык. Оперирова

понятием “комплексный разговорный стиль”, ученый относил к нему высказывания с обиходно-коммуникативной функцией, высказывания устные, неподготовленные, диалогические, эмоциональные и пр., в которых могли использоваться практически все идиомы, при этом, что особенно важно, допускалась комбинация в рамках одного и того же текста языковых средств различных форм существования чешского языка.

Комментируя использование языковых идиомов в разговорном стиле, К. Гаузенблаз отмечал, что здесь практически никто не употребляет литературный язык в собственном смысле слова, “разве что отдельные профессионалы, работающие с языком. Иногда это пытаются делать некоторые матери, полагающие, что именно так и нужно разговаривать с маленькими детьми, чтобы научить их правильному языку” (Там же: 194). По словам ученого, в высказываниях данного стиля зачастую используются ОЇ или же интердиалект, что чаще всего наблюдается у тех лиц, которые в устной речи обычно активно не используют литературный язык. Впрочем, это могут быть и лица, употребляющие литературный язык в текстах “высших” стилей.

Именно смешанные тексты, включающие языковые средства различных идиомов, прежде всего литературного языка и ОЇ (ср., например, соединение литературной лексики с выборочными элементами морфологии и фонетики из ОЇ), и явились предметом особой полемики. Высокая частотность таких текстов в речи самых широких социальных слоев, в том числе и активных носителей литературного языка, правомерно делала сомнительным их табуирование. Ср. примеры подобных текстов, заимствованные из статьи П. Сгалла (Sgall 1963: 246): *Je třeba, aby přišli s takovejma socialistickejma závazkama; Von tam taky chodí do lékařskýho domu* (ср. их литературные эквиваленты: *Je třeba, aby přišli s takovými socialistickými závazky; (On) tam také chodí do lékařského domu*).

В ходе дискуссии П. Сгаллом была высказана совершенно справедливая мысль о возможности конституирования на базе гибридных текстов **гибридных языковых идиомов** как компонентов модели национального языка (Там же: 247).

Детальный анализ природы, состава носителей, сферы употребления смешанных текстов, позволил К. Гаузенблазу прийти к очень важному выводу о возможности их классификации на две группы:

а) тексты на **литературной** основе (с использованием лексики литературного или же узкопрофессионального языка) с включе-

нием нелитературных флексий и пр.; ср.: *s hydraulickéjma lisama* в м. лит. *s hydraulickými lisy*. Эти тексты отмечены в речи очень большого количества носителей чешского литературного языка, в том числе интеллигенции (включая и учителей);

б) тексты на **нелитературной** основе, но с включением литературной лексики.

По мнению К. Гаузенблаза, смешанные тексты неуместны в **публичных** высказываниях, где надлежит использовать литературный язык. Что же касается **непубличных** высказываний, то здесь употребление литературных лексем с нелитературными окончаниями может шокировать лишь тех, кто в неофициальной обстановке использует не ОЃ, а некоторый из интердиалектов (в Моравии) или же “старается говорить на разговорном, в сущности литературном языке” (Hausenblas 1962: 194).

По мнению К. Гаузенблаза, смешанные тексты чаще всего отмечаются в таких жанрах радио- и телевидения (спонтанные интервью, беседы на производстве и пр.), в которых изначально неофициальные высказывания в силу специфики их воспроизведения приобретают публичный характер; ср. пример автора: *Myslím, soudruzi, že vám chybí voptimismus* (с наличием “v” протетического в м. лит. *optimismus*) (Там же: 195).

Окончательный вывод о статусе смешанных текстов в дискуссии сделан не был, однако сам факт постановки этой проблемы стал импульсом для последующих исследований.

Предметом обсуждения явилась и проблема динамики языковой ситуации и, в частности, изменения статуса территориальных диалектов в модели чешского языка.

По мнению П. Сгалла, территориальные диалекты (в силу их прогрессирующей нивелировки) надлежало вывести на периферию системы национального языка, включив в состав ядра системы лишь литературный язык и ОЃ.

Несмотря на то, что факт снижения престижности диалектов в целом не отрицался, правомерность распространения точки зрения П. Сгалла на всю чехоязычную территорию, и в частности на Моравию, с характерной для нее хорошей сохранностью диалектного фундамента, была подвергнута сомнению.

Что касается ОЃ, то в дискуссии отчетливо проявились две противоположные позиции:

а) ОЃ – языковой идиом **общенародного** статуса, входящий в состав **ядра** системы национального языка, т.е. это престижная и немаркированная форма повседневного неофициального общения, имеющая широкий круг носителей, в том числе среди лиц,

активно владеющих литературным языком. На этом основании рекомендовалось **более широкое** включение элементов ОЇ в состав кодифицированной нормы литературного языка (позиция П. Сгалла);

б) ОЇ – **интердиалект**, хотя и самый крупный, самый стабильный, однако всего лишь претендующий на общенациональную значимость. Иными словами, это была более умеренная оценка статуса данного идиома.

Прозвучало в дискуссии и мнение, согласно которому ОЇ ставилась **вровень** с другими интердиалектами, т.е. она квалифицировалась как “любой другой интердиалект, территориально ограниченный и отнюдь не достигающий границ чешского национального языка” (Chloupek, Lamprecht, Vašek 1962). Так или иначе, участники дискуссии отмечали постепенную экспансию ОЇ на восток, ее вторжение в сферу употребления других региональных интердиалектов, в городскую речь, речь молодежи. Особенно прочны были позиции ОЇ в Чехии и Западной Моравии. И тем не менее, по мнению Б. Гавранека (Havránek. Na závěr... 1963), ОЇ пока что еще **не приобрела** статуса **общенародного** идиома, хотя подобная тенденция уже отчетливо наметилась. Факт экспансии ОЇ в высшие культурные функции также не отрицался, однако делалась оговорка, что в Моравии ОЇ используется лишь определенной частью интеллигенции. Была высказана также мысль о том, что включение элементов ОЇ в литературный язык должно осуществляться не непосредственно, а через промежуточный фильтр в виде НЇ.

Большое внимание в дискуссии было уделено феномену НЇ, интерпретируемому, впрочем, неоднозначно. Так, следуя концепции Б. Гавранека, большинство участников дискуссии высказалось за включение НЇ в состав литературного языка (в его расширенном понимании) на правах **функционального языка**. При характеристике нормы НЇ и ОЇ акцентировалось, что речь идет о **контекстуально-ситуационных**, а не о **функциональных** отличиях, о **количественных**, а не о **качественных** особенностях. Высказывалась также мысль о постепенном **сближении** НЇ и ОЇ, невзирая на наличие ряда важных дифференциальных признаков, затрагивающих характер нормы (у НЇ она **кодифицирована**), состав носителей (у НЇ это лица, **активно** владеющие нормой литературного языка).

Иную позицию в этом вопросе занял П. Сгалл, отмечавший **неясность** статуса НЇ (является ли она особым языковым образованием или же всего лишь промежуточной ступенью между литера-

турным языком и ОЇ), **нестабильность и ограниченность** сферы ее распространения, искусственность и педантичность ее нормы.

В свою очередь К. Гаузенблас интерпретировал НЇ как **особый языковой идиом**, сформировавшийся в рамках разговорного стиля (обиходно-коммуникативные высказывания, устные, неподготовленные, диалогические, эмоциональные). При определении его статуса в модели чешского национального языка ученый допускал альтернативное решение: а) либо вслед за Б. Гавранекком **включить** НЇ в широко понимаемый литературный язык; б) либо вслед за В. Матезиусом поставить ее **рядом** с литературным языком, но **за его пределами** (Hausenblas 1962: 195).

Более приемлемым К. Гаузенбласу представлялся первый вариант, однако в этом своем решении он не был, на наш взгляд, достаточно последователен, так как, с одной стороны, сохранял за НЇ признак кодифицированности; с другой – допускал включение в “смешанные тексты”, манифестирующие НЇ (с превалярованием у них литературной основы), “явно нелитературных” элементов (Там же: 198). Не вполне ясной осталась и сфера функционирования НЇ. Так, К. Гаузенблас отмечал факт использования в одной и той же сфере повседневного общения двух идиомов, “очень близких друг к другу”:

а) НЇ – “до сих пор мало стабилизированной, однако благодаря дальнейшему распространению литературного языка и его “демократизации” укрепляющейся формы существования языка, которая используется или же должна (подчеркнуто нами. – Г.Н.) использоваться теми, кто в стилях публичной коммуникации употребляет литературный язык” (Там же: 199);

б) ОЇ – “интердиалекта, несколько выходящего за границы Чехии, который, хотя и отчетливо выкристаллизовался и проявляет тенденцию дальнейшего распространения, однако основной сферой его использования является область элементарного обиходного стиля” (Там же).

Несмотря на нюанс “долженствования”, лица, активно владеющие нормой литературного языка в собственном смысле слова, как оказалось на практике, в этой ситуации обычно прибегают к ОЇ.

Предпринимая попытку **функционального разграничения** обоих феноменов, исследователь отмечает, что НЇ характерна, главным образом, для **неофициального** делового стиля, стиля общения на работе, а также для **полуофициального** стиля общественной конверсации; ОЇ – в основном для сферы **элементарного** обиходного общения.

Контуры подобного функционального разграничения на практике весьма не рельефны. Напомним, что, как полагают русисты, соответствующие аналоги в русском языке (просторечие и РР) используются в **одной и той же** сфере неофициального, непринужденного, спонтанного, устного общения (т.е. выбор зависит от языковой компетенции носителя языка).

Мы намеренно уделили столь много внимания анализу данной дискуссии, поскольку она явилась важным импульсом не только в исследовании проблемы функциональной дифференциации чешского национального языка, но и в развитии социолингвистики вообще. Дискуссия стала важным этапным событием, несмотря на то, что многие из обсуждавшихся вопросов не получили окончательного решения. Мало того, по многим из них отчетливо выявилось противостояние позиций отдельных ученых. Так, по-прежнему “болевым точкой” стратификационной модели чешского национального языка осталась НС. Вряд ли можно считать удавшейся попытку определения статуса данного феномена в модели национального языка, его значимости и перспектив использования в сфере устной коммуникации. Неоднозначно оценивалась и роль ОЃ в масштабах всего чехоязычного континуума, в том числе в его восточном регионе. Остро дебатировался вопрос о возможности включения отдельных элементов ОЃ в литературную норму и т.д. Целый ряд дискутировавшихся проблем не решен и по сей день, они продолжают оставаться актуальными, стимулируя дальнейшее развитие научной мысли.

Невзирая на сказанное, чрезвычайно важной представляется наметившаяся смена подхода к предмету исследования. Так, если раньше при оценке речевого узуса прежде всего учитывалось его **соответствие** иерархизованной модели национального языка, то теперь акцент сместился на использование языковых идиомов при построении текста, т.е. на их **синхронное функционирование** в системе коммуникации. В силу этого в новом свете предстали и так называемые смешанные тексты.

Необходимость смены оценочного критерия обуславливалась и реальной эволюцией форм существования чешского языка, постепенной нивелировкой их региональной, а также отчасти социальной закрепленности, возрастанием зависимости их выбора от определенных коммуникативных факторов. Тем самым многообразие текстов устной речи стало рассматриваться как данность, которая должна быть учтена при внесении последующих коррективов в систематизацию идиомов.

Особое внимание в дискуссии было уделено постепенному становлению идиомов **общеэтнического** значения – это касалось как НС, так и прежде всего ОС.

Наметившийся коммуникативный подход позволил увидеть проблему стратификации чешского языка под новым ракурсом, как бы **извне** системы языка.

Вместе с тем **общий** принцип моделирования строения национального языка остался в силе – это **иерархическое** выстраивание языковых идиомов, строго ранжированных по степени их престижности.

В. Третий этап разработки концепции чешского национального языка

(после лингвистической дискуссии)

В последующие за дискуссией годы, вплоть до начала 80-х годов, открытая полемика по данной проблематике в чешской лингвистической печати не проводилась.

Основной задачей этого периода было накопление фактических данных о состоянии вербальной коммуникации в этносе. Назовем в этой связи такие публикации, как фундаментальное описание литературного языка А. Едлички (Jedlička 1974), монографию И. Гронекка, впервые детально описавшего норму ОС (Hronek 1972), исследования Я. Белича, посвященные НС (Bělič 1964), фронтальное обследование диалектов и городских койне (Bělič 1962; Chloupek 1971; Brabcová 1973; Utěšený 1974; Balhar 1974; Dejmek 1981; Krčmová 1981 и др.).

Привлеченные к исследованию новые языковые факты убедительно показали затруднительность выработки **единого** стереотипа описания языковой ситуации даже для столь компактного языкового континуума, как чешский. Немалую роль в этом играло различие темпа диалектной интеграции в восточной и западной части чехоязычной территории. Так, в собственно чешских землях этот процесс практически полностью завершился, в результате чего все основные диалектные группы оказались интегрированными в интердиалекте ОС (сохранилось лишь остаточное окраинное диалектное обрамление, например ходские говоры). Истончение диалектного слоя в регионе собственно Чехии сделало неактуальной исконную оппозицию “литературный язык–диалекты”, сохранившую, впрочем, свою значимость в Моравии и Силезии.

Распадение диалектного фундамента повлекло за собой не только “проседание” функциональной пирамиды, но и переоценку статуса репрезентантов следующего за диалектами яруса – наддиалектных идиомов. Это проявилось, в частности, в повышении статуса ОЇ, которая во все большей степени стала рассматриваться не как интердиалект, имеющий определенный диалектный субстрат, т.е. в аспекте его региональной маркированности, а (по мере усиливающейся экспансии в Моравию) как **престижная** форма существования чешского языка, обслуживающая сферу непринужденного повседневного общения (функциональная закреплённость).

Отмечая восприимчивость молодежи средней Моравии к отдельным элементам ОЇ, Я. Хлоупек тем не менее заключает, что распространению ОЇ в восточной Моравии и чешской Силезии препятствуют структурные отличия местного диалекта: “Только здесь мы можем наблюдать признаки формирования некоего подобия НЇ как идиома национального языка” (Chloupek 1974: 63).

Из сказанного выше следует, что для языковой ситуации западного региона Чешской республики в основном характерна оппозиция “литературный язык–ОЇ”, т.е. **двухкомпонентная** модель; для средней Моравии – **трехкомпонентная** (“литературный язык–интердиалект–диалекты”); для восточной Моравии и Силезии – **двухкомпонентная** модель, однако **иного** свойства (“литературный язык–диалекты”), поскольку интердиалекты здесь не сформировались полностью. Таким образом, коммуникативная значимость ОЇ далеко не везде была равноценной. В силу этого предложение П. Сгалла (Sgall 1962) о включении в состав ядра чешского национального языка лишь языка литературного и ОЇ по отношению ко **всей** чехоязычной территории было **преждевременным**.

На новом витке исследования проблемы функциональной стратификации чешского национального языка свой вариант **четырёхкомпонентной** модели предложил А. Едличка (Jedlička 1973: 74; Jedlička 1974: 39). В состав этой модели на правах особого компонента был введен феномен “bežně mluvený jazyk” (далее – ВМЈ).

Приведем в качестве примера схему членения чешского языка, предложенную А. Едличкой: D (dialekt) – ВМЈ (bežně mluvený jazyk) – НЇJ (hovorový spisovný jazyk “разговорный литературный язык”) – СЈ (spisovný jazyk “литературный язык”). Как отмечает ученый, на крайних полюсах модели находятся два **структурных** идиома: литературный язык (национальный) и диалекты (мест-

ные, территориальные). Что касается НЅ (она именуется несколько иначе: HSJ), то здесь она, сохраняя статус литературного феномена, занимает самостоятельную позицию “специфической устной формы”, впрочем, не **внутри** литературного языка, а в тесной к нему близости (сходное решение в свое время предлагал В. Матезиус).

Уточняя свое понимание феномена HSJ, А. Едличка пишет, что “под разговорной формой литературного чешского языка мы можем понимать функциональный слой, характерный для высказываний из сферы повседневной коммуникации (“в обычном разговоре повседневной жизни” на нем говорят те лица, которые активно владеют литературным языком, для которых литературный язык является обычным и осознанным средством коммуникации)” (Jedlička 1974: 101).

Несколько сложнее обстоит дело с понятием VMJ, нуждающемся в специальном комментарии. Данный термин начал постепенно входить в обиход социолингвистических описаний с начала 60-х годов. Одна из его ранних интерпретаций была предложена А. Едличкой (Jedlička 1962). Впрочем, в работах Б. Гавранека его использование отмечается еще с конца 50-х годов (о возможности перевода данного термина на русский язык см. ниже).

Введение термина VMJ, принимаемого, впрочем, не всеми чешскими лингвистами, судя по всему, изначально имело своей целью уменьшить смысловую нагрузку, приходящуюся на термин ОЅ. Напомним, что в соответствии с уточненной интерпретацией последний обозначал:

а) региональный собственно чешский интердиалект, обслуживающий всю территорию Чехии (без большей части Моравии);

б) общечешское койне, манифестированное региональными вариантными нормами: собственно чешской (или же среднечешской), среднеморавской, восточноморавской, силезской;

в) формирующийся субстандарт, т.е. идиом общенародного ранга (в терминологии Я. Белича – ОЅ высшего типа, Я. Хлоупека – культурная ОЅ), подвергшийся определенной селекции и заплативший за повышение своего социолингвистического статуса нивелировкой некоторых наиболее маркантных региональных признаков.

Нельзя не отметить, что исследователи придают все большее значение культурной функции ОЅ, очевидно, усматривая в этом тенденцию постепенного становления **субстандарта** (как известно, в современном чешском языке еще не сформировался единый общенациональный обиходно-разговорный язык, равно приемле-

мый на всей чехоязычной территории). Так, по словам Я. Хлоупека, “obecná čeština не просто синоним интердиалекта, распространенного в Чехии. Она символизирует собой также отражение живой речи в произведениях словесного творчества, создает атмосферу неофициальности, народности, раскованности, например, в публицистических или же специальных текстах ... О наличии в ней региональных различий можно судить лишь по отдельным специфическим особенностям, которые в целом (особенно для моравского адресата) не столь существенны. Обecná čeština выступает в функции модели средств выражения современной драматургии или же художественных диалогов, она сигнализирует игру в неофициальность. В этом качестве она имеет практически единую норму, хотя высказывания, в которых она представлена, зачастую содержат и элементы сленга, что в еще большей степени усиливает впечатление языковой живости” (Chloupek 1993: 62).

Судя по всему, термин ВМЈ должен был взять на себя обозначение обобщенных манифестаций, таких, как “субстандарт” (Barnet 1977: 340), городское койне (Krčmová 1981), оставив языковую “конкретику” в большей степени для ОЇ.

Невзирая на указанную лимитацию, интерпретация понятия ВМЈ отличается значительной вариативностью. Так, по мнению А. Едлички, под ВМЈ следует понимать **промежуточное звено** языковых идиомов, расположенных между двумя структурными экзистенциональными формами: литературным языком и диалектами (см. приведенную выше схему). Эта зона обслуживается **интегрированными** языковыми манифестациями, главным образом, **интердиалектного** типа. Как отмечает А. Едличка, в современной языковой ситуации понятие ВМЈ представляет собой модель, объединяющую варианты, регионально дифференцированные (выделено нами. – Г.Н.) нормы (Jedlička 1974: 42). В этом своем значении ВМЈ, в сущности, сходен с понятием “обиходно-разговорный язык”, используемым в русской лингвистике (именно этот русский эквивалент приводит и А. Едличка). Заметим, однако, что в чешской лингвистической традиции понятие ВМЈ лишено той сниженной стилистической оценки, которая присуща как термину “просторечие”, так и термину “обиходно-разговорный язык” в русской лингвистике.

В сущности здесь имеется в виду языковое обеспечение коммуникативной сферы повседневного общения, характеризующееся такими социокоммуникативными и языковыми признаками, как устность, межличностный характер общения, спонтанность,

региональная неограниченность, наличие любого состава пользователей, вариативность нормы, некодифицированность, непосредственный контакт собеседников, ситуативность и пр.

Детализируя конкретные ситуации “чисто информативного” общения, характерного для этих случаев, ученый называет: повседневное общение в семейном кругу, дружеская неформальная беседа (возможна и дружеская личная переписка), личное неформальное общение на работе, во время различного времяпрепровождения (занятия спортом, во время отдыха, общение по интересам) (Там же: 102).

Несколько иначе понятие ВМЖ интерпретирует М. Крчмова. В ряду используемых ею трактовок мы встречаем как более конкретную – “городская речь”, так и более широкую – “набор языковых средств, используемых в непубличных спонтанных устных диалогических высказываниях. Эту функцию могут выполнять все формы существования национального языка” (Křčmová 1981: 9). Последняя интерпретация ВМЖ весьма близка нашему пониманию разговорного языка. Ср. также сходную дефиницию А. Едлички: “Высказывания в этой сфере могут реализовываться посредством различных разновидностей (форм) национального языка. Типичным для этого является употребление нелитературного устного языка повседневного общения (ВМЖ. – Г.Н.), однако при определенных условиях некоторые лица (или же группы лиц) используют диалект, интердиалект или же неоформившееся городское койне. Впрочем, определенная часть носителей языка может применять и разговорную литературную форму” (Jedlička 1974: 102).

Вариативность смысловой интерпретации ВМЖ затрудняет и подбор для него соответствующего русского эквивалента. Как нам представляется, наиболее удобным был бы в этом случае эквивалент “устный язык повседневного общения”, поскольку, с одной стороны, он лишен негативных коннотаций, традиционно присущих, например, термину “просторечие”; с другой – он допускает множественную идиомную манифестацию, о чем уже говорилось выше. Примечательно, что сходный термин (“спонтанная устная речь”) используется чешской исследовательницей Кв. Кожевниковой; ср. предлагаемую ею интерпретацию: “Под этим термином мы подразумеваем всякий говоримый коммуникат, цель которого – достижение непосредственной коммуникации с присутствующим адресатом (адресатами) и психическое условие которого – субъективно неофициальные взаимоотношения участников коммуникации” (Кожевникова 1970: 13).

Таким образом, проблемой остается, обслуживается ли данная сфера уже сформировавшимся структурным идиомом (хотя бы и с вариативной нормой) или же такой идиом отсутствует, а вместо него применяется набор идиомов (диалект, городское койне и т. п.).

По этому поводу А. Едличка отмечает следующее: “Мы используем понятие *bežně mluvěný jazyk* как модель. В конкретной языковой ситуации можно наблюдать две различные его реализации: а) существует общенародный *bežně mluvěný jazyk*, характерной чертой которого по сравнению с литературным языком является значительная вариативность средств (в том числе и региональная), разумеется, в пределах единой нормы ... б) существует *bežně mluvěný jazyk*, манифестируемый отдельными вариантными образованиями (нормами), маркированными регионально. Наряду с этим имеются языки, в которых эта модель пока что еще остается незаполненной. В этом случае *bežně mluvěný jazyk* в функциональном отношении чаще всего бывает представлен либо диалектом, развивающимся в направлении смягчения своей региональной исключительности, либо разговорным литературным языком. Довольно часто высказывания этого рода имеют смешанный характер, когда нельзя однозначно установить, какой же исходный языковой идиом является для них типичным” (Jedlička 1974: 43–44).

Как мы видим, в конечном итоге термин ВМЈ оказался не менее, если не более многозначным, чем был изначально ОЃ, т.е. искомая цель сужения полисемии оказалась не достигнутой.

Следует также отметить, что, несмотря на изначальную установочную закреплённость ВМЈ за обобщенными языковыми манифестациями, исследователи зачастую “соскальзывают” на языковую конкретику, соотнося ВМЈ с конкретным языковым идиомом, формой существования языка (*útvár*). Так, ВМЈ нередко включается в схемы членения национального языка рядом с конкретными идиомами (см., в частности, приводимую выше схему А. Едлички). Подобное соединение не только методически не корректно, оно может создавать иллюзию наличия некоего структурного образования, т.е. единого общенародного обиходно-разговорного идиома, там, где в реальности этого пока что нет.

В целом, как нам кажется, термин ВМЈ нуждается в дальнейшем уточнении. Не случайно его применение иногда может давать повод для противоречивой интерпретации. Так, в статье Я. Горецкого ВМЈ отождествляется с НЃ; ср.: “Другим ключевым понятием является НЃ, или же разговорная форма литературного

чешского языка, или же *běžně mluvený jazyk*” (Horecký 1988: 17). Впрочем, тут же, ссылаясь на интерпретацию Я. Белича, он говорит, что последний понимал под ВМЖ нелитературный чешский язык.

Примечательно, что Вл. Барнет, также пользующийся термином ВМЖ, интерпретирует его как **субстандарт**. Он приводит его в ряду следующих форм существования языка (*říznostvar*), структурных и неструктурных: 1) литературный язык (письменный, устный) в различной стилиевой реализации); 2) ВМЖ (субстандарт); 3) интердиалект, или же городские койне; 4) диалект; 5) сленги (языки профессиональные, групповые, по интересам) (Barnet 1977: 340). За ВМЖ Вл. Барнет закрепляет сферу повседневной, публичной, неофициальной коммуникации, которая уже имеет общенародный характер или же только к этому тяготеет (Там же: 339). Возникновение и расширение этой сферы ученый правомерно связывает с постепенным сужением, вплоть до полного исчезновения, сферы региональной коммуникации. Существенно и то, что Вл. Барнет вводит понятие ВМЖ как функциональное звено в матрицу, используемую при сопоставлении славянских языков. Соответственно, в различных языках это звено имеет различное наполнение. Как отмечает исследователь, в чешском языке в формировании ВМЖ решающую роль играют интердиалекты, сближающиеся в определенных коммуникативных ситуациях с разговорной формой литературного языка.

К проблеме стратификации чешского национального языка обращается в своей монографии, посвященной городскому койне Брно, и М. Крчмова (Křčmová 1981). Излагаемая ею концепция в своей основе восходит к работам Я. Хлоупека и А. Едлички.

Приводимая М. Крчмовой модель по своим параметрам является типичным онтолого-таксономическим построением, со строгим соблюдением иерархической упорядоченности форм существования языка, противопоставленных друг другу по признакам: престижность–непрестижность, структурность–неструктурность. Она пишет: “Иерархическое устройство всей структуры (национального языка. – Г.Н.) проявляется и в том, что идиомы, занимающие наиболее высокое положение – это прежде всего литературный язык, – в социолингвистическом отношении имеют статус престижных образований (выделено автором. – Г.Н.), т.е. они воспринимаются пользователями языка как реализации национального языка, регионально беспризнаковые, а в функциональном отношении в сущности как не ограниченные по сфере своего использования” (Там же: 10).

Помимо литературного языка, включающего при его расширительном толковании также разговорный литературный язык (НЃ), к числу престижных идиомов (разумеется, с меньшей степенью престижности) относится ОЃ, “несколько нивелированная, а в региональном отношении менее маркированная”, используемая в художественной литературе, на радио и ТВ, в кинодиалогах и пр. Несколько ниже на стратификационной оси располагаются интердиалекты, в ряду которых статус самостоятельного структурного идиома имеет интердиалектная ОЃ, используемая на всей территории Чехии. Наконец, нижнюю позицию занимают традиционные территориальные диалекты, также являющиеся структурными образованиями.

Что касается ВМЈ, то, как мы уже говорили выше, М. Крчмова полагает, что он не является самостоятельной структурой. В этой функции (непубличные, спонтанные, устные, диалогические высказывания) могут использоваться все формы существования национального языка. Тем самым в зависимости от своей конкретной манифестации ВМЈ как бы перемещается по стратификационной оси. Соответственно меняется и его норма. О “многоликости” ВМЈ свидетельствует, в частности, и тот факт, что в работе М. Крчмовой он принимает одно из своих “конкретных обликов” – городского койне.

Проблеме дифференциации чешского национального языка специально посвящена статья Сл. Утешеного (Utěšený 1980), на наш взгляд, незаслуженно обойденная вниманием. Определяя язык современной национальной общности как “общественно-исторически детерминированную, функционально дифференцированную макросистему” (Utěšený 1980: 8), Сл. Утешеный называет в качестве составляющих ее “подъязыков”: территориальные диалекты (включая интердиалекты), групповые и специальные социолекты (профессиональные и по интересам), стилевые и жанровые подидиомы с доминирующим над всеми ними кодифицированным литературным языком.

Рассматривая чешский национальный язык как **иерархизованную** систему, автор отмечает, что в ее структуре выделяется общее **центральное ядро**, в состав которого входит основная система литературного языка вместе с разговорным литературным языком, а также значительно нивелированная, лишенная диалектных элементов, повседневная речь (ВМ – běžná mluva) вместе с так называемой ОЃ (Там же: 10). Что касается строения упомянутого ядра, автор отмечает наличие у него “верхней” периферии в виде архаизованных книжных элементов; к “нижней” периферии относятся

промежуточные идиомы интердиалектного характера, используемые преимущественно в Моравии и Силезии.

По классификации Сл. Утешеного идиомы располагаются на оси “литературность–нелитературность”. Существенным представляется противопоставление идиомов как языковых структур, систем (*langue*) и их текстовых реализаций. В отличие от первых, отграниченных друг от друга более контрастно, последние дифференцированы менее рельефно (Там же: 8).

Как мы видим, Сл. Утешеный также пользуется понятием *VMJ*, вернее *VM* – *běžná mluva*, “повседневная (обиходная) речь”. Придавая ему статус “нелитературности”, он интерпретирует его, по сути, как **субстандарт**, т.е. как центральное, относительно консолидированное ядро повседневной нелитературной речи, находящейся очень близко к литературному идиому. Более или менее активным пользователем этой повседневной речи в настоящее время является уже большинство представителей чешской нации на всей языковой территории (Там же: 9–10).

По мнению ученого, *VM* представляет собой макроидиом, или же макроформацию, отличающуюся значительной вариативностью. Это “ядерный слой нелитературного узуса, граничащий, с одной стороны, с литературным языком; с другой – с региональными моравскими интердиалектами” (Там же: 11). Важное место в составе современной *VM* занимает городская речь. Что касается внутренней архитектоники *VM*, то в ней Сл. Утешеный особо выделяет *OČ*, являющуюся наиболее оформленной ее частью, входящей в состав ядра национального языка (сходную точку зрения высказывает и П. Сгалл): “Ныне это лишь генетически региональный чешский интердиалект, явно проникающий в настоящее время в моравский узус, а также в области “не чешские”, как в интердиалектном, так и диалектном отношении. Ее формирующий антипод, *obespá moravština*, вышестоящая по отношению к интердиалектным промежуточным образованиям (среднеморавскому, восточноморавскому и силезскому), скорее всего не достигнет той степени оформленности и экспансивности, каковыя присущи *OČ*... Они останутся периферийным вариантом *VM*” (Там же: 11).

Комментируя свое понимание разговорного литературного языка, Сл. Утешеный уточняет, что речь идет о разговорном слое литературного языка, открытом по отношению к нелитературной *VM*.

Территориальные диалекты, хотя и составляют периферию языковой системы в целом (Там же: 10), тем не менее они, как

справедливо отмечает ученый, наряду с литературным языком, представляют собой (или же представляли собой до недавнего времени) целостные, относительно единые структуры.

Не имея возможности детально воспроизвести схему членения чешского национального языка, предлагаемую Сл. Утешеным, отметим лишь, что на диастратической оси по возрастающему иерархическому статусу он располагает следующие идиомы: диалекты, интердиалекты (Чехия и Моравия), *běžná mluva*, литературный язык.

Не можем не отметить, что модель, предлагаемая Сл. Утешеным, является весьма громоздкой и сложной для практического применения.

Важный вклад в разработку проблемы стратификации чешского национального языка внес Я. Хлоупек (Chloupek 1971; 1974; 1986). Из новейших публикаций на эту тему следует назвать коллективный труд, выполненный под его руководством, – “Стилистика чешского языка” (Chloupek a kol. 1991), где структура чешского национального языка подразделяется на **три** функциональных блока:

1. Литературный язык, в письменной и устной (обрядовая риторика, устные официальные доклады, различного вида инструктажи) реализации. В состав литературного языка входит и феномен НС, интерпретируемый как “устная (*mluvená*) литературная реализация” (Там же: 50). По своему статусу это не самостоятельный идиом, расположенный между литературным языком и ОС, а лишь набор средств, характерных для комплекса литературного языка в его расширенном понимании, т.е. без выраженных книжных форм.

2. Нелитературные идиомы: а) традиционный территориальный диалект; б) интердиалект; в) ОС.

3. Полуформации национального языка: а) профессиональный язык; б) сленг; в) аргю.

В целом, как отмечается в работе, для чешского языка может быть применена **четырёхкомпонентная** модель, хотя в принципе возможна и модель, состоящая из большего количества идиомов (Там же: 56). В уточнении нуждаются два идиома – интердиалект и ОС. По поводу первого отмечается, что речь идет о не вполне стабилизировавшемся идиоме национального языка, представляющем собой высшую стадию развития территориальных диалектов (Там же: 53). Очевидным является факт существования восточно- и среднеморавского интердиалектов, что свидетельствует о постепенном становлении некоторых общеморавских тенден-

ций. Что же касается надрегионального общечешского койне (ОС), то здесь происходит постепенная стабилизация его структуры, возрастание социального престижа, что со временем должно привести к уменьшению структурной дистанции между литературным языком и общечешским языком (койне), т.е. ОС.

Детализируя характеристику ОС, авторы отмечают наличие двух ее ипостасей:

а) идиом **интердиалектного** характера (т.е. с региональной закрепленностью, с остаточной территориальной дифференцированностью), используемый на территории Чехии и приграничья западной Моравии;

б) идиом типа **стандарта**, наделенный более высокой коммуникативной функцией (в произведениях художественного творчества он используется как в речи персонажей, так и автора, символизируя собой живую устную повседневную речь). В этой своей ипостаси ОС постепенно становится **общенародным нелитературным** идиомом, порывающим со своим интердиалектным прошлым.

Примерно сходная концепция излагается Я. Хлоупеком в цитированной нами выше статье (Chloupek 1993), где он оперирует четырехкомпонентным набором форм существования чешского языка и где также отмечается, что статус общенародного нелитературного идиома у ОС может появиться при условии ее адаптации, т.е. нивелировки наиболее выраженных региональных собственно чешских примет, что и происходит на деле при ее использовании в художественном творчестве, публицистике и т.п.

Я. Хлоупек скептически относится к возможности использования литературного языка в повседневной коммуникации. По его мнению, коммуникаты с этой функцией, как правило, реализуются посредством ОС, диалектов, интердиалектов и лишь изредка литературного языка.

Что же касается феномена НС, то Я. Хлоупек его интерпретирует не как самостоятельный идиом, имеющий свою собственную идеальную “норму, а лишь как **стиль** в рамках литературного языка, отличающийся от других стилей, главным образом, толерантностью по отношению к включению нелитературных элементов” (Там же: 65).

Напомним в этой связи об отрицательном отношении Фр. Дана к возможности вычленения НС в качестве идиома или же формы существования языка: “В отличие от некоторых языковедов ее (НС. – Г.Н.) реальное существование является, по-моему, химерой или всего лишь заветным желанием”. Здесь же он кон-

статирует, что “современная ситуация чешского языка такова, что в коммуникативной ситуации “повседневного устного общения” обычно используется “смешение разных кодов” (литературный язык, ОЇ, диалект), причем это смешение не является произвольным, а регулируется определенными закономерностями и в целом развивается в направлении к созданию относительно единой ОЇ (т.е., по сути, это субстандарт. – Г.Н.)” (Daneš 1988: 24).

Особое место в ряду новейших публикаций по проблеме функционального членения чешского национального языка занимает монография П. Сгалла и Й. Гронекка “*Čeština bez příkras*” (Sgall, Hronek 1992), а также близкая к ней “*Variation in Language*” (Sgall, Hronek, Stich, Horecký 1993). Ниже мы остановимся лишь на первой монографии, акцентируя при этом только те ее положения, которые напрямую касаются рассматриваемой нами проблемы.

Авторы оперируют **четырёхкомпонентной** моделью чешского национального языка, в состав которой входят: литературный язык, ОЇ (нелитературный идиом без узкой региональной локализации), моравские интердиалекты и диалекты, особенно хорошо сохранившиеся в Моравии и чешской части Силезии (Sgall, Hronek 1992: 19). Ср. набор “вариет”, используемый в другой монографии (Sgall, Hronek, Stich, Horecký 1993): литературный язык, стандарт (идиом, используемый в сфере полуофициальной коммуникации, имеющий свои специфические лексические особенности), субстандарт (идиом, используемый в повседневной коммуникации), территориальные диалекты. Заметим, что Я. Горецкий, входящий в число авторов данной книги, в других своих работах (см.: Horecký 1979(a): 18) оперирует моделью (для словацкого языка), включающей **пять** форм национального языка: литературную, стандартную, субстандартную, наддиалектную, диалектную (язык художественной литературы выведен за рамки модели). В более позднем варианте концепции (Horecký 1981: 119) речь идет о **четырёх** формах: литературной, стандартной, субстандартной, диалектной.

Следует заметить, что включаемые в состав модели чешского языка идиомы имеют разный социолингвистический статус: **центральное** положение занимают литературный язык и ОЇ, считающиеся **наиболее престижными**. Причем, престижность литературного языка, по мнению авторов, основывается на том, что он является носителем высших культурных функций и имеет общенациональную значимость (Sgall, Hronek 1992: 91). Престижность ОЇ поддерживается как тем, что на ней говорит преобладающая

часть чехоязычного населения, так и тем, что в ней наиболее отчетливо выражена историческая динамика, сдерживаемая в литературном языке его кодификацией.

Спорным, на наш взгляд, является тезис о конкуренции обоих идиомов (Там же: 85). Как нам представляется, отношения конкуренции могут возникать лишь у функционально идентичных (дублетных) идиомов. Что же касается литературного языка и ОС, то они являются разнопорядковыми величинами, достаточно четко отграниченными друг от друга функционально.

В понимании авторов оба центральных идиома имеют сложную структуру. Так, литературный язык включает в себя **письменные коммуникаты**, **официальные устные коммуникаты**. И те, и другие относятся к сфере действия **строгой кодификации**. Наконец, в его состав входит также **разговорный** слой, не являющийся ни строго литературным, ни ярко выраженным нелитературным. Соответственно ОС имеет не только региональную, но и функциональную дифференциацию, т.е. она может быть как “высшей”, так и “низшей”. Заметим, что понятие субстандарта применяется лишь по отношению к низшему, совершенно очевидно нелитературному слою ОС (Там же: 136).

Таким образом, предлагаемая модель построена по субординативному принципу, столь характерному для стратификационной концепции вообще. Наибольшее внимание в работе уделяется характеристике ОС, что, впрочем, вполне естественно, поскольку авторы квалифицируют этот феномен как **основной нелитературный идиом**, используемый большинством социума в повседневном обиходном общении на большей части национальной территории, разумеется, если у них нет намерения изъясняться литературно. Невзирая на определенную вариативность этого идиома, авторы монографии считают, что его ядро составляет нелитературная речь Праги, что, однако, не снижает его значимости как единственного идиома, хотя и не литературного, распространенного на территории всей Чехии. Несмотря на значительное сходство между ОС и моравскими интердиалектами, вряд ли можно считать последние вариантами ОС (Там же: 22).

Феномен НС, на наш взгляд, трактуется несколько противоречиво. Так, в своих предшествующих публикациях П. Сгалл относился к нему достаточно скептически. Это отчасти заметно и в данной публикации, поскольку здесь утверждается, что НС не является ни самостоятельным идиомом чешского языка, ни цельным, комплектным слоем литературного языка (Там же: 96). Вместе с тем высказывается мысль о необходимости целенаправ-

ленного культивирования этого слоя, для чего следует “перестать предписывать, каким этот слой должен быть. Нужно лишь внимательно следить, как действительно говорят на большей части национальной территории. В тех случаях, когда для какой-либо функции в литературном чешском языке имеется лишь книжное, неразговорное средство, хорошо бы осмотреться, не найдется ли подходящее средство, пусть пока и не литературное, но которое со временем могло бы проникнуть в стандартный узус” (Там же: 97).

Трудно реализуемой и во многом спорной представляется мысль о том, что для укрепления разговорного слоя литературного чешского языка нужно “руководствоваться тем, как на практике в разных ситуациях и в разных контекстах говорят образованные носители чешского языка, хорошие стилисты...” (Там же: 110).

Данное утверждение ставит на весьма зыбкую почву деятельность по совершенствованию речевой культуры, поскольку остается неясным необходимый уровень образовательного ценза. Мало того, даже если такой ценз и будет установлен, нет гарантии, что речевое поведение данных индивидуумов в тех или иных конкретных ситуациях общения будет являться образцом, достойным подражания.

* * *

В последние десятилетия уходящего столетия, особенно с начала 80-х годов, начинается новый этап в разработке проблематики чешской языковой ситуации. К этому времени усилиями исследователей был накоплен огромный фактографический материал, который необходимо было не только осмыслить и ввести в научный оборот, но и рассмотреть через его призму проблему вербальной коммуникации чешского этноса, выявить новые тенденции в развитии языковой ситуации.

В 90-е годы в Институте чешского языка ЧАН активизируется работа над подготовкой новых Правил чешского правописания, выход которых в 1993 г. спровоцировал всплеск дискуссий по ключевым вопросам языковой культуры и языковой политики, наглядно показав, что вопрос о необходимости сглаживания разрыва между разговорным и литературным узусом в чешском языке продолжает сохранять свою актуальность. Нельзя не отметить и расширение возможностей (с использованием современного технического оснащения) двусторонних контактов между богемистами и пользователями чешского литературного языка. Мы имеем в виду плодотворную деятельность языковой консуль-

тации (Jazyková poradna) ИЧЯ, не только предоставляющей обществу разнообразный справочный материал, но и подготовившей под руководством и при непосредственном авторском участии Л. Углиржовой целый ряд важных публикаций, назовем лишь новейшую работу – “Na co se nás často ptáte” (2002). На протяжении всей истории существования ИЧЯ в нем проводится интенсивная систематическая работа по кодификации нормы литературного чешского языка. Достаточно назвать лишь недавние фундаментальные труды: переиздание словаря *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost* (2 издание вышло в 1994 г.), издание и переиздание Академического словаря иностранных слов (1995), словарь “*Nová slova v češtině*” (1998) и т.д. Важным событием является создание в Карловом университете Праги лексикографического архива современной чешской устной речи (*Český Národní Korpus*), бескорыстно и оперативно предоставляющий свои неоценимые материалы отечественным и зарубежным специалистам.

Обобщая направленность исследований, проводимых по интересующей нас проблеме, нетрудно заметить несомненную смену приоритетов. Прежде всего это преимущественная ориентация на использование коммуникативного подхода. Соответственно несколько отходит на задний план стратификационная систематизация форм существования этнического (национального) языка. Предметом полемики, однако, по-прежнему остаются вопросы кодификации литературного языка, а также территориальной и функциональной экспансии идиома ОЇ. Все большее внимание привлекает к себе феномен так казываемых “смешанных текстов”.

Вместе с тем появляются и новые проблемы, продиктованные эволюцией экстралингвистических обстоятельств и, в частности, изменением масштабов информационного пространства, возникновением надгосударственных объединений и организаций. Так, широко дебатруется проблема заимствований, прежде всего англицизмов, унификации терминологии, широты функционального спектра так называемых “малых” языков в условиях глобализации, вступления в Европейский союз и пр.

Из числа работ, посвященных исследуемой нами проблематике, следует назвать, помимо упоминавшейся выше монографии М. Крчмовой, публикации Я. Хлоупека, П. Сгалла и Й. Гронька. Интересные наблюдения и теоретические обобщения содержатся в книгах Я. Корженского (*Kořenský 1992*), Зд. Старого (*Starý 1994*) и др.

После длительного перерыва вновь участились и оперативные журнальные публикации, среди их авторов могут быть названы О. Гаузенблаз, Я. Корженский, Й. Краус, П. Мареш, П. Сгалл, А. Стих, Сл. Утешеный, Я. Хлоупек, Фр. Чермак и многие другие. Особенно возросла острота полемики после выхода в 1993 г. новых Правил чешского правописания (школьное издание). Проблемы культуры речи, языковой политики обсуждались на ряде конференций и симпозиумов; ср.: *Writing vs Speaking* (1992); *Spisovná čeština a jazyková kultura* (1993); *K diferenciaci současného mluveného jazyka* (1994), *Spisovnost a nespisovnost dnes* (1995). *Pocta 650. výročí založení univerzity Karlovy v Praze* (1998); *Čeština: univerzália a specifika* (2000); *Setkání s češtinou* (2001) и др. Проблематике чешской языковой ситуации специально посвящены недавно вышедшие коллективные монографии *Čeština, jak ji znáte i neznáte* (1996), а также *Český jazyk na přelomu tisíciletí* (1997).

На некоторых работах новейшего времени мы далее кратко остановимся. Не можем, однако, не отметить, что подобный поток публикаций с очевидностью свидетельствует о том, что реальные процессы, протекающие в современной речевой коммуникации, побуждают к продолжению поиска оптимального решения как проблемы языковой ситуации в целом, так и дифференциации этнического языка.

* * *

Как уже отмечалось, большинство исследований современной чешской языковой ситуации этого периода выполнены в русле коммуникативного подхода. Сказанное характерно, в частности, для обобщающего труда “*Český jazyk na přelomu tisíciletí*” (1997 г.), в котором проблема языковой ситуации рассматривается через призму отдельных коммуникативных ситуаций (язык политики, журналистики, науки, юриспруденции и т.п.), исследуется также территориальная дифференциация чешского языка, региональная повседневная речь, а также место чешского языка в контексте европейских языков.

С учетом тематической направленности нашей работы, остановимся лишь на вводной статье к данному труду (автор Фр. Данеш), анализирующей направленность динамики современной чешской языковой ситуации. По мнению автора, ее суть заключается, в частности, в возрастании роли и общественной значимости субстандарта (невзирая на отсутствие у него единой и четкой нормы), более толерантном отношении носителей языка к

языковой норме (Там же: 13). Говоря о распространенности смешанных текстов, автор отмечает постепенный распад норм языковых идиомов (*útvár*). Призывая отказаться от априорных лингвистических конструкторов, он предлагает изучать и описывать, как люди действительно говорят в различных коммуникативных ситуациях, какие языковые средства они используют. По мнению автора, в настоящее время, если оставить в стороне чисто формальные “литературные ситуации”, “мало кто использует какие-то “чистые языковые разновидности”. Как правило, мы говорим на комбинированном, смешанном языке” (Там же: 14).

В качестве характерной особенности чешской языковой ситуации Фр. Данеш называет то, что “в отличие от множества других языков – литературный (стандартный) язык в большинстве своем не используется в функции устного коммуникативного средства в повседневных “разговорных” ситуациях. Таким образом, в своем большинстве чехи являются “двуязычными”” (Там же: 14; все выделено нами – Г.Н.). Комментируя только что приведенное высказывание, подчеркнем, что чешский язык в этом отношении отнюдь не является исключением из общего правила. Как мы уже говорили выше, использование литературного языка в функции средства повседневного непринужденного общения характерно лишь для ограниченного круга лиц, склонных к речевой саморегламентации. Во всех остальных случаях литературное говорение – всего лишь иллюзия. Столь же иллюзорно, на наш взгляд и утверждение П. Ивича о том, что любой москвич говорит на литературном русском языке, а отнюдь не на обиходно-разговорном и что, соответственно, любой житель Белграда говорит на литературном сербском языке (данное высказывание приведено Я. Хлоупеком, правда, без указания источника – Chloupek 1986: 17). Возможно, здесь сказывается неоднозначность терминологической интерпретации, однако в целом при непринужденном повседневном общении смена речевого регистра с литературного на разговорный является фактом, реально наблюдаемым в любом языке. Дело лишь в дистанции между литературным и разговорным узусом, которая, варьируясь по языкам, может иногда “камуфлировать” переключение речевого регистра.

Говоря о специфике региональных отличий чешской речи, Фр. Данеш отмечает их постепенную нивелировку, при сохранении отличий областных на оси “Чехия – Моравия и Силезия”. Пишет он и об усилении возрастных речевых отличий, что, впрочем, является современной языковой универсалью. Сфера использования литературного языка в работе характеризуется сле-

дующим образом: это прежде всего основная масса письменных текстов – что касается устной коммуникации, то здесь литературный язык используется в школьном обучении, в информационных передачах по радио и телевидению и пр.; во всех остальных видах устной коммуникации, как отмечает ученый, ситуация является не ясной и не устойчивой. В целом, по мнению Фр. Данеша, существуют три типа речевых ситуаций: 1) когда использование литературного языка является ожидаемым; 2) когда приемлемым является как литературный стандарт, так и субстандарт; 3) когда использование литературного стандарта является не естественным (ср.: Там же: 16).

В заключительном разделе коллективной монографии (автор – Й. Крауз) отмечается скептическое отношение общества к уровню публичной вербальной коммуникации, опасение также вызывает судьба чешского языка в условиях интенсивной глобальной интеграции, при форсированном усилении контактного взаимодействия чешского языка с другими языками.

В ряду публикаций этого периода следует назвать две коллективные монографии “Mluvená čeština na Moravě” (1997) и “Tvář češtiny” (2000), посвященные изучению специфики чешской устной речи. Выполненные в русле коммуникативного подхода обе работы отражают не только результаты наблюдений над огромным фактическим материалом, но и рассматривают его как в жанровом отношении, так и под синтаксическим, стилистическим, словообразовательным, морфологическим, фонетическим ракурсами. Во вводной части изложены и некоторые установочные постулаты. Особенно развернутыми они являются во второй книге, где, в частности, кратко характеризуются работы, существенные для формирования концепции исследования, дается обобщенный набор форм существования чешского национального языка и их распределение в системе коммуникации тех или иных регионов. Изначальный набор идиомов имеет характер стратификационной, иерархически организованной модели, однако с учетом коммуникативной коррекции, а также региональной специфики обобщенная модель варьируется. Так, в отдельных регионах она является двухступенчатой (литературный язык – диалект; литературный язык – ОЇ; литературный язык – интердиалект). Реже встречается трехступенчатая модель (литературный язык – интердиалект – диалект; литературный язык – ОЇ – диалект). Важнейшее место в модели занимает общенародный, кодифицированный литературный язык, наделенный национально-репрезентативной функцией. Данный идиом используется преж-

де всего в качестве средства письменного общения, в устном виде он функционирует в сфере духовной и материальной культуры, выполняя высшие коммуникативные задачи. Нижнюю позицию в модели занимают традиционные территориальные диалекты, преобразующиеся по мере их нивелировки в интердиалекты. Идиом ОС характеризуется как наиболее распространенная нелитературная форма существования чешского языка, используемая во всех регионах Чехии, включая Прагу, с выходом на западную Моравию. Данный феномен, с изначальным интердиалектным прошлым, ныне может вторгаться в сферу функционирования литературного языка, особенно в тех коммуникатах, где не желательна чрезмерная официальность, пафосность, его элементы (индивидуально) проникают в язык устной публицистики, способствуя повышению престижности ОС (Там же: 11). Таким образом, в работе представлена классическая модель членения чешского языка. За рамки стратификации выведена так называемая повседневная речь (*běžná mluva*, *běžně mluvený jazyk*, или же *městská mluva*, т.е. городская речь).

В книге, посвященной устному узусу Моравии, говорится о сложности языковой ситуации Моравии и чешской части Силезии, обусловленной отсутствием такого интегрирующего феномена, как ОС. В силу этого в данном регионе литературный язык является коммуникативным средством, используемым “не только в речи письменной, но и в речи любой, не несущей на себе печать явной доверительности, т.е. частного, неофициального характера, в которой, вполне естественно, литературный язык использован быть не может” (*Mluvená řeč na Moravě* 1998: 7; подчеркнуто нами. – Г.Н.). Последнее уточнение представляется нам чрезвычайно важным, поэтому несколько ниже мы к нему еще вернемся.

В обеих работах исследователи оперируют понятием НС. Напомним, что вокруг именно этого феномена длительное время велась острая полемика. Окончательной ясности в его статусе, характере нормы, сфере использования нет и по сию пору. Как пишет О. Уличный, “существование структурного варианта *hovořová čeština* отрицается (Данеш), но имеет также и своих защитников (Белич)” (*Sprachwandel* 2000: 143).

В книге “*Mluvená řeč na Moravě*” полемически утверждается: “И все-таки НС на нашей территории встречается, причем в виде регионального идиома, используемого в общении **неофициальном, доверительном** – это характерно для северо-восточной Моравии и Силезии” (Там же: 6; выделено нами. – Г.Н.). Мы наме-

ренно акцентируем обозначенную авторами сферу использования НС – это неофициальное, доверительное общение – поскольку буквально на следующей странице (см. выше) говорится о том, что в речи доверительной, частного, неофициального характера, литературный язык использован быть не может.

В монографии *Tváře... сфера употребления НС определяется как “обычное повседневное общение”* (Tváře 2000: 10; выделено нами. – Г.Н.).

Под НС чаще всего понимается функциональный слой литературного чешского языка, “по своей природе НС является литературным языком, лишенным книжных примет, она более толерантна по отношению к широко распространенным языковым средствам, не санкционированным кодификацией” (Tváře 2000: 10). Примечательно, что в статье О. Уличного “Чешский язык в конце двадцатого века” (статья опубликована на русском языке в коллективном труде “Sprachwandel in der Slavia”) приводится следующее определение идиома НС: “Устная форма литературного языка (hovorová čeština, разговорный язык) типична для спонтанных и подготовленных официальных и публичных коммуникационных ситуаций” (Sprachwandel 2000: 143). Впрочем, в последнем высказывании неправомерно, на наш взгляд, отождествляются разные понятия “устная форма литературного языка” и “разговорный литературный язык”. Подобная неоднозначность понятийной интерпретации затрудняет конвертируемость понятийно-терминологического аппарата, равно как и проведение сопоставительного изучения славянских языковых ситуаций.

Если же добавить к сказанному тот факт, что как ранее Я. Беличу (см. его доклад на съезде славистов в Загребе в 1978 г.), так и современным исследователям, до сих пор не удается описать норму НС “в приемлемом для общенационального масштаба виде. Так, например, для НС, используемой в Остравском крае, характерно то, что, помимо литературной первоосновы, в ней представлены некоторые черты несомненно интердиалектного характера; для реципиента из географически отдаленной Пльзни подобные высказывания настолько маркированы, что они вряд ли могут быть использованы в литературном общении” (ср.: Tváře 2000: 10). Как нам кажется, в данном конкретном случае более уместно было бы говорить не о феномене НС, а о региональном варианте литературного языка.

В свете сказанного становится очевидным, что у идиома НС, по сути, “уходит почва из-под ног”: отсутствует четкое представление как о его норме, так и о сфере употребления. Впрочем,

свои сомнения в возможности использования литературного языка в сфере непринужденного повседневного общения, т.е. в зоне нерегулируемого речевого поведения, мы уже высказывали ранее. Так или иначе, вопрос о НС как о разговорном литературном языке, если еще не снят с “повестки дня”, то во всяком случае продолжает оставаться весьма и весьма дискуссионным.

Остановимся кратко на позиции в отношении феномена НС Я. Хлоупека. Точка зрения ученого, как мы уже отмечали выше, была изложена в ряде работ, из числа недавних публикаций назовем написанный им раздел в коллективной монографии “*Stylistika současné češtiny*” (1997). Как полагает ученый, этот феномен не является самостоятельным идиомом национального языка, расположенным между литературным языком и ОС. Это набор средств, входящий в состав широко понимаемого комплекса литературного чешского языка. Я. Хлоупек подчеркивает смешанный характер нормы НС, сочетающей литературные и нелитературные средства. В силу специфики своей природы НС, как правило, “в недостаточной степени сигнализирует общественную солидарность, доверительность контакта, поэтому она не используется в непрестижных микроситуациях, возникающих на работе или в жизни общества” (Chloupek 1997: 40). Уточняя сферу функционального использования НС, Я. Хлоупек пишет о наличии у нее двух функций: в качестве инструмента общения ее используют лица, употребляющие исключительно литературный язык; наряду с другими структурными разновидностями повседневной речи (*běžné mluvy*), т.е. диалектами, ОС и т.д., она функционирует в качестве средства повседневного общения, (Там же: 40). Вместе с тем, как отмечает исследователь, “нельзя игнорировать тот факт, что до сих пор не появилось ни одной грамматики *hovorové češtiny*, собственно говоря, она даже не кодифицирована... Предполагается существование *hovorové češtiny* в качестве регионального идиома в Остравском крае и в Силезии” (Там же: 40).

Стратификационная модель современного чешского языка приводится и в Энциклопедическом словаре чешского языка в словарной статье “Национальный язык” (авторы: Я. Хлоупек и М. Крчмова). Впрочем не исключается и построение более динамичной, коммуникативной модели (*Encyklopedický slovník češtiny* 2002).

Для прояснения сути ряда спорных вопросов, а также для изучения динамики развития современной языковой ситуации важное значение имеет раздел “*Funkční stratifikace češtiny*” (автор – Я. Корженский) коллективной монографии “*Český jazyk*”, опубликованной в серии “*Najnowsze dzieje języków słowiańskich*” (Opole

1998). Не имея возможности подробно проанализировать эту работу, остановимся лишь на некоторых моментах, существенных для рассматриваемой нами проблематики. Последовательно используя коммуникативный подход, разрабатываемый ученым в целом ряде предшествующих публикаций, Я. Корженский отмечает, что в современном чешском языке дифференциация языковых средств определяется не столько социальными, сколько коммуникативными факторами. Проводя типологию коммуникативных ситуаций, исследователь выделяет в ряду других оппозицию “коммуникация семейная, коммуникация между людьми, связанными родственными узами или же близкими по возрасту – коммуникация официальная и полуофициальная”. При этом он рассматривает специфику речевого поведения и использования языковых средств в соответствующих типах коммуникации. В сфере неофициальной коммуникации употребляются диалектные или же наддиалектные средства, под влиянием радио и телевидения могут также проникать и средства литературные. Сложнее, по мнению исследователя, обстоит дело в официальной и полуофициальной коммуникации, где также могут комбинироваться разные языковые средства, причем в определенных ситуациях (например, во время служебных переговоров) использование литературных средств сигнализирует не только важность, официальность общения, но и определенную, хотя, возможно, и временную дистанцию между коммуникантами (ср.: Там же: 77).

Для рассмотрения интересующей нас проблематики большое значение имеют разделы данной главы, касающиеся дифференциации устного и письменного языка. По мнению автора, наиболее маркантными в этом отношении являются синтаксические и текстовые показатели. Как указывает Я. Корженский, “понятие литературного чешского языка включает не только сферу письменной коммуникации, но также и сферу коммуникации устной, имеющей официальный, полуофициальный и общественно значимый характер. Для обозначения устного чешского языка с указанными функциональными параметрами был введен термин *hovorová čeština*” (Там же: 88). Как мы видим, это несколько иная оценка феномена НС, чем та, которая приводилась другими исследователями. Подытоживая, Я. Корженский пишет, что письменная коммуникация на чешском языке полностью является литературной. Ситуация, складывающаяся вокруг НС как средства литературной устной коммуникации, является иной, она по-разному воспринимается в различных регионах чехоязычной территории. Особенно это касается ее функциональной закрепленно-

сти за официальной и полуофициальной коммуникацией, взаимосвязью с такими показателями как личное расположение, социальное равенство или же неравенство коммуникантов и т.д. Все это дифференцировано индивидуально и прежде всего территориально. Говоря о возможности “переключения кода”, автор отмечает, что зачастую в этом усматривают проявление неуверенности, недостаточного владения феноменом НС, невысокого уровня языковой культуры. На деле же это типичная, постоянная, очень динамичная примета устного чешского языка (ср.: Там же: 93).

Актуальной проблеме соотношения литературности и нелитературности в современном чешском языке и, в частности, феномену так называемых “смешанных текстов”, а также “переключению кода” специально посвящена статья Я. Гофмановой и О. Мюллеровой в коллективном труде “Sprachwandel in der Slavia” (Hoffmannová, Müllerová 2000). Как отмечается в работе, варьирование литературных и нелитературных языковых средств отмечается практически во всех видах коммуникативных ситуаций, оно не регулируется строгими правилами, может быть как осознанным (служить проявлением определенной коммуникативной стратегии), так и неосознанным. Опираясь на обширный языковой материал, авторы констатируют факт преимущественного использования чешского литературного языка в формальных, официальных, публичных ситуациях. Однако и в этой сфере (особенно в высказываниях полупубличных, полуофициальных) фиксируется употребление и нелитературных средств.

Проблематика чешской языковой ситуации освещается и в трудах, выполненных в рамках международного проекта по изучению языка, культуры и этноса. Так, в книге “Язык – Культура – Этнос” (1994 г.) опубликованы две статьи чешских богемистов, посвященные актуальной тематике: Я. Гофмановой, О. Мюллеровой “Смешение литературных и нелитературных компонентов в устных высказываниях на чешском языке” и Фр. Данеша, Св. Чмейрковой “Экология языка малого народа”. В монографии “Встречи этнических культур в зеркале языка” (2002 г.) представлены статьи Я. Корженского “Чешский язык как язык национальный” и П. Сгалла “Чешский язык в повседневном разговоре”, в которых проблема чешской языковой ситуации рассматривается с разных позиций и с разной целевой установкой.

Отмечая значительные достижения чешских социолингвистов в разработке проблематики языковой ситуации, не можем не упомянуть о следующем:

1. В решении проблемы функционального членения чешского национального языка по-прежнему остается много неясных вопросов. Препятствием является и противоречивость в интерпретации понятийно-терминологического аппарата.

2. Напряженными и дискутируемыми точками концепции остаются феномены НС и ОС. Недостаточно четким является понятие ВМЖ.

3. В оценке статуса ОС немалую роль играет региональная принадлежность исследователя, в частности, происходит ли он сам из западной или же восточной части чехоязычной территории. В первом случае отчетливо просматривается стремление акцентировать **общезначимую** значимость данного идиома, его “центральность”; во втором – проявляется намерение усилить **интердиалектное** прошлое ОС (возможно, продиктованное инстинктивным желанием защититься от “прагоценности”).

4. Трудно согласиться с тезисом об экспансии ОС в сферу употребления литературного языка, их конкуренции друг с другом. На наш взгляд, сферы употребления данных феноменов достаточно четко разграничены. Нельзя не учитывать, что использование элементов ОС в художественной литературе, публицистике служит целям намеренной стилизации текста. Мало того, в большинстве случаев оно находится под контролем автоцензуры или внешней языковой цензуры.

5. Вследствие более высокой оценки статуса феномена ОС (ср. включение последнего в состав ядра национального языка, признание его общезначимости) “литературноцентризм” чешской концепции языковой ситуации более смягчен по сравнению с концепцией, используемой в русской социолингвистике.

6. Обращает на себя внимание тот факт, что, невзирая на детальную разработку проблематики литературного языка, в подавляющем большинстве социолингвистических работ все же недооценивается роль устного литературного языка (ср. отнесение его к сфере лишь **официальных устных** коммуникатов). Вместе с тем именно устный литературный язык ныне не только не уступает языку письменному, но порой и превосходит последний по своей значимости в общезначимой коммуникации. Возможно, здесь так же, как и в русистике, сыграло свою роль повышенное внимание к феномену разговорного литературного языка.

7. Что касается внутренней архитектоники модели национального языка, то здесь отчетливо проявляется тенденция усложнения ее структуры. Так, первоначальная двухкомпонентная

модель языковой ситуации (противопоставление литературного языка и территориальных диалектов), применявшаяся на ранних этапах славянской социолингвистики, очень скоро, по мере формирования смешанных, интегрированных структур, была преобразована в многокомпонентную (трех-, четырехкомпонентную) модель. Нередко ее строение оказывалось еще более сложным в результате того, что исследователи, наряду с идиомным (“лангвовым”) подходом, постепенно вводили и критерий текстовой структуры, что зачастую делало модель чрезмерно громоздкой, снижало ее операциональную силу.

Думается, что важным импульсом для развития социолингвистического описания чешского национального языка явится коммуникативное осмысление ценных лексикографических коллекций Института чешского языка Чешской академии наук, а также Чешского национального корпуса Карлова университета.

КОНЦЕПЦИЯ ОПИСАНИЯ БОЛГАРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

Анализируя работы, в той или иной мере затрагивающие проблему функциональной дифференциации болгарского национального языка (так же, как и в предыдущих разделах работы, мы учитываем исследования, выполнявшиеся не только болгарскими, но и зарубежными учеными – в данном случае болгаристами Г.К. Венедиктовым, К. Гутшмидтом, Е.И. Деминой и др.), нельзя не заметить эволюции в подходе к решению этого вопроса.

На ранних этапах (40-е годы XX в.) внимание акцентировалось прежде всего на **диалектной** расчлененности языкового континуума болгарского языка. Причем, как отмечает В. Попова со ссылкой на Ст. Младенова (Младенов 1943), литературный язык, рассматриваемый в контексте диалектов, первоначально оценивался как “некое бледное отражение народного языка, как искусственное построение, в основном использующееся для канцелярских нужд” (Попова 1983: 205–206). Впрочем, впоследствии четко наметилась тенденция повышения статуса литературного языка. Так, по словам В. Поповой (Там же: 206), А. Теодоров-Балан определял литературный язык как говор образованных слоев общества (Теодоров-Балан 1940).

В дальнейшем, начиная с 60-х годов, в социолингвистической концепции болгарского языка наметились существенные изменения: строение национального языка стали представлять в виде

двухкомпонентной модели с иерархическим противопоставлением литературного языка (в соответствии с болгарской терминологической традицией это “книжовен език”) как доминирующей, наиболее престижной формы существования болгарского языка диалектам, территориальным и социальным.

В болгарской лингвистике именно эта модель до недавнего времени имела наибольшее количество приверженцев. К их числу относились виднейшие представители болгарского языкознания: Л. Андрейчин, Ст. Стойков, Ст. Стоянов и многие другие. Так, еще в 1961 г. Л. Андрейчин в работе “На езиков пост” писал: “Можно утверждать, что болгарский язык существует одновременно в виде диалектов и в виде литературного языка” (Андрейчин 1961: 9). При этом он уточнял, что диалекты представляют собой языковую форму, обслуживающую широкие народные массы в их традиционной повседневной жизни; назначение литературного языка сводится не только к его использованию в качестве средства письменности (художественная, научная, публицистическая литература), он применяется и в учреждениях, учебных заведениях, а также в разговорном общении в среде интеллигенции. Ученый пишет, что “литературный язык представляет собой форму языка, единую для всего народа, применяемую в культурной, общественной и производственной жизни” (Там же).

Ст. Стойков считает литературный язык и диалекты (территориальные, местные, классические или социальные) двумя бесспорными формациями, используемыми болгарской языковой общностью (ср.: Стойков 1952: 142–143). Впрочем, в его работах термины “литературен език” и “национален език” зачастую используются как синонимы (см. по этому поводу: Виденов 1979: 32).

Весьма красноречивым является и другое высказывание Ст. Стойкова, приведенное М. Виденовым: “Диалектно все, что не литературно” (Стойков 1968: 268).

Сходную позицию занимает и Ст. Стоянов, согласно мнению которого, национальный язык представляет собой обобщающее понятие, включающее все проявления болгарского языка: литературный язык и диалекты (Стоянов 1964: 13). Примечательно, что понятие “литературный язык” здесь обозначается терминами “книжовният” или “литературният” език.

Несколько особняком стоит модель болгарского языка, предложенная Вл. Георгиевым и И. Дуридановым (Георгиев, Дуриданов 1959: 268), в соответствии с которой при сохранении принципа дихотомического членения в состав национального языка включаются не диалекты (в силу их неперспективности, а также

региональной ограниченности), а **общий разговорный язык**. Впрочем, под литературным языком в этой работе имеется в виду обработанный язык **художественной** литературы. В свою очередь понятие “письменный язык” (книжовен език) обозначает всю совокупность **письменной** реализации национального языка, т.е. литературный язык в узком смысле слова, язык публицистики, научной литературы, административных текстов. Существенным в данной концепции нам представляется прежде всего вычленение общего разговорного языка, который, к сожалению, не был детализирован.

О литературном языке и диалектах как **двух** разновидностях болгарского языка пишет и В. Станков (Станков 1979).

К концу 70-х годов, наряду с дихотомической концепцией членения болгарского национального языка, считающейся общепризнанной, начинает формироваться новая концепция – **трихотомическая**, в соответствии с которой в состав национального языка, помимо литературного языка и диалектов, включается также промежуточное звено наддиалектных образований. Данная модель, возникшая не без влияния русской и чешской социолингвистических школ, отражала интеграционные процессы, развивавшиеся в болгарской языковой ситуации.

Наиболее полно и систематически трихотомическая модель (с ее конкретной апробацией на болгарском языковом материале) изложена в фундаментальных исследованиях М. Виденова (Виденов 1979; 1982; 1990; 1993 и др.). На трудах М. Виденова, имеющих большое значение для развития болгарской социолингвистики, мы остановимся особо (см. ниже).

Трехкомпонентной моделью членения болгарского национального языка оперирует и ряд других ученых, например К. Гутшмидт – ср., в частности, его статью, относящуюся к 1979 г. (Gutschmidt 1979).

К этому же периоду принадлежит и статья Р. Ницоловой об особенностях языковой ситуации в Болгарии (Ницолова 1981), в которой автор, хотя и называет литературный язык и территориальные диалекты двумя основными формами существования болгарского языка с системным статусом, тем не менее наряду с ними в состав национального языка включается и народно-разговорная речь (субстандарт), и социальные диалекты! (молодежный сленг, профессиональные сленги).

Что касается народно-разговорной речи, то, как отмечает Р. Ницолова, она играет роль связующего звена между диалектами и устной литературной речью. Носителями народно-разго-

ворной речи являются болгары, преимущественно городские жители, узус которых сохраняет диалектные элементы, мешающие им активно освоить норму литературного языка. Иными словами, в данной интерпретации народно-разговорная речь, по сути, совпадает с русским просторечием.

Характеризуя динамику развития языковой ситуации в современной Болгарии, Р. Ницолова отмечает экспансию литературного языка, обусловленную его поливалентностью, а также ограничение сферы употребления территориальных диалектов (последние представлены в виде двух стилевых реализаций: повседневная разговорная речь, а также художественная речь фольклора).

В ряду активно протекающих языковых процессов называются, с одной стороны, значительное **уменьшение** численности моногlossных пользователей диалектов (это пожилые люди 60–65-летнего возраста); с другой – значительное **увеличение** количества **моногlossных** пользователей литературного языка среди лиц среднего и молодого поколения. Отмечается также возрастание численности пользователей народно-разговорной речи.

На основании сказанного выше можно заключить, что наиболее активными компонентами болгарской языковой ситуации признаются литературный язык и народно-разговорная речь.

Заслуживает внимания и оценка Р. Ницоловой состояния языковой культуры в современной Болгарии: “В связи с изменениями в языковой ситуации, приводящими к увеличению моногlossии молодых писателей, не владеющих диалектной речью и знакомых с фольклором только по книгам, наблюдается, с одной стороны, очень высокая книжность языка их произведений, равно как и чрезмерная интеллектуализация, а с другой стороны, искусственное, часто неуместное или манерное употребление диалектизмов или народно-разговорных элементов” (Ницолова 1981: 120).

В целом сходные процессы в болгарском отмечает и Г. Вальтер (Walter 1981). Последний расширяет социальную базу литературного языка на весь народ, отмечает возрастающую роль общенародно-разговорного языка (*Umgangssprache*), в том числе регионального, сближающегося с литературным языком. Все это, по мнению исследователя, приводит к вытеснению на периферию системы национального языка территориальных диалектов, игравших ранее, в частности в 40-е годы, важную роль в аграрной по преимуществу Болгарии.

Несколько иную оценку состояния современной болгарской языковой культуры дают в своем докладе на конференции по язы-

ковой культуре, состоявшейся в 1976 г. в ЧССР, Е. Георгиева и Я. Бачваров (Georgievnová, J. Bačvarov 1979). Так, признавая значимость литературного языка как общенародного средства языковой коммуникации, равно как и устной литературной речи (благодаря СМИ), они тем не менее отмечают **снижение** удельного веса **активных** пользователей литературного языка в результате усилившихся процессов массовой урбанизации, миграции, концентрации **гетерогенного** в языковом отношении населения. Как отмечают исследователи, ухудшается и литературное произношение. Трудно преодолимым оказывается влияние территориальных диалектов (Там же: 68–69). Данная точка зрения нам представляется более реалистичной.

Возвращаясь к статье Р. Ницоловой, заметим, что в ней уделяется внимание и такому важному феномену, как “литературно-разговорная речь” (соответствующий болгарский терминологический аналог – “книжново-разговорна реч”). В диапазоне употребления этого феномена находятся: сфера быта и семьи, публицистическая (во время собраний и заседаний), научная (официальные и неофициальные разговоры на научную тему), административная (в учреждениях, суде, милиции и пр.), художественная (при рассказах и пересказах фильмов, литературных произведений и пр.). Нетрудно заметить, что в ряду выделяемых сфер общения, впрочем, весьма неоднородных, находятся такие, которые обычно приписываются устному литературному, а также разговорному литературному языку.

Вопрос о внутренней дифференциации литературного языка несколько иначе освещается в работах В. Поповой (ср., в частности, ее статью “За разговорната реч и нейната норма” – Попова 1980).

Так, констатируя, что литературный язык является репрезентативной, нормативной, кодифицированной, общенациональной формой существования болгарского языка, она подразделяет его на письменную и устную литературную речь. Соответственно, в составе устной литературной речи вычленяются два основных типа реализации: **кодифицированный** (лекции, беседы, речи, интервью, диалоги официального характера и пр.), т.е. предполагающий устную импровизацию, а отнюдь не воспроизведение письменного текста, и **некодифицированный** (с комбинацией элементов как кодифицированной, так и некодифицированной нормы), т.е. разговор, характеризующийся непринужденной, неофициальной, предварительно не подготовленной формой общения (Попова 1980: 65–66).

Позиция В. Поповой, на наш взгляд, во многом сходна с концепцией Е.А. Земской (см. выше). Не можем, однако, не отметить, что вычленение некодифицированной устной **литературной** речи вступает в противоречие с ранее данной оценкой литературного языка как кодифицированного феномена.

В исследованиях М. Виденова, как уже отмечалось выше, последовательно применяется трехкомпонентная модель членения болгарского национального языка. Так, в монографии “Из актуалната проблематика на българския език” (см. нашу рецензию на этот труд: Нешчименко 1981) он отмечает, что между двумя полюсными образованиями болгарского национального языка (литературным языком и диалектами) существует достаточно широкий слой, который можно обозначить как интердиалект, или же обиходно-разговорный язык (“битово-разговорен език”). Факт наличия подобной срединной зоны подтверждается данными всех современных языков, имеющих развитые литературные идиомы, к числу которых, несомненно, принадлежит и болгарский.

Как верно отмечает М. Виденов, характер манифестации этой зоны может варьироваться по языкам. Так, болгарский обиходно-разговорный язык так же, как и литературный язык и диалекты, имеет статус “формации” (заметим, что М. Виденов предпочитает пользоваться именно этим термином, равнозначным по отношению к термину “форма существования языка”).

По мнению исследователя, обиходно-разговорный язык, отличаясь как от разговорного литературного языка (“разговорният книжовен език”), так и от диалектов, наряду с диалектизмами, не имеющими, впрочем, строгой региональной локализации, включает и немало литературных элементов. Однако это отнюдь не какой-то хаотичный набор, как может показаться на первый взгляд, а самостоятельная структурная формация, особая система (Виденов 1979: 33), моногlossными носителями которой является значительная часть болгароязычного населения (Там же). Впрочем, чуть дальше автор, противореча самому себе, заявляет, что “болгарский разговорно-бытовой язык является достаточно аморфной формацией” (Там же: 34).

Как полагает М. Виденов, в современном болгарском языке обиходно-разговорный язык не имеет надтерриториальной значимости. Наиболее типичной его манифестацией являются городские говоры, в ряду которых особое место занимают восточноболгарский, а также западноболгарский интердиалекты (локализация последнего связана с Софией). Характерно, что после перемещения столицы из Тырново в Софию (1879 г.), функ-

ции устного литературного языка (“говорим книжовен език”) и разговорно-бытового языка для восточноболгарской по происхождению столичной интеллигенции выполнял один из восточноболгарских интердиалектов (Там же: 37).

В этой же работе высказывается мнение, что разговорно-бытовой язык по отношению к литературному языку и диалектам выполняет функцию своего рода “буфера”, нижний порог которого близок к диалектной норме данного региона, а верхний – к норме разговорного литературного языка (Там же: 37).

Таким образом, модель современного болгарского национального языка, которой пользуется М. Виденов, как уже отмечалось выше, состоит из трех формаций: литературного языка, разговорно-бытового языка, диалектов. Наиболее устойчивое положение в этой триаде занимает, разумеется, литературный язык, постепенно наращивающий свою функциональную мощь; на ранних этапах, например во второй половине XIX в., он имел более узкую социальную основу и реализовывался лишь в письменной форме.

Сомнения вызывает, впрочем, интерпретация феномена “разговорный литературный язык”, который, как мы неоднократно говорили выше, является наиболее дискуссионной точкой практически всех социолингвистических концепций, что уже само по себе дает повод скептически относиться к правомерности вычленения этого идиома. Не удастся избежать противоречий в этом случае и М. Виденову. Терминологическими эквивалентами этого понятия в монографии являются “разговорният книжовен език | разговорната реч | функционалната разговорна форма на книжовния език” (в работе приводится и другое терминологическое обозначение, используемое К. Поповым, – “народно-разговорен език”). Затруднения создает, однако, не только терминологическая пестрота, но и то, как эти термины соотносятся с реальной коммуникацией в социуме. Так, в частности, вряд ли можно согласиться с утверждением, что “разговорная речь может быть предварительно подготовлена и выучена наизусть (сценическая речь, декламация и др.)” (Там же: 34).

Вслед за рядом зарубежных социолингвистов М. Виденов определяет разговорный литературный язык как определенный стиль литературного языка, который хотя и близок к письменному литературному языку, однако не совпадает с ним полностью. Он открыт для инноваций (что, впрочем, на наш взгляд, присуще и письменному литературному языку).

В свете сказанного выше ученый прогнозирует, что по мере интеллектуализации жизни разговорный литературный язык во все большей степени будет овладевать болгарской языковой общностью, расширять сферу своего употребления за счет диалектов и разговорно-бытового языка, хотя вряд ли следует ожидать бесследного и мгновенного исчезновения диалектов (Там же: 36).

Проблема стратификации болгарского национального языка рассматривается и в монографии М. Виденова “Социолингвистика” (Виденов 1982), в которой детально исследуется как интралингвальная, так и интерлингвальная языковая ситуация болгарского этноса.

Оставляя за рамками нашего рассмотрения интерлингвальный аспект, связанный с использованием в языковом пространстве болгарского этноса для обеспечения тех или иных коммуникативных функций иностранных языков (это было особенно важно на ранних этапах существования болгарской государственности), остановимся на характеристике модели болгарского языка в ее диахронической эволюции.

Исходя из определения “языковой формации” как “отдельной структурной единицы, имеющей свою внутреннюю организацию, включающую элементы всех уровней” (Виденов 1982: 69), М. Виденов показывает, что на всех синхронных срезах исследуемого периода (новоболгарский период, т.е. XIX–XX вв.) может быть применена **трихотомическая** модель, состоящая из традиционных территориальных диалектов, наддиалектов и новоболгарского литературного языка.

Что касается литературного языка, то в первой половине XIX в. он существовал лишь в виде **письменной** подформации. Потребность в формировании его **устной** подформации стала все более остро ощущаться в последней трети XIX в., однако, как отмечает Г.К. Венедиктов, нормализация устной формы (разновидности) современного болгарского литературного языка на стадии его формирования – один из тех важных вопросов, которые долгое время оставались вне поля зрения исследователей (Венедиктов 1992: 13).

Не можем не отметить, что и в этой монографии М. Виденова, так же, как и в предыдущей, понятия “устный” и “разговорный” нередко употребляются недифференцированно, что, впрочем, весьма распространено в социолингвистике. Недифференцированность терминологии зачастую ведет и к смешению обозначаемых идиомов. Так, описывая столичную (софийского

периода) языковую ситуацию, М. Виденов говорит о необходимости создания подформации, противопоставленной письменному литературному языку, которую он называет “разговорна (говорима) подформация” (Виденов 1982: 133). Вместе с тем в ряду сфер употребления этой подформации им называются: образование, общественно-партийная жизнь, театральное дело и под. (Там же: 133), т.е. типичные сферы употребления не разговорного, а именно устного литературного языка. При определении нормы разговорного феномена также подчеркивается ее преемственность по отношению к письменной форме болгарского литературного языка (“с необходимой региональной коррекцией, привносимой престижными социальными группами” – Там же: 133).

Важно отметить, что в дальнейшем при диахронической характеристике модели болгарского национального языка устная (“говорима”) подформация литературного языка вообще не упоминается: указываются лишь письменная и разговорная подформации. Так, для периода от Освобождения до первой мировой войны приводится следующий перечень формаций: **болгарский “книжовен” язык**, существующий в виде двух диалектически взаимосвязанных подформаций – **письменной и разговорной** (разговорная формируется в столице при участии письменной подформации и западноболгарского интердиалекта); **городские говоры** (наддиалекты, интердиалекты), в числе которых наиболее важными в функциональном отношении являются софийские интердиалекты “А” (восточноболгарский) и “Б” (западноболгарский), а также недавно образовавшийся интердиалект “АБ”, претендующий на использование в качестве разговорной подформации литературного языка. Наконец, в качестве третьего компонента называются **территориальные диалекты** (Там же: 136).

При характеристике языковой ситуации межвоенного периода, М. Виденов использует ту же трихотомическую модель. Что касается современной языковой ситуации, то он совершенно справедливо критически оценивает попытки применения **двухкомпонентной** модели. По этому поводу он пишет: “В трудах всех болгарских лингвистов... утверждается, что территориальные диалекты непосредственно переходят в литературный язык. Отрицается наличие промежуточного состояния, т.е. той нелитературной формации, которая в настоящее время является недидалектной...” (Там же: 145).

Заслуживает внимания характеристика болгарского этноса с точки зрения **диглоссии** и **моноголоссии**. Так, огромные массы

сельского населения являются **монологсными**, так как бытовое общение осуществляется на диалекте. Сельская интеллигенция, и прежде всего учителя, в официальной обстановке использует литературный язык, например во время школьных уроков (Там же: 137). Городская интеллигенция подразделяется на **монологсную, литературноговорящую** и **диглосную** (использование литературного языка в профессиональной среде; в быту – субстандартных формаций, т.е. диалекта, интердиалекта). Наряду с этим, отмечается факт численного возрастания потомственной интеллигенции, владеющей лишь литературным языком, т.е. это **литературная монологсия** (“речевая реализация базируется лишь на литературной полистилевости” – Там же: 138). Иными словами, допускается возможность **универсального** использования литературного языка, что представляется нам весьма спорным, хотя и очень распространенным суждением.

В ряду важнейших тенденций, развивающихся в современной болгарской языковой ситуации, М. Виденов отмечает “массовизацию” группы носителей литературного языка (в рамках литературного языка существует спонтанный разговорный стиль, используемый определенными слоями общества в функции коммуникативного средства повседневного общения), а также повсеместное превращение территориальных диалектов (в том числе и вследствие их непрестижности) в интердиалекты (Там же: 148).

Из сказанного можно сделать вывод, что на практике **трехкомпонентная** модель, по сути, превращается в **двухкомпонентную** (литературный язык – интердиалект) либо даже в **однокомпонентную** (в случае литературноговорящих лиц). Думается, что подобная интерпретация все же страдает некоторой упрощенностью.

Рассмотрение проблемы стратификации болгарского национального языка было продолжено М. Виденовым в монографии “Съвременната българска градска езикова ситуация”, в которой целый ряд актуальных аспектов данной проблемы получил дальнейшее развитие (Виденов 1990). В указанной работе социолингвистическое описание языковой ситуации города, как и ранее, базируется на использовании **трехкомпонентной** модели, включающей в качестве основополагающих литературную, интердиалектную и диалектную формации. Впрочем, в данной модели учитывается и функционально-стилевая спецификация. Соответственно языковые формации соотнесены с определенными сферами употребления (научной, публицистической, художественной, административной, бытовой). Максимальный функциональный диапазон имеет литературный язык, используемый во

всех пяти сферах; интердиалекты и диалекты двуфункциональны (используются в художественной и бытовой сферах).

Примечательна и обратная взаимосвязь: **однонаправленная** корреспонденция характерна для научной, публицистической и административной сфер – т.е. в них используется литературный язык; художественная и бытовая сферы соотнесены со всеми тремя формациями.

Установленные взаимосвязи весьма убедительны, тем не менее, на наш взгляд, было бы полезным в большей степени учитывать, что реальное строение текста, характерное для тех или иных сфер, является многомерной структурой, комбинирующей средства различных языковых формаций.

Сохраняя приверженность трехкомпонентной модели, М. Виденов не видит основания (в отличие от целого ряда скептиков) отказываться от использования понятия “интердиалект”. Он рассматривает последний как новую фазу в развитии территориального диалекта (сходную точку зрения в свое время высказывал Я. Хлоупек), как “субстандарт с наддиалектным статусом” (Там же: 276). Заметим, что Г.К. Венедиктов (Венедиктов 1992: 20) относит к числу наддиалектных образований ареальные койне, интердиалекты, городские говоры.

В предложенной М. Виденовым социолингвистической концепции важное место занимает разработка понятий “норма”, “нормативный статус” и пр.

Особый интерес для нас представляет определение нормативного статуса формации, т.е. формы существования языка. Как отмечает автор, в современном городе используются три формации, каждая из которых имеет свой нормативный статус: “а” – литературный тип; “b” – интердиалектный тип; “с” – диалектный тип. Каждый из этих типов имеет свою внутреннюю дифференциацию. Тип “а” подразделяется на кодифицированный и некодифицированный (но тем не менее литературный). Внутренняя градация некодифицированного литературного языка основывается на различной степени представленности некодифицированных элементов (от высшей до низшей), что в конечном итоге зависит от степени образованности и социальной принадлежности индивидуума. Чем меньше некодифицированных включений в речи, тем более престижным, по мнению автора, будет речевое поведение индивидуума, тем более очевидной будет его принадлежность к интеллигенции.

Таким образом, литературный язык имеет три, ставшие уже традиционными, манифестации: письменную, устную (кодифи-

цированную), разговорную (некодифицированную). Заметим, что обособление устного и разговорного литературного языка в данной монографии осуществляется более корректно, чем в предыдущих работах того же автора.

Формации “b” и “c” также имеют внутреннюю градацию, однако в этом случае речь идет об удельном весе соответствующих региональных включений (Виденев 1990: 98 и далее).

Сказанному соответствуют и типы нормы: **письменная норма** 1) строго кодифицированная (научная, административная, публицистическая сфера); 2) норма с включением некодифицированных элементов, проникающих в результате влияния разговорной практики (художественная сфера); **устная норма** 1) близкая к кодифицированной (наука, публицистика, административная деятельность и пр., т.е. сфера официального, публичного общения). Сюда же включается сфера бытового общения интеллигенции и других слоев общества, которые при общем соблюдении кодификации допускают и включение некодифицированных компонентов; 2) некодифицированная – характерна для городской речи (Там же: 230).

Заслуживает внимания констатация М. Виденовым того, что источником подобных нелитературных включений в устный официальный литературный язык является так называемый “акролект” АБ, образовавшийся в результате интерференции двух главных софийских интердиалектов: восточноболгарского “А” и западноболгарского “Б”.

Примерно сходная классификация была предложена Вл. Мурдаровым (Мурдаров 1985). Примечательно, что последний в составе письменной нормы называет и ее озвученную (читаемую) форму, что, на наш взгляд, дает основание говорить о наличии у устного литературного языка его импровизированной и неимпровизированной реализации.

М. Виденов оперирует и другими типами норм: **структурной** (т.е. норма формации), **стилевой** (речевая организация определенной социальной сферы), **коммуникативной** (речевая ситуация, определяемая такими внешними факторами, как тема высказывания, обстановка коммуникации, социальная характеристика коммуникантов и пр.), **континуумной** (определяемая каналом коммуникации: речь письменная и устная, публичная, официальная и бытовая и пр.), **прагматической** (определяемая целью высказывания) (Виденев 1990: 231–232).

Для рассмотрения проблемы дифференциации национально-языка представляет интерес и статья М. Виденова (“Към типо-

логията на езиковата ситуация на някои съвременни славянски столици” – Виденов 1993), в которой на конкретном материале апробируются основные положения концепции. В этой статье при описании трех столичных языковых ситуаций (Москва, Прага, София) используется единая модель строения национального языка: А) **литературный язык**: письменная форма, устная форма (беседы, лекции, радио, ТВ и пр.), разговорная форма (бытовая сфера); Б) **интердиалекты** (бытовая сфера); В) **диалекты** (бытовая сфера).

Анализируя языковую ситуацию Софии, автор выстраивает формы существования болгарского языка (в данной статье автор не пользуется термином “формация”) в виде иерархической стратификационной вертикали в зависимости от степени их престижности. Безусловный примат, как в модели, так и в системе коммуникации вообще, имеет литературный язык.

Следует, однако, отметить эволюцию взглядов ученого. Так, в рассмотренной выше монографии (Виденов 1990) он достаточно прямолинейно и даже категорично говорит о влиянии кодификации на речевой укус бытового общения городского населения. Отмечая ведущую роль “во всеобщем городском социуме” тех слоев населения, которые по своему профессиональному положению активно используют кодифицированный литературный язык, он делает вывод о косвенном влиянии кодификации на характер бытового общения. Именно в этом М. Виденов видит “ключ к объяснению речевого поведения основных городских слоев. Связь бытовой сферы с кодификацией будет все существенней, так как продолжится увеличение социума, имеющего профессиональное отношение к кодифицированным сферам” (Виденов 1990: 521).

Оставляя без комментария данное, отнюдь не бесспорное, суждение, заметим, что в статье, датированной 1993 г., автор вынужден констатировать, что в последние два-три года особую агрессивность приобретает разговорная форма болгарского литературного языка. Он склонен объяснять ее проникновение в устную литературную форму действием общей тенденции демократизации поведения личности. “Литературноговорящий болгарин делал это в значительной степени умышленно, с тем чтобы продемонстрировать свою близость к широким массам, а также чтобы противопоставить свою речь языковому поведению, свойственному тоталитарному государству, предписывавшему обязательное употребление в официальной сфере устной литературной формы” (Виденов 1993: 203).

Отвлекаясь от ненужной, на наш взгляд, политизации, мы хотели бы подчеркнуть, что проникновение некодифицированных элементов исходит, как нам представляется, отнюдь не из разговорного литературного языка, а из нелитературных форм существования, в частности сленгов и т.п. Кстати, в какой-то мере именно об этом упоминали в своей статье Е. Георгиева и Я. Бачваров (см. выше).

Оценивая направленность современных социолингвистических исследований болгарского языка, необходимо отметить возрастание интереса к **срединному** звену модели национального языка – это прежде всего изучение городской речи, столь интенсивно и плодотворно проводимое целым рядом ученых, в том числе и М. Виденовым.

В русле развития современной науки находится и изучение феномена разговорной речи. В этой связи заслуживает особого упоминания очень полезная монография И. Ангеловой (Ликомановой) “Синтаксис болгарской разговорной речи” (Ангелова 1994). Той же проблематике посвящена и ее статья “Языковая ситуация в современной Болгарии” (Ликоманова 1992), на которой мы остановимся специально, поскольку содержащаяся в ней интерпретация понятия “разговорная речь” отличается от предлагаемой нами трактовки.

Понятие “разговорная речь” в данной работе истолковывается хотя и расширительно (на наш взгляд, не без влияния работ О.А. Лаптевой), однако оно включено в рамки литературного языка (соответственно от него отсечены как диалекты, так и социолекты).

Для сравнения заметим, что в нашей концепции разговорный язык (речь) выведен **за рамки** литературного языка, т.е. он покрывает собой языковое пространство нерегулируемого речевого поведения, включая в том числе и диалекты, и социолекты.

Расширительность интерпретации разговорной речи у И. Ликомановой заключается в том, что в ее диапазоне оказывается как монологический официальный разговор, представляющий собой зачастую устную реализацию письменного текста (при отсутствии взаимодействия между участниками разговора), так и спонтанное общение в неформальной обстановке, при неформальных отношениях между участниками диалога.

Основным предметом рассмотрения в данной статье является прежде всего та часть разговорной речи, которая именуется “литературно-разговорной”. В ней отсутствуют сленгизмы, диалектизмы и вообще элементы с сильной эмоциональной окрашенностью.

Иными словами, это разговорная речь, используемая в публичном официальном общении, т.е. подвергшаяся определенной селекции. В нашем понимании это регулируемое речевое поведение.

При определении состава носителей этого феномена И. Ликоманова пользуется экстралингвистическими критериями: уровень образования (наличие высшего образования – его отсутствие), профессиональная специализация (гуманитарная–техническая), возрастная градация. Между всеми этими признаками и особенностями речевого поведения, по мнению автора, существует прямая взаимозависимость. Так, к ядру литературно-разговорной речи относится речь лиц с высшим образованием, имеющих гуманитарную профессию. К периферии – речь лиц без высшего образования, негуманитарного профиля.

Соблазн установления подобных взаимосвязей, разумеется, достаточно велик, тем более, что приводимые языковые факты сопровождаются статистическими выкладками. Если бы эти взаимосвязи действительно подтвердились, можно было бы с уверенностью прогнозировать речевое поведение не только отдельного индивидуума, но и целых социальных слоев населения. Реальная ситуация, однако, является более сложной. Это, впрочем, сознает и сам автор, вынужденный констатировать, что “неуважительное отношение к литературному языку наблюдается очень часто, к сожалению, даже у гуманитариев” (Ликоманова 1992: 203). Отмечает она и тот факт, что болгарская литературно-разговорная речь сильно индивидуализирована, отражает влияние как диалектов, так и иностранных языков.

Что касается новейших публикаций о современной болгарской языковой ситуации, то нам приходится с сожалением констатировать, что круг доступных нам источников был весьма ограничен. Наиболее подробно интересующую нас проблематику освещает Ангел Пачев в коллективной монографии “Български език” в “опольской” серии “Najnowsze dzieje języków słowiańskich” (1997). Данное исследование содержит большой информативный материал, касающийся функционирования болгарского языка не только внутри страны, но и за ее пределами.

Автор характеризует диалектное членение современного болгарского языка как исключительно сложное и трудно поддающееся интерпретации. Особо подчеркивает он значимость проникновения диалектов в узус городской речи.

По мнению исследователя, доминирующее положение в системе форм существования современного болгарского языка занимает литературный (“книжовен”) язык. Являясь официальным

литературным стандартом Болгарии, он обладает не только высоким социальным престижем, но и широкой базой носителей. В числе наиболее характерных признаков литературного языка называются обработанность; нормированность; наддиалектный характер; стабильность; обязательность для всех, кто им владеет; стилистическая дифференцированность; полифункциональность; наличие письменной и устной разновидностей. В современном болгарском обществе владение литературным языком является необходимой предпосылкой и гарантией получения полноценного образования, а также дальнейшей профессиональной реализации. К сожалению, в работе не содержится достаточной информации о промежуточных, интегрированных звеньях модели.

А. Пачев оперирует двумя видами вариативности: стратификационной (проявляется в речевых различиях между членами отдельных социальных групп и слоев) и ситуативной, т.е. в различиях, затрагивающих использование определенных языковых средств: литературных, диалектных, функционально-стилистических (ср.: Там же: 183–185).

В интерпретации А. Пачева в языковой ситуации Болгарии “существует бесспорная и очевидная взаимосвязь между использованием болгарского языка и социальной структурой болгарского общества” (Там же: 185).

Как нам представляется, в данной публикации роли социального фактора придается неоправданно большое значение.

Проблематика языковой ситуации современной Болгарии затрагивается и в статьях болгарских авторов, опубликованных в коллективном труде *Sprachwandel in der Slavia* (2000). Мы имеем в виду две статьи М. Виденова, из которых одна (“Die bulgarische Sprache und die öffentliche Meinung an der Schwelle des 21. Jahrhunderts”) посвящена проблемам современного речевого этикета и стандарта; другая – “Die Sofioter Sprache” – традиционной для этого автора теме городской речи.

В поле зрения Р. Ницоловой находится рассмотрение языковых особенностей языка современных болгарских СМИ, в том числе через призму языковой ситуации в Болгарии: “Die Varietäten des Bulgarischen und die bulgarischen Printmedien nach 1989” (*Sprachwandel in der Slavia*).

Проблематика языка современных болгарских СМИ широко и интересно освещается в статьях известных болгарских ученых, опубликованных в сборнике “Медиите и езикът”. В их числе также находится статья Р. Ницоловой “Основни тенденции в развитието на българския печат след 1989 г.”.

Важно подчеркнуть, что во всех этих публикациях отмечается наличие сходных тенденций, проявляющихся как в других славянских языках, так и в широком контексте европейских языков. Иными словами, речь идет о закономерностях универсального значения; ср., например, проникновение субстандарта в речевой узус публицистики, усиление влияния разговорного языка и, в частности, городской речи, особенно больших городов, сленга; меньшую значимость имеют диалектные включения.

* * *

Подытоживая беглое рассмотрение концепций описания славянских языковых ситуаций и лежащих в их основе моделей функциональной дифференциации этнического языка, выскажем некоторые наблюдения.

1. Социолингвистическое описание анализируемых языков базируется на использовании моделей разной степени сложности: двух-, трех- и даже четырехкомпонентной.

Оценивая современные тенденции в решении проблемы дифференциации национального языка, А. Едличка пишет (ср.: Jedlička (b) 1979: 30), что существующие в настоящее время классификации экзистенциональных форм национального языка основываются, главным образом, на **трихотомической** модели, на крайних полюсах которой находятся литературный язык и диалект (что, разумеется, не означает их жесткого противопоставления друг другу в языках нашего типа). Соответственно как новый тип модели национального языка он характеризует модель, состоящую из **четырёх** позиций, включающую противопоставление: стандарт–субстандарт, диалект–интердиалект (подобная модель, в сущности, представлена в работах Д. Брозовича, невзирая на высказанную им же самим приверженность дихотомической модели). Кстати, четырехкомпонентной моделью оперирует при характеристике чешской языковой ситуации и сам А. Едличка (Jedlička 1974): литературный язык – разговорная форма литературного языка (hovorová čeština) – běžně mluvený jazyk (BMJ) – диалект (см.: Jedlička (b) 1979: 30).

Попытку применить двух- и трехкомпонентную модели при типологии языковой ситуации различных славянских языков предпринял в свое время Вл. Барнет (Barnet 1973: 28):

дихотомическая модель: литературный язык (письменный/устный) – диалект (польская, сербская, хорватская, белорусская языковые ситуации); литературный язык (письменный/устный) – BMJ (чешская языковая ситуация);

трихотомическая модель: литературный язык (письменный/устный) : ВМЈ : диалект (русская языковая ситуация). В данном случае в функции ВМЈ в русском языке, как мы можем понять из текста работы, выступает, очевидно, формирующийся идиом “русская разговорная речь”.

2. Независимо от степени сложности моделей описания языковой ситуации по своей сути они практически без исключения представляют собой **стратификационные** построения, т.е. основываются на иерархическом упорядочении языковых идиомов, входящих в состав **моносистемы** национального языка. Решающую роль при расположении иерархизованных страт играет априорно установленная престижность языковых идиомов.

3. В составе корпуса национального языка, моделируемого, таким образом, в виде иерархической вертикали, в качестве единственной функциональной доминанты рассматривается литературный язык. По мнению большинства исследователей (за исключением русской социолингвистической школы) это кодифицированный феномен. В силу своего максимально высокого социолингвистического статуса и престижности этот идиом занимает главенствующую позицию в системе форм существования языка.

4. Использование литературного языка в качестве основной точки отсчета, в своем роде сравнительного фона ставит все остальные языковые идиомы в заведомо невыгодное положение, превращая их, по сути, в маргиналов, со сниженным социолингвистическим престижем. Исключение составляет, пожалуй, лишь чешский язык, в котором идиом ОЃ имеет перспективу продвижения по иерархической лестнице и даже вторжения в зону функционального использования литературного языка. Таким образом, положение в модели чешского языка феномена ОЃ, во всяком случае на данном этапе языкового развития, никак не может приравняться к позиции просторечия в модели русского языка.

5. Существуют, разумеется, вполне реальные основания для столь высокой оценки значимости литературного языка, поскольку он является единственным идиомом общеэтнического значения, культивирование которого имеет долговременную традицию. Освоение нормы этого идиома носителями этнического языка осуществляется по мере получения ими образования, поэтому владение литературным языком является своего рода показателем их коммуникативной и социальной значимости и успешности. Не случайно в большинстве имеющихся социолингви-

стических описаний, в том числе и новейших, устанавливается прямая взаимосвязь между владением литературной нормой и уровнем (а отнюдь не качеством) полученного образования.

6. Заблуждением, на наш взгляд, является идея функциональной **универсальности** литературного языка, т.е. его способности обслуживать весь коммуникативный спектр социума, независимо от того, имеет ли данный идиом реальные субстанциональные предпосылки для выполнения столь широкого спектра функций или же нет. Результатом подобного подхода является интерпретация литературного языка как **триединого** феномена: литературный язык (письменный, устный и разговорный). Если следовать логике подобного подхода, то становятся вполне предсказуемыми нивелировка и выход из употребления непрестижных языковых идиомов, например территориальных диалектов, просторечия, сленгов, арго и т.п. Соответственно, естественным результатом цивилизационного развития нации (этноса) должно стать овладение литературным языком (в совокупности его ипостасей) всем коммуникативным пространством социума, т.е. он является в коммуникативном отношении самодостаточным феноменом.

Вряд ли нужно специально доказывать, и об этом мы уже говорили выше, что реальное развитие славянских языковых ситуаций оказывается гораздо более сложным и противоречивым, чем прогнозируемая “идиллическая” картина.

В связи с тем, что мы привлекали к исследованию социолингвистическую литературу различных хронологических периодов, в том числе и новейшую, мы имели возможность наблюдать не только эволюцию научной мысли, но и степень достоверности тех или иных прогностических предположений.

Что касается проблематики функциональной дифференциации этнического языка, то при общем сохранении стратификационного подхода он во все большей степени начинает дополняться подходом коммуникативным. Правда, чаще всего это носит характер коммуникативной коррекции стратификационной модели, заключающейся в рассмотрении распределения отдельных языковых идиомов в коммуникативном пространстве социума, без учета, впрочем, типологии речевого поведения.

Так или иначе, в абсолютном большинстве работ строение национального языка по-прежнему моделируется в виде единой моносистемы с доминирующим положением литературного языка.

Нельзя не видеть, что в свете эволюции внутриязыковых и экстралингвистических обстоятельств некоторые аксиомы и дог-

мы стратификационного подхода становятся зыбкими и иллюзорными. Это касается, например, тезиса о литературной моногlossии, о возможности универсального использования литературного языка. Все более проблематичной становится целесообразность использования понятия “разговорный литературный язык”, тем более, что исследователям, как уже говорилось выше, до сих пор не удается эксплицитно описать норму, сферу употребления, состав носителей и пользователей этого феномена.

Невзирая на пессимистические прогнозы, в большей или же меньшей сохранности остается диалектный фундамент этнических языков. В этой связи вряд ли можно отрицать, что в ряде ситуаций именно диалекты “подпитывают” литературный язык: так было в истории языка (например, при реформировании сербского литературного языка В. Караджичем), так продолжает оставаться и в настоящее время, когда в ходе развития тенденции “автохтонизации” (“национализации”/“этнизации”) диалекты становятся источником новой кодификации литературного языка (ср., например, украинский, белорусский, хорватский и т.д. этносы).

Тают иллюзии о возможности “победного марша” литературного языка, об установлении прямолинейной взаимосвязи между овладением литературной нормой и уровнем полученного образования. Это стало особенно очевидным во время прямых трансляций в СМИ публичных дискуссий, выступлений депутатов, особенно без “спасительной бумажки”. Не случайно очень скоро возникла потребность в издании различных справочников и словарей для парламентариев. Уровень полученного образования **не гарантирует** высокую степень речевой культуры, тем более, если учесть, что далеко не все учителя, в том числе и в высшей школе гуманитарного профиля, являются носителями образцовой литературной нормы. В этом отношении нам представляется весьма красноречивым наблюдение, сделанное польским ученым А. Вилконом: “Социолингвистические исследования языка города, отдельных социальных и профессиональных групп (например языка учителей, врачей, спортсменов, служащих и т.п.) обнаружили массу проявлений порчи языка” (Wilkoń. Проблемы... 1987: 528). Не менее поучительно и высказывание польской исследовательницы Б. Клебановской (Klebanowska 1981: 375): «В школах говорят книжным языком. Большинство учеников заучивает все наизусть, так как многие учителя требуют формулировок, взятых из книг или же в том виде, как они сами их сформулировали в своих объяснениях... Нужно найти лекарство

от учителей – это единственное, что я могу сказать. Если мы этого не сделаем, если учителя не станут образцовым и влиятельным источником языковой культуры, то мы можем проводить любые реформы... издавать самые различные брошюры, и все это будет “псу под хвост”...».

Все большее внимание обращают исследователи на явления межидиомной интерференции, приводящей к размыванию границ между манифестациями этнического языка, усилению их проницаемости. Сказанное иллюстрируется богатым материалом так называемых “смешанных текстов”, примерами из городской речи и т.п. Во многом это связано с усилением миграционных процессов, т.е. передвижением внутри территории распространения данного языка.

Невзирая на интенсивные интерференционные процессы, на данном этапе развития социолингвистики вряд ли можно отказаться от оперирования понятием “языковой идиом | форма существования | экзистенциальная форма и пр.” (с поправкой на возможность их диффузионного использования – см. выше), они по-прежнему продолжают оставаться строевыми элементами, важными ориентационными структурами, опорными точками языковой топографии. Если провести весьма приблизительное сравнение с детской игрушкой “калейдоскоп”, то экзистенциальные формы можно сравнить с заранее заданным набором цветных стеклышек игрушки: при встряхивании трубочки этот набор приобретает все новые и новые конфигурации. В отличие, однако, от калейдоскопа, в языке эти конфигурации не являются хаотичными и, следовательно, случайными, они упорядочены в систему, архитектоника которой определяется коммуникативными потребностями индивидуума и социума в целом.

Последние десятилетия XX века в развитии славянских стран ознаменовались кардинальными изменениями экстралингвистических обстоятельств, затронувшими практически все сферы жизни социума: социально-политическую, экономическую, культурную, языковую и т.п. Нельзя не упомянуть и о распаде ряда полиэтнических государственных общностей и образовании на их месте более дробного государственного и языкового ландшафта. В результате процессов всеобщей интеграции принципиально изменились условия и возможности коммуникации.

Вместе с тем обращает на себя внимание значительная противоречивость в развитии мирового сообщества конца XX – начала XXI вв.: с одной стороны, это мощные тенденции глобализации, сопровождающиеся этнокультурной и этноязыковой ин-

теграцией; с другой, противовесное усиление процессов суверенизации, этнокультурной и этноязыковой дифференциации, этнизации и пр.

Вся совокупность упомянутых выше обстоятельств не могла не сказаться на внутриязыковом развитии, на изменении языковой ситуации, ускоренном протекании целого ряда языковых процессов. Проявилась она и в изменении ориентиров в научных исследованиях. Не случайно, как говорилось выше, в социолингвистической литературе новейшего периода становится все более заметен интерес к изучению внешних обстоятельств функционирования славянских языков, их включения в мировой контекст со всеми вытекающими из этого позитивными и негативными последствиями. На первый план выходят проблемы урбанизации, миграции, интерференции как языков, так и форм их существования, изучения иностранных языков и т.п.

Необходимость внесения принципиальных изменений в применявшийся до сих пор подход к описанию языковой ситуации стала особенно очевидной в связи с активизацией во второй половине столетия публичной коммуникации и прежде всего электронных СМИ, играющих огромную роль в создании **единого** коммуникативного и культурного пространства (внутриэтнического и межэтнического), в рамках которого не только разворачивается межкультурное и межъязыковое взаимодействие этнических общностей, их интеграция, но и, что чрезвычайно важно, осуществляется **мгновенная** вербальная коммуникативная связь, ориентированная на **активную интеракцию** с адресатом **общезнатического** коммуникативного и культурного пространства (подробнее: Нещименко 2001).

В этой связи следует выделить несколько важных, на наш взгляд, моментов:

1. Превращение электронных СМИ в **доминирующий** информационный канал способствовало значительному возрастанию роли устной вербальной коммуникации, что, несомненно, является **универсальной** тенденцией развития современной языковой ситуации в мире. Исследование данной тенденции в широком контексте этнической вербальной коммуникации имеет большое теоретическое и практическое значение, особенно если учесть масштабы ее влияния на современную речевую культуру, на динамику речевого стандарта публичной коммуникации.

2. Предпочтительное использование в сфере публичной коммуникации **устных** каналов коммуникативной связи обусловило возникновение феномена “устнизации”, связанного с преимуще-

ственным употреблением устного (а не разговорного!) литературного языка. Значимость этой, во многом все еще недооцененной разновидности литературного языка, в системе публичной коммуникации все более возрастает, повышается и ее социолингвистический статус, существенно увеличивается и диапазон употребления.

Большая открытость устных литературных текстов по отношению к разговорной стихии способствует распространению в узусе публичной коммуникации разговорных включений, что в свою очередь не может не сказываться на динамике правил речевой эстетики. Не случайно в узусе современной вербальной коммуникации, в том числе и в языке СМИ, столь широкое распространение получили так называемые **смешанные** тексты, включающие в литературные в своей основе тексты те или иные элементы разговорных идиомов.

3. Опасение коммуникативных потерь, вполне возможных в устных СМИ при **сиюминутном** восприятии информации, а также интересы установления речевого и эмоционального контакта с максимально широким кругом адресатов делают неизбежной установку на некоторую **усредненность** речевого стандарта, рассчитанного на **массовую**, а не элитарную языковую компетенцию, подбор “общедоступных”, общепонятных языковых средств.

В силу эффекта обратной связи адресат воспринимает “усредненный” узус СМИ как образец речевого этикета, эталон, которому надлежит следовать, т.е. к концу XX в. язык СМИ (а не язык произведений художественной литературы, как это было ранее) со всеми своими достоинствами и недостатками становится **эталонным**, нормотворческим фактором, влияющим на формирование нормы современного литературного языка, а также на уровень этнической языковой культуры в целом. Отход от привычных стереотипов речевого поведения в публичной коммуникации, хотя и воспринимается болезненно, тем не менее он является данностью.

4. Специфической особенностью современных устных СМИ является возможность установления речевого взаимодействия между адресантом и адресатом. В результате этого оба участника коммуникативного акта могут меняться местами, функционально замещая друг друга. Соответственно адресат из пассивного участника коммуникации может стать активным, генерируя текст, транслируемый публично; адресант, напротив, в определенной ситуации превращается в адресата, которому (вместе с массовой аудиторией) данный текст предназначается.

В указанной ситуации при “выведении в эфир” тиражируются речевые навыки обоих участников коммуникативного акта, хотя они и находятся в неравных условиях: адресант, как правило, обладает более высоким уровнем языковой компетенции, имеет некоторое профессиональное представление о том, в какую вербальную форму следует облекать информацию при ее трансляции на массовую аудиторию; адресат, напротив, производя текст, такими познаниями не обладает, он говорит “сходу”, без подготовки (хотя и с дозированным использованием автоцензуры), т.е. опирается на те речевые навыки, которыми располагает.

Активизация речевого взаимодействия очень важна для эволюции речевого стандарта, так как массовое тиражирование речевого поведения уже не только адресанта, но и адресата со всеми возможными погрешностями, включая и несовершенство владения нормой, изъяны автоцензуры и т.п., способствует усилению влияния разговорного языка (в широком смысле) на узус публичной вербальной коммуникации.

5. Изучение языка СМИ наглядно подтверждает наличие диспропорции между численностью носителей и пользователей литературного языка: количество последних растет в геометрической прогрессии по сравнению с численностью его реальных носителей. В результате этого участником публичного вербального общения может оказаться (нередко именно так это и происходит) лицо, уровень языковой компетенции которого не является достаточным для того, чтобы порождаемый им текст не содержал ошибок и был употреблен адекватно коммуникативной ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии был рассмотрен широкий спектр актуальных социолингвистических вопросов. Центральное место в их ряду занимают фундаментальные проблемы языковой ситуации и функциональной дифференциации этнического языка, на протяжении многих лет привлекающие к себе внимание ученых. Разработка данных ключевых проблем имеет большое теоретическое и прикладное значение. Она принципиально важна для изучения социолингвистических процессов, а в конечном итоге и для определения стратегии и тактики в сфере культурной и языковой политики, для установления приоритетов в области языкового воспитания индивидуума и социума.

Стоявшая перед нами конкретная исследовательская задача заключалась в **макромоделировании** строения этнического языка, т.е. в установлении как общей конфигурации его модели, так и организующих ее принципов. Решение этой задачи осуществлялось в общем контексте этнической вербальной коммуникации, при учете развивающихся в ней динамических тенденций.

Наше обращение к теме моделирования строения этнического языка не было случайным. Невзирая на, казалось бы, всеобщее осознание значимости этой проблемы, ее оптимальное решение в современной науке, на наш взгляд, пока что еще не найдено. Нельзя также не видеть, что некоторые положения применяемой ныне теоретической концепции при проверке их на конкретном языковом материале оказываются уязвимыми. Так, классические языковые идиомы, которыми обычно оперируют исследователи, в своем первоизданном виде, т.е. как гомогенные и целостные системные образования, в речевом узусе, как правило, не используются. Не получают подтверждения и некоторые лингвистические прогнозы. В коррективах нуждается и сформировавшаяся к середине XX в. теория литературного языка. По своей сути она является “литературноцентристской”, поскольку литературному языку а priori приписывается максимально высокий социолингвистический статус в модели этнического языка. Од-

новременно это сопровождается завышенной, по нашему мнению, оценкой литературного языка как **универсального** идиома, способного обслуживать **весь** спектр этнической коммуникации. Это приводит к занижению роли “нелитературных”, т.е. разговорных идиомов. Не случайно поэтому любые попытки “приподнять” их коммуникативную значимость нередко воспринимаются как “посягательство” на статус литературного языка, наталкиваются на сложившиеся стереотипы функционального распределения форм существования этнического языка. Гипертрофированная оценка значимости литературного языка может негативно влиять на направленность языковой политики, например, в полиэтничных государственных общностях, особенно в период этноязыковой суверенизации, когда сам факт наличия литературного языка нередко начинает рассматриваться как неотъемлемый компонент суверенитета социума, т.е. становится компонентом национальной политики (соответственно отсутствие литературного языка, пусть даже временное, порой воспринимается как некая цивилизационная ущербность). Нередко это приводит либо к сознательному завышению социолингвистического статуса языковых идиомов, не имеющих для этого необходимых структурных и функциональных предпосылок, либо к поспешному наращиванию их функционального диапазона без учета внутренних закономерностей развития данного языка.

Работа основывается на большом и разнообразном фактическом материале, отражающем специфику языковой ситуации ряда славянских этносов (а также полиэтничных государств типа РФ, СССР). Он был получен как в результате собственных наблюдений, так и путем изучения имеющихся социолингвистических описаний болгарского, польского, русского, словацкого, чешского языков.

Представленность языковых данных в работе не одинакова: характеристике социолингвистических концепций русского, чешского и болгарского языков (по одному языку от каждой группы славянских языков) посвящены специальные подразделы. Анализ польской и словацкой языковой ситуации проводился лишь в рабочем порядке, однако вытекающие из него выводы учитывались при рассмотрении тех или иных концептуальных положений.

Использование большого материала позволило апробировать (а там, где это было необходимо, и скорректировать) положения предлагаемой нами концепции структурирования языкового пространства. Нельзя не признать, что сведение воедино результатов описаний, выполненных разными исследователями,

нередко затруднялось противоречивостью интерпретации основного понятийно-терминологического аппарата (ср. смешение таких принципиально важных понятий, как “устность” и “разговорность”, неоднозначность интерпретации понятий “стандарт”, “субстандарт”, “языковой идиом”; разноречивой является трактовка и такого ключевого понятия, как “литературный язык”, которое в одних национальных школах определяется как кодифицированная форма существования языка, а в других допускается наличие некодифицированной нормы).

Для решения проблемы дифференциации этнического языка и, соответственно, описания языковой ситуации, в работе используется **коммуникативный** подход, существенно отличающийся от ставшего традиционным подхода **стратификационного**, или же, по нашему определению, онтолого-таксономического, как принципами структурирования языкового пространства, так и оценкой значимости языковых феноменов.

В основе стратификационной модели этнического языка находится по преимуществу **лангвовый, парадигматический** подход. В соответствии с этим строение этнического языка моделируется в виде **монолитной** системы, имеющей конфигурацию **иерархизованной** вертикали (пирамиды) со строгой **субординацией** ярусов (или же страт) системы. Формы существования языка (терминологические аналоги: идиом, вариета, подсистема, подъязык и пр.), манифестирующие отдельные страты модели, интерпретируются как системообразующие подсистемы (т.е. язык – это система систем), сообразно чему за языковым идиомом признается наличие всей необходимой атрибутики: целостная однородная структура, вполне определенная норма, фиксированный состав носителей, а также достаточно четко очерченная сфера употребления.

Установление иерархизованных страт модели осуществляется главным образом на основе **внутрисистемных** взаимосвязей, при учете прежде всего исторической эволюции языковых идиомов. Иными словами, речь идет о проекции **диахронических** процессов на **синхронную** плоскость. Выстраиваемая в этом случае модель носит ярко выраженный **моноцентрический** характер. Ее **единственной** общезыковой функциональной доминантой признается литературный язык, которому изначально приписывается самый высокий статус в модели и самый высокий уровень престижности. Утверждается также, что данный идиом имеет **универсальный** функциональный диапазон, т.е. он способен обслуживать **весь** спектр коммуникативных потребностей.

Принципиальное значение для данной концепции имеет **расширительное** толкование литературного языка, в соответствии с которым статус “литературности” признается не только за письменной и устной разновидностями этого идиома, но и за разговорной речью, используемой активными носителями литературного языка в ситуации непринужденного повседневного спонтанного общения. Для того чтобы удержать разговорную речь в рамках литературного языка, сторонникам этой концепции приходится прибегать к паллиативу, т.е. допускать наличие у литературного языка, помимо кодифицированной, также некодифицированной нормы.

Применение коммуникативного подхода в социолингвистике начинается примерно со второй половины XX в., когда в языкознании наметилась смена научной парадигмы. Поэтому не удивительно, что характерная для этого подхода теоретическая концепция еще не вполне утвердилась, лишь постепенно она обретает свои конкретные контуры.

Сущность данной концепции заключается в повышенном внимании к функционированию языка в коммуникативном пространстве социума, что обуславливает переосмысление целевых установок и ценностных ориентиров лингвистических исследований, позволяет ввести в научный оборот новые дополнительные измерения, прежде всего социальное и коммуникативное, дает возможность рассмотреть под новым ракурсом многие актуальные научные проблемы, в том числе и проблему языковой ситуации.

Методическую основу монографии составляет применение как **специальных** приемов, используемых в языкознании, а также сопредельных с ним науках (социолингвистике, психолингвистике, социологии и пр.), так и **универсальных** научных методов. В этой связи следует особо выделить системно-функциональный и сопоставительный методы. Принципиальное значение для нас имел подход **коммуникативный**, поскольку именно он давал возможность увидеть языковое пространство в новом ракурсе, как бы **извне**, через призму взаимоотношений языковой системы с другой, сопряженной с ней системой – коммуникативной, т.е. через призму коммуникативных потребностей личности и социума в целом.

Введение коммуникативной координаты обусловило иное “прочтение” проблемы языковой ситуации, а именно как языкового обеспечения коммуникации в этносе. Это позволило существенно расширить исследовательское поле за счет включения в

него, помимо аспекта внутреннего членения этнического языка, также динамики языкового обеспечения, эволюции речевого этикета и пр.

Предлагаемая нами коммуникативная модель строения этнического языка в отличие от стратификационной не имеет **субординативного** характера, поэтому при распределении языковых идиомов в системе коммуникации их иерархический ранг, строго говоря, не является существенным. Основным фактором, влияющим на дистрибуцию языковых манифестаций в коммуникативном пространстве социума, определение степени их **престижности** или же **непрестижности**, с нашей точки зрения, является не их статус в модели, а то, насколько их норма, их субстанциональные свойства **соответствуют** (или же не соответствуют) конкретному речевому или коммуникативному стандарту.

Применяемая в монографии концепция основывается на следующих исходных посылах: а) обеспечение коммуникативных потребностей является **важнейшей** функцией языка; б) между коммуникативным и языковым континуумами существует **причинно-следственная** взаимосвязь; в) коммуникативный и языковой континуумы имеют **симметричное** строение, причем членение первого из них предопределяет членение второго; г) общая конфигурация модели этнического языка представляет собой **проекцию** коммуникативной модели на плоскость языкового пространства.

Строение как коммуникативного, так и языкового континуумов в работе представляется в виде **бинарной** по своей конфигурации модели.

Коммуникативный континуум любой этнической общности практически на всех этапах ее исторического существования состоит из двух ареалов (термин “коммуникативная сфера”, который мог бы здесь использоваться, занят): ареал высших коммуникативных функций (официальное, публичное, вплоть до общезнаменитого, общение; официальное непубличное интерперсональное общение при отсутствии непринужденно-доверительных отношений); ареал неофициального, непубличного, повседневного, непринужденного, спонтанного общения, ориентированного на индивидуального адресата, т.е. интерперсональное общение. Совокупность обоих ареалов составляет **комплектный** коммуникативный континуум.

Языковой континуум, т.е. этнический язык, также состоит из двух ареалов, или же подсистем: подсистема языкового обеспечения высших коммуникативных функций, а также официального

публичного и полуофициального интерперсонального общения (при отсутствии доверительных межличностных отношений), для которой характерно регулируемое речевое поведение с соблюдением внешней цензуры и автоцензуры; подсистема языкового обеспечения непринужденного повседневного общения (совокупное обозначение “разговорный язык”), которая характеризуется отсутствием или же ограниченным применением автоцензуры, т.е. речевого самоконтроля, диалогическим построением текста, линейным развертыванием высказывания, отражающим поток сознания, абсолютным преобладанием смешанных текстов и т. д. В данной подсистеме используется принципиально иной выразительный ряд, для него характерна и иная психологическая установка общения. Совокупность обоих ареалов составляет **комплектный** языковой континуум.

Вариативными обозначениями подсистем языкового обеспечения являются: для первой подсистемы – “подсистема **регулируемого** речевого поведения” или “репрезентативные языковые идиомы”; для второй – “подсистема **нерегулируемого** (или с ослабленной регулируемостью) речевого поведения” или же “разговорный язык”. Понятие “разговорный язык” нами интерпретируется не как конкретная языковая манифестация, а как **совокупное** обозначение, своего рода функциональное звено, в заполнении которого решающую роль играет ощущение коммуникативной комфортности у индивидуума, совершенно необходимое для ситуации непринужденного общения.

При обозначении обеих подсистем мы намеренно избегаем соотнесения их с каким-то конкретным языковым идиомом, так как языковая манифестация в обоих случаях, во-первых, может быть **множественной**; во-вторых, она не является **жестко предопределенной**, в конечном итоге зависит от языковой компетенции индивидуума. Таким образом, индивидуум имеет определенный диапазон возможностей, в рамках которого он в соответствии со своей языковой компетенцией, коммуникативным намерением, коммуникативным и речевым стандартом, интеракцией с собеседником отбирает языковые средства, необходимые для построения высказывания.

Принцип бинарного членения этнического языка на две автономные подсистемы имеет универсальную значимость. Он может быть применен как к одному и тому же языку в его диахроническом развитии, так и к различным языкам при их синхронном изучении. Данный вид членения может быть использован для самых различных языков – это языковая **универсалия**.

При всей значимости использования этнического языка для обеспечения высших коммуникативных функций, что, несомненно, свидетельствует о цивилизационной зрелости этноса, для сохранения его жизнеспособности гораздо важнее применение этнического языка в ареале непринужденного повседневного общения. Утрата последней функции с неизбежностью переводит язык в разряд мертвых.

Бинарное членение языкового континуума делает обоснованным вывод о **диглоссии** индивидуума, т.е. о необходимости наличия в его идиолекте по крайней мере двух взаимодополняющих в функциональном отношении идиомов, манифестирующих две подсистемы этнического языка. Только в этом случае идиолект индивидуума будет самодостаточным. Мы не можем согласиться с тезисом о литературной моноглоссии индивидуума, т.е. о возможности **универсального** использования литературного языка во всех ситуациях общения, как это часто утверждается в социолингвистических исследованиях. Соответственно нам не представляется реальным прогнозирование возможности общезнаковой интеграции на базе литературного языка.

Для структурирования языкового пространства и, в частности, для решения проблемы моделирования строения этнического языка важнейшее значение имеет антиномия “регулируемое–нерегулируемое (с ослабленной регулируемостью) речевое поведение”. Лежащее в ее основе противоположение двух типов речевого поведения позволяет выстроить **дихотомическую** макро модель языка. Немаловажно и то, что данная оппозиция не только непротиворечива, но и проводится со всей необходимой строгостью и последовательностью. Все остальные оппозиции (в том числе и антиномия “монологическая–диалогическая речь”, также имеющая большое значение для решения данной проблемы), которые могут быть использованы для построения дихотомической модели этнического языка, в той или иной мере являются ее спецификацией.

Таким образом, каждая из подсистем языкового обеспечения характеризуется специфическим типом **речевого поведения**. Так, в основе языкового обеспечения официального публичного, а также полуофициального интерперсонального общения (при отсутствии доверительных межличностных отношений) находится **регулируемое** речевое поведение. В роли регуляторов, играющих важную корректирующую роль в речевом поведении индивидуума, здесь выступают как внешняя языковая цензура (деятельность редакторов и т.п.), так и прежде всего **автоцензура**, отра-

жающая вполне определенную коммуникативную стратегию индивидуума, его самоконтроль за своим собственным речевым поведением, его речевая самодисциплина. Здесь же наиболее строго соблюдается норма языкового идиома, каковым является прежде всего литературный язык в его письменной и устной разновидностях, являющийся не только единственным идиомом с кодифицированной нормой, охраняемой институционально, но и единственным идиомом, совершающим в истории социума движение по оси “устность–письменность”.

Гораздо сложнее обстоит дело в ареале языкового обеспечения непринужденного повседневного общения, характеризующемся речевым поведением с **ослабленной** регулируемостью или иногда с полным отсутствием ее. Речевое поведение здесь является непринужденным, спонтанным, произвольным, оно не регулируется каким-либо **строгим** селективным фильтром. Не связанное напрямую с теми или иными установочными ориентирами, оно отражает свободный поток сознания, повышенную экспрессию, активное взаимодействие коммуникантов и т.п. Важную роль в этом случае играет ощущение коммуникативной и речевой комфортности.

Для языкового обеспечения данного ареала привлекается комплекс языковых манифестаций, объединяемых нами под общим названием “разговорный язык (речь)”. В его состав, помимо диалектов, входят самые различные языковые феномены, вплоть до формирующегося (но еще окончательно не сформировавшегося) субстандарта. Здесь только у территориальных диалектов может соблюдаться (да и то далеко не всегда) конвенциональная норма, охраняемая обычаями. Во всех остальных случаях говорить о наличии комплектных и вполне автономных, гомогенных структур весьма проблематично, поскольку в этом ареале в основном используются **смешанные** тексты. Существенно, что смешанные тексты очень часто встречаются в речи **молодого** поколения, т.е. это нарождающаяся и, очевидно, достаточно перспективная тенденция.

Дифференциация языкового пространства на отдельные системные манифестации (“языковые идиомы” / “формы существования языка” и пр.) с их последующей систематизацией сопряжена с немалыми трудностями, что особенно сложно для ареала нерегулируемого речевого поведения, поскольку многие из методических приемов, эффективно используемых при анализе языкового обеспечения другого ареала, здесь не дают желаемого результата. Причина этого – не только множественность форм ре-

ализации разговорной речи. Не менее важно и отсутствие **рельефного** членения языкового континуума.

Результаты изучения состояния речевой коммуникации, осуществляемого учеными разных стран, дают повод сомневаться в целостности и гомогенности языковых идиомов, хотя полный отказ от употребления этого понятия пока что был бы преждевременным, тем более, что новые единицы обобщения языкового материала на данном этапе исследований отсутствуют.

В связи с этим мы пользуемся термином-понятием “идиом”, однако вкладываем в него с учетом специфики современной вербальной коммуникации несколько отличное от традиционного содержание. Понятие “форма существования языка” / “идиом” и пр. нами применяются как чисто классификационные, как своего рода маркеры или же ориентиры, полезные при систематизации речевых фактов. Интерпретация их как реально функционирующих **целостных** систем весьма проблематична. Исключение, пожалуй, составляет литературный язык, норма которого (в нашем понимании) является кодифицированной, охраняемой институционально, а также территориальные диалекты с их конвенциональной нормой, охраняемой обычаем. Именно в этих двух случаях понятие “идиом” все же сохраняет свою конкретную языковую “плоть”. В остальных же случаях оно функционирует как абстрактная условная единица, используемая для систематизации, классификации речевых фактов. В языковом обеспечении непринужденного повседневного общения преобладают не комплекты, целостные структуры, а, главным образом, смешанные тексты, комбинирующие элементы с различной идиомной маркировкой. Именно они и являются нормой разговорной речи.

Анализ материала, как собранного нами самостоятельно, так и извлеченного из работ других исследователей, наглядно показывает, насколько затруднительной подчас бывает идиомная маркировка конкретных высказываний (даже при наличии у исследователя некоторой “фоновой” информации о характере языковой компетенции индивидуума).

Существование феномена смешанных текстов создает прецедент для пересмотра традиционной трактовки языкового идиома как целостной языковой структуры и, соответственно, наводит на мысль о целесообразности корректировки принципов структурирования языкового пространства. Возрастание частотности смешанных текстов как в разговорной, так и в официальной публичной коммуникации, несомненно, говорит о постепенном превращении их из факта **речи** в факт **языка**. Не исключено, что со

временем на этой основе сформируются новые, симбиозные, идиомы.

Манифестация смешанных текстов в идиолектах носителей разных этнических языков весьма разнообразна. Так, в чешском языке, характеризующемся максимальным разбросом нормы литературной и разговорной речи, представлен весь спектр дифференциальных признаков (фонетика, морфология, лексика, словообразование, синтаксис и пр.); в русском – это прежде всего лексика, отчасти морфология, синтаксис, словообразование и т.п.

Включения из литературного языка в текст разговорной речи обычно компенсируют ее лексическую некомплектность, восполняя имеющиеся номинационные лакуны; включения из разговорной речи в литературную делают последнюю менее педантичной и книжной, особенно в морфологии, словообразовании, лексике и пр. Вместе с тем, трансплантируясь в живую ткань разговорной речи либо, напротив, в литературный в своей основе текст, эти включения **не меняют коренным образом принципов организации** исходного текста, за исключением, разумеется, тех случаев, когда данные включения в количественном и качественном отношении выходят за допустимый нормативный порог, т.е. обретают разрушительную силу.

В числе обстоятельств, способствующих распространению смешанных текстов, следует назвать:

1. **Усиление проницаемости межидиомных границ.** Не составляют в этом случае исключения ни литературный язык, ни диалекты. Использование смешанных текстов в сфере официальной или же публичной коммуникации, обслуживаемой в основном литературным языком, является более ограниченным, оно регулируется проводимой языковой политикой, сложившимися представлениями о речевой эстетике, а также различными формами речевого контроля. Нам не представляется удачным использование при характеристике смешанных текстов термина “переключение кода” (code-switching), так как смешанные тексты, особенно в ситуации непринужденного повседневного общения, чаще всего являются результатом спонтанного, произвольного речевого акта, за которым не стоит целенаправленная речевая стратегия. При этом чаще всего это не последовательное соблюдение нормы идиома-”пришельца”, а свободная компоновка элементов разных идиомов, включаемых обычно в виде небольших текстовых инкрустаций.

2. **Возможность дисперсного функционирования языковых манифестаций**, особенно при непринужденном повседневном общении, когда они используются не как целостные структуры, а

рассредоточенно. В качестве примера можно было бы привести криминальный сленг: частотность употребления его элементов в современном русском узусе, в том числе и литературном, достаточно высока, однако владение им как целостной нормой (пусть даже лексической) ограничено лишь определенными, достаточно узкими социальными слоями. Как показывают наблюдения, в повседневной разговорной коммуникации, особенно современной, идиомы, в том числе и с выраженной региональной или же социальной маркированностью, чаще всего функционируют в виде разрозненных включений в тексты, релевантную первооснову которых составляет разговорная речь со всеми присущими ей атрибутами.

3. **Фантомное существование языковых идиомов.** Дисперсное функционирование разговорных манифестаций в каком-то смысле искажает реальную языковую картину, создавая впечатление “живучести” феномена там, где на самом деле речь идет уже о некоем фантоме. Так, например, некоторые виды разговорных манифестаций типа криминального жаргона со временем меняют сферу своего использования, утрачивают исконно присущую им коммуникативную замкнутость, растворяясь в молодежном сленге, просторечии, в том числе и в публичной речи. В силу того, что отдельные их лексические компоненты продолжают активно, с довольно высокой частотностью использоваться в узусе, возникает иллюзия сохранности структуры в целом. Нельзя не отметить, что “фантомное” функционирование языковых идиомов свидетельствует о жизнеспособности языковой материи. Соответствующие иноидиомные включения очень часто используются людьми, являющимися не носителями, а лишь **спорадическими пользователями** (обычно в экспрессивных целях) отдельных элементов того или иного идиома. Это означает, что на деле говорящий не владеет в полной мере нормой идиома, не обладает навыками его адекватного использования, имея лишь некоторое представление о наборе его языковых средств, что, впрочем, не мешает ему употреблять, в сущности, цитировать, те или иные его элементы (ср. цитатное использование сленга, регионального просторечия и даже литературного языка, примером последнего является гиперкорректность).

То обстоятельство, что, помимо оговоренных исключений, идиомы зачастую не функционируют как целостные гомогенные структуры, ослабляет их операциональную силу как единиц членения языкового пространства – по сути, это некоторая **ориентационная сетка**.

Что касается внутренней архитектоники подсистем, то здесь следует особо выделить следующие моменты:

а) **множественность** манифестаций подсистем – обе подсистемы манифестируются некоторым множеством **изофункциональных** феноменов, численность которых особенно велика в ареале непринужденного повседневного общения. Это благоприятствует конкуренции, в которой наиболее сильную позицию, т.е. престижное положение, чаще всего занимает феномен, норма которого **оптимально** соответствует коммуникативному стандарту конкретной речевой ситуации;

б) строение подсистем является **изоморфным**, т.е. основывается на идентичном принципе. По своей значимости в составе подсистемы языковые идиомы не равноценны друг другу. В силу действия **центростремительных** и **центробежных** тенденций в обеих подсистемах целенаправленно, хотя и с неодинаковой скоростью, протекает процесс **центрирования**, завершающийся становлением идиома **общеэтнического** значения. В результате этого в каждой из подсистем постепенно формируются **центр** и **периферия**. В первом случае мы наблюдаем интеграционные процессы, приводящие к **центрированию** репертуара языковых манифестаций, т.е. к становлению **функциональной доминанты**. Во втором – происходит оттеснение определенной части идиомов (прежде всего регионально и социально маркированных) на периферию подсистемы. В первую очередь это относится к территориальным диалектам и к феноменам типа русского просторечия с **выраженной региональной** окрашенностью, значимость которого в системе коммуникации постепенно снижается.

Возможно, впрочем, и обратное движение периферийных идиомов к центру; ср. активизацию феноменов типа сленга, арго, воздействующих на коммуникацию в этносе (усиление влияния молодежного сленга, криминального жаргона на узус неофициального, а порой даже официального общения).

В центре каждой из подсистем находится ее функциональная доминанта, норма которой **оптимально** соответствует данным коммуникативным потребностям. Таким образом, в соответствии с нашей концепцией в языке существуют **две функциональные доминанты, два центра**, что позволяет определить предлагаемую нами модель как **бицентрическую**.

В ареале регулируемого речевого поведения (языковое обеспечение высших коммуникативных функций) центр подсистемы представлен кодифицированным общеэтническим литературным языком в **письменной и устной** (но не разговорной!) реализации.

Понятием “разговорный литературный язык” мы не пользуемся. При отсутствии у этноса литературного языка цивилизационные функции может временно выполнять или литературный язык другого этноса, имеющий более длительные культурные традиции, или же один из разговорных идиомов, например диалект, подвергшийся определенной обработке.

К периферии смещаются региональные варианты литературного языка, а также те разговорные идиомы, которые используются лицами, активно (или вообще) не владеющими литературной нормой, что, разумеется, свидетельствует об их сниженной языковой компетенции.

В отличие от регулируемого речевого поведения, где процесс центрирования форсируется внешними факторами, и в частности специально ориентированной языковой политикой, процесс “уплотнения”, центрирования в рамках разговорной речи протекает стихийно и замедленно. Соответственно и дистанция между центральным и периферийными феноменами здесь менее контрастна, а переход от периферии к центру – более плавный. Тем не менее и в этой подсистеме в результате взаимодействия центробежных и центростремительных сил мы имеем возможность наблюдать ее структурирование, приводящее к постепенному формированию функциональной доминанты в виде разговорного общезычного языка. Функцию центрального идиома здесь со временем будет выполнять **общезычная разговорная речь**, условно называемая нами субстандартом, которая в настоящее время находится в **стадии формирования**, либо близкий к ней идиом с **остаточными** региональными признаками (ср., например, идиом *obecná čeština* в чешской языковой ситуации). На эту же роль мог бы претендовать идиом, традиционно называемый в лингвистической литературе “разговорным литературным языком”, однако квалификация его как литературного образования нам представляется более чем спорной. Использование литературного языка в качестве разговорного идиома “экстра-класса” (в результате повышения языковой культуры общества, роста образования, влияния СМИ и пр.) потребовало бы коренного преобразования структуры литературного языка, что с очевидностью сопровождалось бы вторжением живой разговорной стихии, удержание которой в литературных рамках вряд ли было бы возможным. В силу этого попытки внедрения литературного языка (даже в некодифицированной форме) в ареал непринужденного повседневного общения, т.е. регулирования нерегулируемого речевого поведения, не представляются перспективными. Не случай-

но в богатейших коллекциях русской литературной разговорной речи (РР), имеющих в настоящее время, многие тексты настолько отличаются от литературной нормы, что за большинством из них вряд ли можно сохранить статус литературности. Практически до сих пор продолжает оставаться неясным порог литературности или же нелитературности текста, т.е. та грань, которую нельзя преступить, чтобы не нарушить целостности литературной нормы.

На периферии этой подсистемы находятся территориальные диалекты, а также такие идиомы, как устный литературный язык, в том случае если он используется в ситуации непринужденного повседневно общения лицами, обладающими устойчивыми навыками культивированного устного общения, т.е. склонными к автоцензуре, к речевой самодисциплине (например преподавателями-словесниками). Использование литературного языка в данной ситуации является знаковым, нередко оно может препятствовать установлению коммуникативного контакта, т.е. он не соответствует коммуникативному стандарту этого ареала.

Формирование идиома общеэтнического значения в обеих подсистемах протекает с **неодинаковой** скоростью. Более быстро происходит поляризация в подсистеме регулируемого речевого поведения, где этот процесс **целенаправленно** стимулируется за счет поддержки общеэтнического литературного языка, являющегося по своим параметрам оптимальным средством фиксации цивилизационных достижений этноса. Более медленно он проходит в ареале нерегулируемого речевого поведения, однако и здесь его проявления вполне очевидны.

Бинарное членение языкового континуума не нарушает принципа **континуальности** системы этнического языка в целом, поскольку, невзирая на автономность подсистем языка, они тесно взаимодействуют друг с другом. Конкретные проявления этого взаимодействия весьма многообразны: это и сближение действующих языковых норм, и функциональная субституция идиомов из различных подсистем. Наконец, это и образование феномена так называемых “смешанных” текстов.

В современной вербальной коммуникации развивается ряд важных процессов, оказывающих влияние на эволюцию языковой ситуации, а также на изменение правил речевой эстетики:

1. При изучении динамики разговорного языка обращает на себя внимание наличие двух **противоположных** тенденций. С одной стороны, это **увеличение** многообразия конкретных форм общения и, в частности, возрастание значимости **социолектов** в

системе коммуникации (например появление новых видов сленга: сленг “челночников”, сленг лиц, профессионально занимающихся электронной почтой, и т.п.), усиление роли **генерационных** различий речевого поведения. Все это так или иначе приводит к дроблению языкового пространства. С другой стороны, происходит нейтрализация этого многообразия путем: а) **постепенной** нивелировки региональных форм общения (прежде всего территориальных диалектов). Прогнозируемое **стремительное** исчезновение таких феноменов, как диалекты, регионально окрашенное просторечие и пр., в целом не подтвердилось даже у этносов с весьма компактным языковым пространством; б) становления интегрированных речевых манифестаций, организующих языковое пространство. Наиболее важным является становление **интегрированных** идиомов **общезнатического** общения, в том числе и так называемого субстандарта, формирование которого происходит при тесном взаимодействии разговорной и литературной речи. В ходе противоборства этих двух тенденций возникает равновесное состояние данной подсистемы, обеспечивающее ее “гибкую стабильность”.

2. Важным фактором является обретение устным литературным языком **общезнатического статуса**, ставшее возможным прежде всего благодаря электронным СМИ. Существенным представляется то, что именно эта разновидность литературного языка ныне оказывает большое влияние на современную речевую культуру. Следует также учитывать, что: а) устный литературный язык более подвержен воздействию разговорной стихии и менее контролируем внешними правилами; б) являясь устным феноменом, он в большей степени, чем письменный литературный язык, находится во взаимодействии со всеми устными манифестациями этнического языка.

3. При оценке современной языковой ситуации следует учитывать, что за последнее столетие значительно изменились сами языковые идиомы, характер их нормы, сфера использования, состав носителей. В большой степени это относится к литературному языку. В результате контактного взаимодействия различных норм, а также проницаемости межидиомных границ все большее значение начинают приобретать смешанные тексты, которые широко используются и в сфере **престижного языкового** употребления, т.е. в официальной публичной речи, ориентированной на массового, в том числе и общезнатического адресата. Мы имеем в виду, в частности, язык СМИ, нормотворческая значимость которого для литературного языка особенно велика. Данное об-

стоятельство может существенно повлиять на будущее развитие языковой культуры, поскольку СМИ наглядно иллюстрируют возрастание публичной вербальной активности членов социума с различным уровнем языковой компетенции, что не может не оказывать влияния на эволюцию речевого этикета.

4. Язык СМИ отличает ряд важных функциональных особенностей:

а) опасение коммуникативных потерь, вполне возможных при **сиюминутном** восприятии информации аудиторией, а также интересы установления контакта с максимально широким кругом коммуникантов делают неизбежной установку на некоторую **усредненность** используемых языковых средств, рассчитанных на **массовую**, а не элитарную языковую компетенцию. Уменьшение нормотворческой роли языка художественной литературы и, напротив, возрастание роли языка СМИ с их общеэтнической **массовой** ориентацией не могло не повлечь за собой “усреднение”, “массовизацию” речевого стандарта. Причем здесь существует примечательная взаимосвязь: с одной стороны, СМИ, для того чтобы транслируемая по их каналам информация была воспринята массовой аудиторией заинтересованно и вдобавок без существенных потерь (в противном случае будет нарушен принцип коммуникативной успешности), должны стремиться к выбору “общедоступных”, общепонятных языковых средств, т.е. должны подстраиваться под массовый узус; с другой – адресат, привычно рассматривающий язык СМИ в качестве речевого эталона, усваивает упомянутую “усредненность”, а порой и огрубленность как некоторый образец речевого этикета;

б) использование новых форм вещания (ср. передачи так называемого “прямого” эфира, спонтанные интервью, обратная связь с собеседником благодаря применению спутниковых средств связи, телефона и пр.) не только активизирует речевое взаимодействие собеседников, но и усиливает импровизационное начало, делает общение более непринужденным, раскованным и пр. Важно и то, что в результате массовой трансляции специфика речевого поведения индивидуума становится достоянием самой широкой аудитории. Тем самым возникает своеобразный парадокс: стилистика **доверительного, межличностного** общения (во время интервью и т.д.) широко тиражируется, репродуцируется **публично**, становится массовым достоянием. В силу сказанного как бы нарушается корреспонденция между речевой нормой и нормой коммуникативной;

в) факт широкого употребления в СМИ смешанных текстов, несомненно, сигнализирует намечающуюся **смену** норм речевой эстетики престижных языковых сфер в сторону большей разговорности, экспрессивности, раскованности. Это не может не стимулировать динамику литературной кодификации, уменьшая чрезмерно большой разрыв между нормой литературной и разговорной речи, который в конечном итоге может привести к коммуникативной дискомфортности. Вместе с тем бесконтрольное (без необходимой автоцензуры и актуализации) насыщение литературных текстов включениями из разговорной речи может нарушить столь необходимое и столь хрупкое равновесие, поскольку в “альянсе” литературного и разговорного языков позиции первого более уязвимы. Разговорная речь, напротив, имеет более мощные корни в языковом сознании носителей этнического языка.

5. Характерной приметой современной вербальной коммуникации является расширение социального состава **пользователей** (подчеркиваем: не носителей, а именно пользователей) не только литературного языка, но и сленга и просторечия. Что касается литературного языка, то на современном этапе развития общества состав его пользователей существенно расширился как в количественном, так и в качественном отношении, представляя собой своеобразное знамение времени. Подобное расширение состава пользователей данного идиома оценивается исследователями как положительная примета нашего времени. Действительно, благодаря системе всеобщего обязательного образования, различного рода печатной продукции, появлению новых информационных каналов и в первую очередь СМИ (а в последнее время и глобальных компьютерных сетей), благодаря возросшей общественной и производственной деятельности вербально активными становятся самые широкие социальные пласты, имеющие различный уровень языковой компетенции. В этой ситуации литературный язык из некогда **элитарного, социально маркированного** идиома превращается в идиом **общезначимого** значения.

Во всех этих, бесспорно, позитивных тенденциях есть, если не негативные, то во всяком случае **настораживающие** моменты, которые обычно обходятся вниманием исследователей. Конкретно мы имеем в виду следующее:

а) расширение и качественное изменение состава носителей и прежде всего пользователей литературного языка затрудняет, а подчас и делает невозможным контроль за соблюдением нормы литературного языка, что не может не приводить к снижению авторитета кодификации;

б) рост численности **действительных** носителей литературного языка существенно **отстает** от роста численности лиц, **практически** пользующихся этим феноменом. Это означает, что в составе активных участников вербальной коммуникации в ареале высших коммуникативных функций (официальное и публичное общение, предполагающее **регулируемое** речевое поведение, связанное с использованием литературного языка), могут оказаться и действительно зачастую оказываются лица со сниженным или же неустойчивым знанием литературной нормы, с весьма разнородной языковой компетенцией. Последнее стало особенно очевидным в сфере устной официальной публичной коммуникации в результате распространившейся тенденции говорить “без бумажки”, т.е. без использования заранее подготовленного письменного текста. В результате этого возникает парадоксальная ситуация: там, где мы ожидали бы дисциплинированность речевого поведения, хотели бы иметь дело с корректным литературным текстом, мы сталкиваемся с текстами, значительно отличающимися от действующей литературной кодификации. Расширение круга лиц, активно участвующих в официальном и публичном общении и имеющих различный уровень языковой компетенции, приводит к столкновению речевых навыков самых различных слоев общества. Это, с одной стороны, несомненно, “раскачивает” литературную норму; с другой – побуждает лингвистов снижать кодификационные запреты, что, соответственно, приводит к снижению **авторитарности** кодификации, которая уже не может служить надежным заслоном от влияния разговорной стихии. Последнее чревато опасностью нерегулируемого (и, следовательно, бесконтрольного) насыщения литературных текстов включениями из разговорной речи, тем более из таких ее пластов, как сленги, жаргоны, просторечие и пр.;

в) установление прямой зависимости уровня языковой компетенции от высоты образовательного ценза представляется неправомерным, поскольку уровень полученного образования является всего лишь формальным критерием, который отнюдь не гарантирует ни корректности использования литературного языка, ни тем более принадлежности индивидуума к числу носителей литературной нормы. Характерно, что в польской лингвистике длительное время носительницей литературной нормы признавалась лишь потомственная интеллигенция в третьем поколении. Позднее, с учетом реальности, была сделана поправка, в результате которой необходимый образовательный ценз был существенно снижен: носителями литературного языка стали признаваться и лица со средним образованием.

* * *

Предлагаемая вниманию читателя монография имеет не только теоретический, но и прикладной характер. Проведенный анализ языкового материала, а также сделанные на его основе выводы позволяют реально оценить современное состояние языковой ситуации, высказать не только некоторые футурологические оценки приоритетов языковой и культурной политики, но и дать конкретные рекомендации по совершенствованию речевой культуры. Так, используемое в ней противопоставление регулируемого и нерегулируемого речевого поведения, а также включение в состав центра подсистемы регулируемого речевого поведения (высшие коммуникативные функции) литературного языка не только в письменной, но и **устной** реализации позволяет особо акцентировать **значимость** устного литературного языка в современной коммуникации. В соответствии с этим при определении приоритетов в области языковой культуры важно обращать особое внимание именно на культивирование устного литературного (а не **разговорного** литературного) языка, воспитание навыков его использования.

Динамика современной вербальной коммуникации отчетливо подтверждает активность и в определенном смысле “агрессивность” позиции именно разговорного языка, имеющего более глубокие корни в языковом сознании носителей этнического языка.

Выносимая на суд читателя концепция отнюдь не является истиной в конечной инстанции. Высказывая свои соображения, мы хотели лишь принять посильное участие в поиске оптимального решения этой чрезвычайно актуальной и сложной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

- Аврорин В.А.* Ленинские принципы языковой политики // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
- Аврорин В.А.* О предмете социальной лингвистики // ВЯ. 1975. № 4.
- Ангелова И.* Синтаксис на българската разговорна реч. София, 1994.
- Андрейчин Л.* На езиков пост. София, 1961.
- Баранникова Л.И.* Просторечие как особый социальный компонент языка // Язык и общество. Вып. III. Саратов, 1974.
- Баранникова Л.И.* О месте разговорной речи в функциональной парадигме русского языка // Функциональная стратификация языка. М., 1985.
- Беларуская мова // Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Opole, 1998.
- Брозович Д.* Славянские стандартные языки и сравнительный метод // ВЯ. 1967. № 1.
- Венедиктов Г.К.* Современный болгарский литературный язык на стадии формирования: проблемы нормализации и выбора диалектной основы. М., 1992 (автореферат докторской диссертации).
- Виденов М.* Из актуалната проблематика на съвременния български книжовен език: Във връзка с чешката теория на книжовните езици. София, 1979.
- Виденов М.* Социолингвистика: Основни тезиси. Български социолингвистически проблеми. София, 1982.
- Виденов М.* Съвременната българска градска езикова ситуация. София, 1990.
- Виденов М.* Към типологията на езиковата ситуация на някои съвременни славянски столици // Славянска филология. Вып. 21. София, 1993.
- Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1938 (3-е изд. – 1982).
- Виноградов В.В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики // ВЯ. 1955. № 1.
- Георгиев Вл., Дуриданов И.* Езикознание. София, 1959.
- Говорните форми и словенските литературни јазици. Скопје, 1973.
- Гофманова Я., Мюллерова О.* Смещение литературных и нелитературных компонентов в устных высказываниях на чешском языке // Язык–Культура–Этнос. М., 1994.
- Городское просторечие: Проблемы изучения. М., 1984.

- Горшков А.И.* Теоретические основы истории русского литературного языка. М., 1983.
- Григорьев В.П.* Культура языка и языковая политика // Вопросы культуры речи. Вып. IV. М., 1963.
- Гухман М.М.* Введение и Заключение // Функциональная стратификация языка. М., 1985.
- Данеш Фр., Чмейркова Св.* Экология языка малого народа // Язык – Культура – Этнос. М., 1994.
- Девкин В.Д.* Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М., 1979.
- Домашнев А.И.* Языковая ситуация в странах немецкой речи // Язык – Культура – Этнос. М., 1994.
- Ешич М.Б.* Общеобразовательная система полиэтнического государства как инструмент трансляции культуры на примере Российской Федерации (в печати).
- Журавлев А.Ф.* Опыт квантитативно-типологического исследования разновидностей устной речи // Разновидности городской устной речи. М., 1988.
- Земская Е.А. и кол.* Русская разговорная речь. М., 1973.
- Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
- Земская Е.А.* Русское просторечие как лингвистический феномен // *Československá rusistika*. 1983. № 5.
- Земская Е.А., Китайгородская М.В.* Наблюдения над просторечной морфологией // Городское просторечие. М., 1984.
- Земская Е.А.* Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М., 1988.
- Иванов В.В.* Некоторые вопросы формирования русского национального языка // Профессору МГУ, академику Виктору Владимировичу Виноградову. М., 1958.
- Калмайер В.* Градският език като център на социолингвистичното изследване в Европа // Горещи точки на социолингвистиката Германии. Социолингвистика 2. 1995.
- Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И.* Исследования по славянской диалектологии. Ч. 3. Изучение вариативности в славянских диалектах. М., 1995.
- Капанадзе Л.А.* Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие. М., 1984.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Русский речевой портрет. М., 1994.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.
- Кожин А.Н.* Современный русский литературный язык // Формирование славянских литературных языков: Теоретические проблемы (сборник обзоров). М., 1983.
- Корженский Я.* Методологические вопросы анализа чешского языка как национального // Язык – Культура – Этнос. М., 1994.

- Корженский Я. Чешский язык как язык национальный // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). М., 2002.
- Кожевникова Кв. Спонтанная устная речь в эпической прозе. Praha, 1970.
- Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Крысин Л.П. Взаимодействие литературного языка и некодифицированных подсистем // Русский язык. Opole, 1997.
- Крысин Л.П. Социально обусловленные процессы в русском языке конца XX века // Sprachwandel in der Slavia... 2000.
- Кузьмин М.Н. Система образования // Чешская нация на заключительном этапе формирования. М., 1989.
- Кузьмин М.Н. Школа и образование в Чехословакии. М., 1971.
- Культура парламентской речи. М., 1994.
- Лаптева О.А. О некодифицированных сферах современного русского литературного языка // ВЯ. 1966. № 2.
- Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
- Лаптева О.А. О соотношении устности и разговорности в устной разновидности современного русского литературного языка // Československá rusistika. 1983. № 5.
- Лаптева О.А. Стратификация литературной нормы // Stylistyka. 1994. III.
- Ликоманова И. Езиковата ситуация в България днес // Socjolingwistyka. 1992. XII–XIII.
- Македонски јазик // Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Opole, 1998.
- Медиите и езикът. София, 1999.
- Михальченко В.Ю. Языковые проблемы новой Российской Федерации // Язык – Культура – Этнос. М., 1994.
- Младенов Ст. Съвременният български книжовен език и народните ни говори. София, 1943.
- Мурдаров Вл. За нормите на книжовния български език и тяхната кодификация // Български език. 1985. № 6.
- Нещименко Г.П. Тенденция окачествления и ее влияние на словообразование прилагательных // Slovo a slovesnost. 1972. № 3.
- Нещименко Г.П. О некоторых особенностях словообразования экспрессивной лексики в чешском литературном языке // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. М., 1973.
- Нещименко Г.П. Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка (конец XIII – середина XX вв.). Прага, 1980.
- Нещименко Г.П. О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словообразования // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. М., 1983.
- Нещименко Г.П. Функциональное членение чешского языка // Функциональная стратификация языка. М., 1985.

- Нещименко Г.П. Проблема функциональной дифференциации национального языка в аспекте сопоставительного изучения славянских языков // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988.
- Нещименко Г.П. Языковая ситуация в Чехии в XII–XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989.
- Нещименко Г.П., Гайдукова Ю.Ю. К проблеме сопоставительного изучения славянского именного словообразования // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М., 1994.
- Нещименко Галина. Дихотомия “письменная–устная речь” и “монологическая–диалогическая речь” и их значимость для решения проблемы моделирования строения национального языка // Writing vs Speaking: Language, Text, Discourse, Communication. Tübingen, 1994.
- Нещименко Г.П. Таксономический vs. коммуникативный подход к проблеме функциональной стратификации этнического языка // Тезисы докладов международной научной конференции “Лингвистика на исходе XX в. Итоги и перспективы”. М., 1995.
- Нещименко Г.П. Два ракурса в изучении проблемы языковой ситуации // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. Материалы международной конференции (Москва, 22–25 октября 1996). М., 1996.
- Нещименко Г.П. К проблеме функциональной дифференциации этнического языка // Русский язык в его функционировании: Тезисы докладов международной конференции. Третьи Шмелевские чтения, 22–24 февраля 1998 г. М., 1998.
- Нещименко Г.П. Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков) // Specimina philologiae slavicae. Band 121. Verlag “Otto Sagner”. München, 1999.
- Нещименко Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития // ВЯ. 2001. № 1.
- Нещименко Г. Актуален труд по социолингвистика // Език и литература. 1981. № 6.
- Николова Н. [Рец. на кн.] Г.П. Нещименко. Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации на материале сопоставительного изучения славянских языков // Съоставително езикознание. 2002 (в печати).
- Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика. М., 1976.
- Никольский Л.Б. Проблема связи языка и культуры // Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии. Уфа, 1976.
- Никольский Л.Б. Трансмиссия культуры и ее лингвистические последствия в афро-азиатских странах // Язык как средство трансляции культуры. М., 2000.

- Ницолова Р. Некоторые особенности языковой ситуации в Народной Республике Болгарии // *Zeitschrift für Slawistik*. 1. 1981. Band 26.
- Ницолова Р. Основни тенденции в развитието на българския печат след 1989 г. // *Медиите и езикът*. София, 1999.
- Орлов Л.М. О социальных типах современного территориального говора // *Язык и общество*. М., 1968.
- Парфенова О.С. Проблема функционирования языка лингвоэтнических групп (на материале болгарской речи). Ин-т языкознания РАН. 1995 (рукоп. канд. дисс.).
- Попова В. За разговорната реч и нейната норма // *Проблеми на езиковата култура*. София, 1980.
- Попова В. Болгарский литературный язык // *Формирование славянских литературных языков: Теоретические проблемы*. М., 1983.
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996 (2-е изд. – 2000).
- Русский язык // *Najnowsze dzieje języków słowiańskich*. Opole, 1997.
- Савицкий Н., Шишкова Р. К методологии сопоставительного изучения динамики словарного запаса // *Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков*. М., 1994.
- Сгалл П. Чешский язык в повседневном разговоре // *Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте)*. М., 2002.
- Сиротинина О.Б. Русская разговорная речь. М., 1983.
- Сиротинина О.Б. Социальная дифференциация языка в современном крупном городе // *Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. Материалы международной конференции*. М., 1996.
- Српски език // *Najnowsze dzieje języków słowiańskich*. Opole, 1996.
- Станков В. Основни проблеми на нашето езиково строителство // *Български език*. 1979. Кн. 2.
- Стойков Ст. Литературен език и диалекти // *Известия на Институт за български език*. София, 1952. Кн. 2.
- Стойков Ст. Българска диалектология. София, 1968.
- Стоянов Ст. Граматика на българския книжовен език. София, 1964.
- Татаринов В.А. Этнический язык как социальный историко-географический феномен. [Рец. на кн.] Г.П. Нецименко. Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков) // *Русский исторический вестник: история – цивилизация – культура – текст*. Международный ежегодник. 2000.
- Теодоров-Балан Т. Нова българска граматика. София, 1940.
- Типы наддиалектных форм языка. М., 1981.
- Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
- Топоришич Й. Словенский литературный язык // *Формирование славянских литературных языков: Теоретические проблемы*. М., 1983.

- Туманян Э.Г. Язык как система социолингвистических систем. М., 1985.
- Тяпко Г.Г. [Рец. на кн.] Г.П. Нешименко. Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков) // ВЯ. 2001. № 6.
- Українська мова // Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Opole, 1999.
- Ускова Р.П. О языковой ситуации в республике Македония // Язык—Культура—Этнос. М., 1994.
- Филин Ф.П. Рускиот литературен јазик во неговите заемни врски со другите разновидности на рускиот јазик // Говорните форми и словенските литературни јазици. Скопје, 1973.
- Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.
- Функциональная стратификация языка. М., 1985.
- Штаб В.А. Социолингвистическое исследование языка немцев в Казахстане. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990.
- Шерба Л.В. Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. М., 1977.
- Якубинский Л.П. О диалогической речи // Русская речь. Петроград, 1923. Вып. 1.

* * *

- Balhar J. Formování městské mluvy v Opavě // Naše řeč. 1974. № 1.
- Barnet Vl. Jaký je lingvistický status hovorové ruštiny? // Československá rusistika. 1979. № 2.
- Barnet Vl. Diferenciace národního jazyka a sociální komunikace // Говорните форми и словенските литературни јазици. Скопје, 1973.
- Barnet Vl. Vztah komunikativní sféry a různotvaru jazyka v slovanských jazycích (K sociolinguvistické interpretaci pojmu jazyková situace) // Slavia. 1977. № 4.
- Barnet Vl. Synchronní dynamika spisovného jazyka // Jazykovedný časopis. 1981. № 2.
- Bělič J. K otázce obecné češtiny // Studie ze slovanské jazykovědy. Praha, 1958.
- Bělič J. Vojujeme za upevňování a šíření hovorové češtiny // Český jazyk a literatura. 1959. № 10.
- Bělič J. Ke zkoumání městské mluvy // Acta Universitatis Carolinae. Slavica Pragensia. 1962. № 4.
- Bělič J. Celonárodní slovní zásoba ne plně spisovná a nespisovná // Slovo a slovesnost. 1964. № 1.
- Bělič J. Nástin české dialektologie. Praha, 1972.
- Bělič J. Současná vývojová dynamika uvnitř českého jazykového celku // Československé přednášky pro VII. Mezinárodní sjezd slavistů. Praha, 1978.
- Bosák J. Skúmanie jazyka ako sociálno-komunikačného systému // Dynamické tendencie v jazykovej komunikácii. Bratislava, 1990.
- Brabcová R. Městská mluva v Brandýse nad Labem. Praha, 1973.
- Brabcová R. Škola a spisovná čeština // Spisovnost a nespisovnost dnes. Sborník příspěvků z mezinárodní konference. Brno, 1996.

- Brozović D. Standardni jezik. Zagreb, 1970.
- Brozović D. O tipologiji supstandardnih i interdijalekatskih idioma u slaven-
skom jezičnom svijetu // Говорните форми и словенските литературни
јазици. Скопје, 1973.
- Buttlerová D. Některé problémy polské normativní politiky // Aktuální otázky
jazykové kultury v socialistické společnosti. Praha, 1979.
- Buzássyová K. Sociolingvistická orientácia výskumnej úlohy. Slovenčina v
súčasnej komunikácii // Jazykovedný časopis. 1989. № 2.
- Čermák Fr. Obecná a spisovná čeština: Poměr, funkce a metodologie //
Spisovnost a nespisovnost dnes ... Brno, 1996.
- Černá A., Svobodová I., Šimandl J., Uhlířová. Na co se nás často ptáte (Ze
zkušeností jazykové poradny). Praha, 2002.
- Český jazyk // Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Opole, 1998.
- Čeština za školou. Praha, 1974.
- Čeština. Řeč a jazyk. Čechová M. a kolektiv autorů. Praha, 1996.
- Čeština: univerzália a specifika. 3. Sborník konference v Brně 22.–24.11.2000.
Brno, 2001.
- Čmejrková Sv., Daneš Fr., Kraus J., Svobodová I. Čeština, jak ji znáte i neznáte.
Praha, 1996.
- Daneš Fr. Pojem "spisovná čeština" v dnešních společenských podmínkách //
Dynamika současné češtiny z hlediska lingvistické teorie a školské praxe.
Praha, 1988.
- Daneš Fr. a kol. Český jazyk na přelomu tisíciletí. Praha, 1997.
- Dejmek B. Mluva nejstarší generace Hradce Králové. Hradec Králové,
1981.
- Dokulil M. K otázkám normy spisovného jazyka a její kodifikace // Slovo a
slovesnost. 1952.
- Eklundh K.S. Dialogue Processes in Computer-Mediated Communication.
A study of letters in the COM system // Linköping Studies in Arts and
Science. 6. Malmö, 1986.
- Encyklopedia wiedzy o języku polskim. Wrocław, 1978.
- Encyklopedia kultury polskiej. XX w. T. 1–2. Wrocław; Lublin, 1993.
- Encyklopedický slovník češtiny. Praha, 2002.
- Ertl V. Dobrý autor // Časové úvahy o naší mateřštině. Praha, 1929.
- Ferguson CH.A. Diglossia // Word. 1962. Vol. 15. № 2.
- Furdal A. Językoznawstwo otwarte. Wrocław etc., 1990.
- Georgievová E, Bačvarov J. Aktuální otázky bulharské jazykové kultury //
Aktuální otázky jazykové kultury v socialistické společnosti. Praha, 1979.
- Gutschmidt K. Über das Verhältniß von Norm und Kodifikation in der
Geschichte der neubulgarischen Literatursprache // Nadawki a granicy
řečneje kodifikacije. Budyšin, 1979.
- Hamers H.J., Blanc M. Bilingvalit et bilingvisme. 129. Bruxelles, 1983.
- Hausenblas K. Styly jazykových projevů a rozvrstvení jazyka // Slovo a sloves-
nost. 1962. № 3.
- Hausenblas O. K tzv. pronikání obecné češtiny do spisovného jazyka // Slovo a
slovesnost. 54. 1993.

- Havránek B. Na závěr dvouleté diskuse o obecné a hovorové češtině // Slovo a slovesnost. 1963. № 4.
- Havránek B. Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963.
- Havránek B. Zum Problem der Norm in der heutigen Sprachwissenschaft und Sprachkultur // Grundlagen der Sprachkultur. Beiträge der Prager Linguistik zur Sprachtheorie und Sprachpflege. Berlin, 1976. T. 1.
- Hlavsa Z. K některým aktuálním otázkám syntaktické normy // Dynamika současné češtiny z hlediska lingvistické teorie a školské praxe. Praha, 1988.
- Hoffmannová J., Müllerová O. Zur Variation von Schriftsprachlichkeit und Nichtschriftsprachlichkeit im heutigen Tschechisch // Sprachwandel in der Slavia... 2000.
- Horeký J. (a). Východiská k teórii spisovného jazyka // Z teórie spisovného jazyka. Bratislava, 1979.
- Horeký J. (b). Vymedzenie štandardnej formy slovenčiny // Slovenská reč. 44. 1979.
- Horeký J. K teórii spisovného jazyka // Jazykovedný časopis. 1981. № 2.
- Horeký J. Stratifikácia národného jazyka ako dôsledok dynamických procesov // Dynamika súčasnej češtiny z hlediska lingvistické teorie a školské praxe. Praha, 1988.
- Hronek J. Obecná čeština. Praha, 1972.
- Chloupek J., Lamprecht A., Vašek A. Český jazyk a některé jeho vývojové perspektivy // Slovo a slovesnost. 1962. № 4.
- Chloupek J. Aspekty dialektu. Brno, 1971.
- Chloupek J. Knížka o češtině. Praha, 1974.
- Chloupek J. 35 let nového vývoje češtiny // Slovo a slovesnost. 1980. № 3.
- Chloupek J. Dichotomie spisovnosti a nespisovnosti. Brno, 1986.
- Chloupek J. a kol. Stylistika češtiny. Praha, 1991.
- Chloupek J. Pochybnosti o funkčních stylech // Sborník prací filozofické fakulty Brněnské univerzity. Ř. A 41, 1993.
- Chlupáčová K., Kafková O., Camutaliová I. [Рец. на кн.] Русская разговорная речь // Československá rusistika. 1975. № 3.
- Jedlička A. Vztah vývoje spisovného jazyka k vývoji společnosti // Problémy marxistické jazykovědy. Praha, 1962.
- Jedlička A. Problematika mluveného jazyka v poměru k jazyku psanému // Говорните форми и словенските литературни јазици. Скопје, 1973.
- Jedlička A. Spisovný jazyk v současné komunikaci. Praha, 1974.
- Jedlička A. (a). Teorie jazykové kultury dnes // Aktuální otázky jazykové kultury v socialistické společnosti. Praha, 1979.
- Jedlička A. (b). O typologii spisovného jazyka a jeho teorií // Z teórie spisovného jazyka. Bratislava, 1979.
- Jedlička A. Typy norem jazykové komunikace // Slovo a slovesnost. 1982. № 4.
- Jungmann J. O různěni českého písemního jazyka // Boj o obrození národa. Praha, 1948.
- K diferenciaci současného mluveného jazyka. Sborník prací z mezinárodní vědecké konference. Ostrava, září 1994. Ostrava, 1994.

- Klebanowska B.* Poglądy przedstawicieli warszawskiej inteligencji na współczesną polszczyznę // *Współczesna polszczyzna: Wybór zagadnień.* Warszawa, 1981.
- Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich.* Opole, 2000.
- Kořenský J.* K stratifikačnímu modelování jazyka v kontextu tendencí současné jazykovědy // *Přednášky z 27. běhu Letní školy slovanských studií v roce 1983.* Praha, 1984.
- Kořenský J.* Komunikace a čeština. Praha, 1992.
- Kořenský J. (a).* O češtině dnešní a zítřejší – výzva k diskusi // *Jazykovědné aktuality. Informativní zpravodaj českých jazykovědců.* 1996. № 1–2.
- Kořenský J. (b).* Komunikační úspěšnost a spisovnost v různých typech řečových vztahů // *Spisovnost a nespisovnost dnes...* Brno, 1996.
- Košenský J.* Funkční stratifikace češtiny // *Český jazyk.* Opole, 1998.
- Kraus J.* Několik poznámek k pocitu jazykového ohrožení // *Naše řeč.* 1996. Seš. 1.
- Krčmová M.* Jazyk mládeže na Moravě // *Aktuální otázky jazykové kultury.* Praha, 1979.
- Krčmová M.* Běžně mluvený jazyk v Brně. Brno, 1981.
- Krčmová M.* K sociolingvistické interpretaci spontánního mluveného projevu // *Dynamické tendence v jazykové komunikaci.* Bratislava, 1990.
- Krčmová M.* [Рец. на кн.] Нецименко Г.П. Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков) // *Sborník prací filozofické fakulty Brněnské univerzity. Řada jazykovědná.* A 48, 2000.
- Kurkowska H.* Kultura języka a zróżnicowanie społeczne // *Socjolingwistyka. Z. I. Polityka językowa.* Katowice, 1977.
- Kurkowska H.* Próba charakterystyki socjolingwistycznej współczesnego języka polskiego // *Współczesna polszczyzna.* Warszawa, 1981.
- Lubaś W.* Społeczne uwarunkowania współczesnej polszczyzny. Kraków, 1979.
- Markowski A.* *Polszczyzna końca XX wieku.* Warszawa, 1992.
- Mathesius V.* Problémy české kultury jazykové // *Čeština a obecný jazykozpyt.* Praha, 1974.
- Mathesius V.* Společenské základy krásného hovoru // *Jazyk, kultura a slovesnost.* Praha, 1982.
- Mluvená čeština na Moravě.* Kol. autorů: Davidová D., Bogoczová I., Fic K., Hubáček J., Chloupek J., Jandová E. // *Spisy filozofické fakulty Ostravské univerzity.* Ostrava, 1997.
- Möglichkeiten und Grenzen der Standardisierung slavischer Schriftsprachen in der Gegenwart.* Dresden, 2002.
- Müllerová O., Hoffmannová J., Schneiderová E.* Mluvená čeština v autentických textech. Praha, 1992.
- Müllerová O.* Mluvený text a jeho syntaktická výstavba. Praha, 1994.
- Müllerová O.* Nespisovnost v rozhlasovém vysílání // *Spisovnost a nespisovnost dnes...* Brno, 1996.

- Na co se nás často ptáte. Kolektiv autorů: A. Černá, I. Svobodová, J. Šimandl, L. Uhlířová. Praha, 2002.
- Nedvěďová M. a kol (A. Stich)*. Obecná čeština v překladu // Naše řeč. 1981. № 2.
- Neščimenková G.P.* K problému diferenciacie národního jazyka // Jazykovědné aktuality. Informativní zpravodaj československých jazykovědců. Ročník XXIII. 1986. № 1 a 2.
- Něščimenko G.* Několik postřehů k problému diferenciacie národního jazyka // K diferenciaci současného mluveného jazyka. Ostrava, 1994.
- Neshimenko G.* National Language: An Attempt at Differentiation. (A Comparative Study of Slavonic Languages) // Research Support Scheme Network Chronicle. Prague, 1996. November.
- Neščimenko G.* K některým vývojovým tendencím v současné jazykové situaci // Pocta 650. výročí založení Univerzity Karlovy v Praze. Sborník příspěvků přednesených zahraničními bohemisty na mezinárodním sympoziu v Praze 20.–26. srpna 1998. II díl. Praha, 1998.
- Nicolova R.* Die Varietäten des Bulgarischen und die bulgarischen Printmedien nach 1989 // Sprachwandel in der Slavia... 2000.
- Pocta 650. výročí založení univerzity Karlovy v Praze. Sborník příspěvků přednesených zahraničními bohemisty na mezinárodním sympoziu v Praze 20.–26. srpna 1998. I–II díl. Praha, 1998.
- Rein K., Scheffelmann-Mayer M.* Funktion und Motivation des Gebrauchs von Dialekt und Hochsprache im Bairischen // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. 1975. H. 3.
- Serbščina // Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Opole, 1998.
- Setkání s češtinou: Setkání zahraničních a českých bohemistů. Praha, 6 a 7 září 2001. Praha, 2002.
- Ružička J.* Z charakteristiky súčasnej slovenčiny // Jazykovedný časopis. 1981. № 2.
- Sgall P.* Znovu o obecné češtině // Slovo a slovesnost. 1962. № 7.
- Sgall P., Hronek J.* Čeština bez příkras. Praha, 1992.
- Sgall P., Hronek J., Stich A., Horecký J.* Varieties of Czech: Studies in Czech Sociolinguistics. Amsterdam; Atlanta, 1993.
- Sgall P.* Spisovnost a kultura vyjadřování // Slovo a slovesnost. 1994. № 1.
- Sgall P., Hronek J.* Některé aktuální otázky jazykové kultury češtiny // Jazykovědné aktuality. Informativní zpravodaj českých jazykovědců. 1996. № 1–2.
- Sgall P.* [Рец. на кн.] G.P. Neščimenko. Etničeskij jazyk. Opyt funkcional'noj diferenciacii // Slovo a slovesnost, 61, 2000.
- Slovenčina na konci 20. storočia, jej normy a perspektívy // Sociolinguistica Slovaca 3. Bratislava, 1997.
- Slovenský jazyk // Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Opole, 1998.
- Spisovnost a nespisovnost dnes. Sborník příspěvků z mezinárodní konference "Spisovnost a nespisovnost v současné jazykové a literární komunikaci" / Ed. by Šrámek. Brno, 1996.

- Spisovná čeština a jazyková kultura: Sborník z olomoucké konference. 23.–27.8.1993. Praha, 1995. D. 1–2.
- Sprachwandel in der Slavia: Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Ein Internationales Handbuch // Linguistik International. Frankfurt am Main. 2000. Teil 1–2.
- Starý Z. Ve jménu funkce a intervence. Praha, 1994.
- Stich A. Jan Neruda jako teoretik a praktik jazykové kultury // Naše řeč. 1974. № 3.
- Stich A. K obecné češtině v současné krásné próze (Ota Pavel) // Naše řeč. 1975. № 4.
- Stich A. Kdo co je // Přítomnost. 1991. № 8.
- Stylistika současné češtiny. Kolektiv autorů: Čechová M., Chloupek J., Krčmová M., Minářová E. Praha, 1997.
- Tváře češtiny. Kolektiv autorů: Bogoczová I., Fic K., Chloupek J., Jandová E., Krčmová M., Müllerová O. // Spisy filozofické fakulty Ostravské univerzity, N 132. Ostrava 2000.
- Uličný O. Čeština devadesátých let dvacátého století // Spisovnost a nespisovnost dnes... Brno 1996.
- Uličný O. Чешский язык в конце двадцатого века // Sprachwandel in der Slavia.... Frankfurt am Main, 2000. Teil 1.
- Utěšený Sl. O územním rozrůznění běžně mluvené češtiny na Moravě // Acta Universitatis Carolinae. Slavica Pragensia. 1962. № 4.
- Utěšený Sl. Městská mluva v Českém jazykovém atlase // Naše řeč. 1974. № 1.
- Utěšený Sl. K rozrůznění českého národního jazyka (Metodologické a terminologické poznámky) // Slovo a slovesnost. 1980. № 1.
- Walter H. Probleme der Entwicklung von Sprache und Sprachsituation in Bulgarien und der DDR während des sozialistischen Aufbaus // Zeitschrift für Slawistik. 1981. Band 26.
- Videnov M. Die bulgarische Sprache und die öffentliche Meinung an der Schwelle des 21. Jahrhunderts // Sprachwandel in der Slavia..., 2000.
- Videnov M. Die Softotter Sprache // Sprachwandel in der Slavia..., 2000.
- Wilkoń A. O odmianach współczesnej polszczyzny mówionej. Wrocław, 1979.
- Wilkoń A. Typologia odmian współczesnej polszczyzny. Katowice, 1987.
- Wilkoń A. Проблемы культуры языка в Польше // Развитие языковой жизни стран социалистического содружества. Praha, 1987. D. 2.
- Wilkoń A. Typologia odmian językowych współczesnej polszczyzny. Katowice, 2000.
- Writing vs Speaking: Language, Text, Discourse, Communication / Ed. by Sv. Čmejrková, Fr. Daneš, E. Havlová // Proceedings of the Conference held at the Czech Language Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic. Prague, October 14–16, 1992. Tübingen, 1994.
- Zybatow L.N. Russisch im Wandel: Die russische Sprache seit der Perestrojka. Wiesbaden, 1995.

RESUMÉ

The monograph deals with some hot problems of modern sociolinguistics. It is focused on the issue of functional differentiation in ethnic language as one of the most fundamental problem. The problem attracts the attention of many scholars for a long time. To clarify this key problem is of a great importance for both language theory and practice. It is a crucial issue for the examination of the sociolinguistic situation, for the elaboration of a strategy and tactics in the field of cultural and language politics, for the determination of the priorities in a language education.

The core goal of our study was to work out the macro-model of an ethnical language. We intended to give a general outline of the model and to show how it worked. Meanwhile, the content of the monograph wasn't limited with the theoretical topics. It was the ethnical language communication in its dynamic aspect was brought to light in the monograph.

The monograph is based on a large amount of facts. The data reflects the specifics of language situation in various Slavic ethnos (and some polyethnical formations such as Russia, Soviet Union). The material presented in the monograph was mainly based on the author's observations, but it leaned as well on the data of the modern sociolinguistic studies in the field of Bulgarian, Polish, Russian, Slovakian and Czeck. It should also be noted that the main difficulty werd met during our research work was the conflicting interpretation of some terminus by different scholars, whose sociolinguistic descriptions were brought together in the monograph. For example, it must be made distinction between such significant notions as "oral speech" and "spoken language"; it should also be taken into consideration the variations in interpretation of "standard", "sub-standard", "language idiom"; the notion of "literary language" is a very contradictional one as well: in some national science trends it is considered as a codified form of language, while in the others—for instance, in Russian – as a non-codified one.

The distribution of the data inside of the monograph is not a homogeneous one. Thus, the sociolinguistic conceptions in Russian, Check and Bugarian (one language from each group of Slavic languages) are

placed into separate subsections. The examination of the language situation in Polish and Slovak was made in a rather brief way, and its outcomes had been taken into consideration only for purposes of some theoretical settlements.

The manipulation with a large and various amount of facts let the author make an approbation (and the correction where it was necessary) of some assertions of our concept of the language structure formation.

There were some deep reasons for the chosen theme—the issue of creating a model of ethnic language. Though the problem seems to be considered by the scholar society as a very significant one, it is still far from being solved. This utterance might be taken as a paradox, as far as most of the now-a-day sociolinguistic descriptions of Slavic and not only Slavic languages are based on the similar and hence generally accepted theoretical premises.

Meanwhile, the approbation of the premises on the specific language material brought to disclose a lot of its weak points. It should be mentioned that the regular language idioms, which the scholars usually use, aren't presented in its original form, that means, as the homogenous and system entities in spoken usage ("usus"). Some linguistic foresights didn't come true as well, since they got into conflict with the reality of the verbal ethnic communication. All these factors make the adequate presentation of the divers language picture difficult and at the same time it incites the subsequent study of the issue.

Starting point of the monograph was a view of ethnic language not as a mono-centric hierarchy with the stress purely on literary language, but rather as a two-centred system made up of independent but not isolated isomorphic subsystems. Author proposes a binary division for both the communicative and the language continuum of a language. The communicative continuum of any ethnic community can be divided into the area of high-level communicative functions, i.e. official, public communications and non-public interpersonal communications in the absence of a confidential relationship, and the area of non-official interpersonal communication, i.e. the everyday, spontaneous, and personal. The language continuum also consists of two subsystems: that of language serving the higher communicative function, which is characterised by regulated speech behaviour, external and self-censorship and monologue-like structure of expression; and that of language in everyday communication, which is characterised by unregulated speech behaviour, dialogue-type text structure, absence of auto-censorship, linear development of expression reflecting the flow of meaning, etc. The ethnic language is thus seen as two autonomous but interacting systems, and its use in the first of the above areas provides information about the level of civilisa-

tion of the ethnîe, while its use in natural everyday communication is important for the conservation of the ethnic language as a living means of communication for the society.

Author reaches a conclusion as to the necessary diglossy of the individual, i.e. the co-existence in the idiolect of at least two mutually complementary functional idioms representing the two subsystems of the ethnic language, rather than the often propounded universal use of literary language in all communications. Both subsystems are tending towards an increasing centralisation, moving towards an idiom of general ethnic significance. Although this process is moving faster in the subsystem of higher communicative functions than in that of everyday communication, both systems have an isomorphic structure, i.e. with a centre and periphery. In the first subsystem the centre is the codification of general ethnic literary language in both written and oral (but not spoken) forms, while regional variants of the literary language and those speech idioms used by people who do not meet the literary norm have moved to the periphery. The centralisation of everyday language is more complex. Here the central idiom is what she terms the *substandart*, i.e. generally ethnic spoken language which is still not fully formed, or the idiom which still retains regional elements. The periphery of this subsystem embraces the territorial dialects and also such idioms as are used in spontaneous everyday communication.

Certain important processes are under way in modern spoken communication: a gradual levelling of regional forms of communication; the creation of integrated idioms of generally ethnic communication, i.e. *substandart*; an increase in the importance of sociolects; the increasing importance of the generating difference of speech acts; and the increased role of oral literary language as a means of general ethnic communication. The lessening distance between the spoken and literary norms is also important, although this varies from language to language as well as at different stages of the same language.

Author offers a conception, in both written and oral literary forms, as opposed to "spoken language" and isolates important trends in the development of the modern language situation, in particular in the change of the modern spoken etiquette and the significance of language in the cultural development of an ethnic group. She sees one of her most important conclusions as the thesis that the distribution of idioms in the system of verbal communication is determined by their correspondence to the spoken and communicative standard and does not depend on the subordination of idioms in asses the real state of the development of a language in order to provide concrete recommendations as to how to improve the speech culture.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	5
ВВЕДЕНИЕ	9
Глава 1	
КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ СТРОЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ЯЗЫКА	27
Характеристика стратификационной модели этнического языка	28
Характеристика коммуникативной модели этнического языка	38
Членение коммуникативного пространства	39
Членение языкового пространства	45
Трактовка понятия “языковой идиом”	48
Оппозиции, учитываемые при членении языкового пространства	51
Организирующие принципы предлагаемой коммуникативной модели	56
Подсистема языкового обеспечения регулируемого речевого по- ведения (высшие коммуникативные функции)	65
Подсистема языкового обеспечения нерегулируемого речевого поведения (непринужденное повседневное общение)	109
Глава 2	
КОНЦЕПЦИИ ОПИСАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СИТУАЦИЙ	146
Концепция описания русской языковой ситуации	148
Концепция описания чешской языковой ситуации	174
Концепция описания болгарской языковой ситуации	221
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	245
ЛИТЕРАТУРА	264
RESUMÉ	275

CONTENTS

FROM AUTOR	5
INTRODUCTION	9
Chapter 1	
COMMUNICATIVE MODE OF THE DIFFERENTIATION OF THE ETHNICAL LANGUAGE	27
Chapte 2	
CONCEPTIONS OF THE DESCRIPTION OF THE ETHNICAL LANGUAGE SITUATION	146
SUMMARY	245
LITERATURE	264
RESUMÉ	275

Научное издание

Нещименко Галина Парфеньевна

**Языковая
ситуация
в славянских
странах**

Опыт описания. Анализ концепций

Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения
РАН

Зав. редакцией *А.И. Кучинская*
Редактор *Т.М. Скрипова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректоры *З.Д. Алексеева,*
Г.В. Дубовицкая, Т.А. Печко

Подписано к печати 11.04.2003
Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 17,5. Усл.кр.-отт. 18,0. Уч.-изд.л. 18,0
Тираж 760 экз. Тип. зак. 7886

Издательство "Наука"
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru
ППП "Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6

**Профессор, доктор
филологических наук**

Галина НЕЩИМЕНКО –

**ведущий научный сотрудник Института
славяноведения РАН. Окончила МГУ**

по специальности «славянская филология»,

затем аспирантуру Института славяноведения.

В 1961 г. защитила кандидатскую диссертацию,

**в 1978 г. – докторскую. Разрабатывает проблематику
словообразования, сопоставительного изучения славянских
языков, социолингвистики, лингвокультурологии.**

**Ею опубликовано около 200 работ, в том числе три
монографии: «История именового словообразования в чешском
литературном языке XVIII – XX вв. (Прилагательное)»,**

**«Очерк деминутивной деривационной системы в истории
чешского литературного языка (конец XIII – середина XX в.)»,**

**«Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации
(на материале сопоставительного изучения славянских языков)».**

**Является координатором международных целевых проектов
по изучению языка, культуры, этноса, а также
по сопоставительному изучению славянских языков.**

Занимается активной педагогической деятельностью.

Член Научного совета по истории мировой культуры

**РАН. Член международных комиссий
при Международном комитете славистов
по литературным языкам
и словообразованию.**

ISBN 5-02-032663-1

9 785020 326637